

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет»**

На правах рукописи

РОДИНА Юлия Демьяновна

**Языковая личность персонажа в автобиографической прозе
А. Белого (на материале романа «Котик Летаев»)**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Дубова Марина Анатольевна

Коломна – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Языковая личность как объект лингвоперсонологии.....	16
§ 1.1. Антропоцентрическая парадигма в когнитивной лингвистике.....	16
§ 1.2. Теоретические аспекты изучения языковой личности в работах отечественных лингвистов	17
§ 1.3. Языковая личность персонажа в художественном произведении	28
Выводы по первой главе.....	33
Глава 2. Индивидуальный лексикон Котика Летаева как реализация вербально-семантического уровня организации языковой личности.....	35
§ 2.1. Индивидуальный лексикон персонажа в теоретическом аспекте.....	35
§ 2.2. «Слова указующие» и их функционирование в представлении индивидуальной картины мира персонажа.....	43
§ 2.3. Имена существительные в индивидуальном лексиконе персонажа: семантическая и частотная классификации.....	64
§ 2.4. Глаголы в индивидуальном лексиконе персонажа: семантическая и частотная классификации.....	88
Выводы по второй главе.....	103
Глава 3. Лингвокогнитивный и прагматический уровни организации языковой личности «Котик Летаев».....	106
§ 3.1. Тезаурус и прагматикон языковой личности. Теоретический аспект.....	106
§ 3.2. Концепт «Мыслительная деятельность» и средства его репрезентации.....	115
§ 3.3. Концепт «Пространство» и средства его репрезентации	130

§ 3.4. Концепт «Время» и средства его репрезентации.....	144
§ 3.5. Текстовый концепт «Котик Летаев» как вершина концепто- сферы языковой личности «Котик Летаев»	158
Выводы по третьей главе.....	171
Заключение.....	174
Список литературы	178
Приложения	196
Приложение 1. Состав индивидуального лексикона языковой лич- ности «Котик Летаев»	196
Приложение 2. Высокочастотные единицы индивидуального лек- сикона языковой личности «Котик Летаев»	225
Приложение 3. Семантическая классификация единиц индивиду- ального лексикона языковой личности «Котик Летаев».....	227
Приложение 4. Список принятых в работе условных сокращений и аббревиатур	230

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистической науке язык как объект исследования стал рассматриваться в антропоцентрической парадигме, позволяющей расширить горизонты научных работ в области лингвистики. Зарождение когнитивной лингвистики произошло в рамках когнитологии, ее становление связано с появлением трудов американских исследователей Д. Лакоффа, Ч. Филмора, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа, У. Чейфа. Когнитивизм объединяет когнитивную психологию, лингвистику и лингвоперсонологию, в центре исследования последней находится интегративное понятие «языковая личность». Актуализируется рассмотрение персонажа художественного текста как модели языковой личности, сферой бытования которой является конкретный текст, созданный автором на базе определенных языковых средств.

В представленной работе рассматривается языковая личность Котика Летаева – центрального персонажа автобиографического романа А. Белого «Котик Летаев». Обращение к модернистскому роману не случайно. Эпоха модернизма – сложный и противоречивый период русской литературы, справедливо считающийся временем культурного Ренессанса, т. к. кардинально изменил взгляд на мир, человека, характер мышления. С его неожиданными идеями и экспериментами связано возникновение нового художественного мышления, творческих принципов, в дальнейшем определивших пути развития русского искусства. В стремлении создать нечто необычное и оригинальное модернизм порождает новое как в сфере художественной формы, так и в сфере художественного синтаксиса и семантики. Меняется не только предмет художественного изображения, но и само представление о действительности. Писатели-модернисты не ограничиваются сведением понятия «действительность» только к предметному миру, миру вещей. Первостепенной в литературе становится сфера сознания персонажа, что дает возможность писателю построить особую художественную действительность, существующую по своим законам. Модернистский тип художественного мышления, в отличие от традиционного классического, опирается на абсолютно иную ху-

дожественную модель мира. «На смену персонажу классической литературы с неповторимым, только ему свойственным внутренним миром, приходит художественный образ, эквивалентный мысли, сознанию» [Бобрикова 2008: 10].

Особое место среди стилистических открытий писателей-модернистов этого периода принадлежит автобиографической прозе А. Белого, до сегодняшнего дня остающейся до конца не изученным художественным феноменом. В последнее время житетворчество писателя привлекает пристальное внимание исследователей: детальному анализу подверглись мировоззренческая концепция А. Белого, его симфонии, лирика, автобиографическая и художественная проза, особенно романы «Петербург», «Серебряный голубь». Тем не менее до сих пор остаются малоизученными с лингвистической точки зрения произведения, которые по разным причинам оказываются за пределами исследовательского интереса. В частности, к ним принадлежит роман «Котик Летаев». С учетом сказанного актуальность диссертационной работы определяется отсутствием в отечественном языкознании комплексного лингвистического исследования романа А. Белого «Котик Летаев». Существующие на данный момент работы, посвященные этому произведению, в основном выполнены в литературоведческом и культурологическом аспектах.

Реконструкция языковой личности персонажа осуществляется с опорой на оригинальную трехуровневую модель организации языковой личности, разработанную Ю. Н. Карауловым. На вербально-семантическом уровне исследуется индивидуальный лексикон персонажа, представляющий говорящего индивида и обнаруживающий индивидуально-семантические поля, предполагающие выход на уровень концептов. Лингвокогнитивный уровень содержит анализ концептуальной структуры художественного текста, создающей индивидуальную картину мира персонажа. На мотивационном уровне определяются коммуникативно-деятельностные потребности личности на основании анализа совокупности лексических средств, служащих языковой объективации особенностей поведения персонажа в процессе коммуникации.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена: 1) его антропологической направленностью; 2) пристальным интересом современной лингвистики к феномену языковой личности персонажа художественного произведения, проблеме ее типологии и методики описания; 3) обращением к модернистскому художественному тексту и построению модели языковой личности персонажа; 4) отсутствием работ, посвященных комплексному изучению образа художественного персонажа с лингвокогнитивных позиций в романе А. Белого «Котик Летаев».

Степень изученности темы исследования. В последние десятилетия творчество А. Белого привлекает довольно пристальное внимание исследователей: появился ряд литературоведческих монографий [Кожевникова 1992], [Лавров 1995], статей [Болдырев 2002] и диссертационных исследований. Как было отмечено выше, в большинстве работ творчество писателя изучается в литературоведческом и культурологическом аспектах: воплощение религиозно-философских и эстетических исканий А. Белого в его романах начала века [Самарина 2000], изучение поэтики автобиографической прозы писателя [Трофимов 2008] [Юнина 2009], описание форм выражения авторского сознания в его автобиографических произведениях [Вафина 2011], интерпретация модели мира А. Белого с культурологических позиций [Миронова 2010] и т.д. В то же время нельзя не отметить, что индивидуально- авторский стиль А. Белого недостаточно изучен.

Из отечественных лингвистических научных работ внимания заслуживает диссертация Т. А. Муллиновой «Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально-семантический аспект: на материале романов А. Белого «Котик Летаев» и "Крещеный китаец"» (2004), которая посвящена исследованию и описанию эмотивной лексики в автобиографической прозе А. Белого в функционально-семантическом аспекте. Т. А. Муллиновой определено содержание понятий эмотивности, оценочности и экспрессивности; выявлены особенности функционирования эмотивной лексики в художественном тексте; описана структура функционально-семантического поля эмо-

тивности. Выделены два класса эмотивов в автобиографических романах А. Белого: эмотивы со значением состояния и эмотивы со значением отношения. Каждому классу эмотивов соответствует определенное количество микрополей. Т. А. Муллиновой проведен сопоставительный анализ функционально-семантических полей романов А. Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец». Однако при всем разнообразии существующих исследований на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные комплексному изучению образа художественного персонажа как языковой личности в романе «Котик Летаев» с лингвокогнитивных позиций.

Объектом исследования является персонаж художественного произведения как виртуальная языковая личность.

Предметом исследования являются персонажная субъектная речевая сфера, представленная в большей степени внутренней речью персонажа – его индивидуальным лексиконом, и неперсонажная субъектная речевая сфера как способ авторской репрезентации языковой личности персонажа; фрагменты, представляющие оценку персонажа другими героями романа.

Основным источником исследования послужил роман А. Белого «Котик Летаев», входящий в Полное собрание сочинений А. Белого в двух томах. [Белый 2011].

Материалом исследования является лексическая структура текста романа во фрагментах, представляющих индивидуальный лексикон персонажа (в большей степени его внутреннюю речь) и прочих фрагментах, содержащих ту или иную информацию о нем (авторские комментарии и высказывания других персонажей). Общее количество проанализированных примеров составляет 1411 единиц.

В диссертационной работе использовались следующие методы анализа: метод описания, статистический метод, метод анализа словарных дефиниций, компонентный и контекстуальный анализ, концептуальный метод, метод анализа семантического поля, сопоставительный анализ, метод концептуального анализа ключевого слова текста.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые было осуществлено изучение языковой личности персонажа романа А. Белого «Котик Летаев» с лингвокогнитивных позиций. Выбор на роль объекта описания главного персонажа объясняется, прежде всего, его неизученностью с лингвистических позиций. Реконструкция языковой личности выполнена с опорой на трехуровневую модель организации [Караулов 2010]: на вербально-семантическом уровне исследован индивидуальный лексикон персонажа, на лингвокогнитивном уровне осуществлен анализ концептов как элементов его индивидуальной картины мира, на мотивационном уровне определены коммуникативно-деятельностные потребности личности и особенности их функционирования. Рассмотрение текстового концепта «Котик Летаев» позволило более детально представить образ персонажа, создать полноценный портрет языковой личности. Проведенное исследование является вкладом в развитие отечественной лингвоперсонологии.

Цель работы заключается в комплексной реконструкции языковой личности Котика Летаева путем исследования его персонажной и неперсонажной субъектных речевых сфер на основе трехуровневой модели языковой личности.

Под **языковой личностью** в исследовании понимается «любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [Караулов 1997: 671].

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) изучение основных теоретических исследований, посвященных рассмотрению персонажа как языковой личности;
- 2) выделение всех текстовых фрагментов, составляющих содержание персонажного дискурса Котика Летаева (в большей степени его внутренней

речи), а также фрагментов, представляющих речь других персонажей и авторские комментарии о персонаже;

3) составление словариков на основе метода сплошной выборки полных слов из текстовых фрагментов, содержащих внутреннюю и внешнюю речь персонажа;

4) анализ лексической структуры выделенных текстовых фрагментов на основе семантической классификации ее единиц и описания функционирования языковых единиц в составе индивидуального лексикона Котика Летаева;

5) реконструкция доминантных концептов, отражающих специфику картины мира языковой личности «Котик Летаев», путем рассмотрения тезауруса и прагматикона;

6) определение коммуникативно-деятельностных потребностей личности на основании анализа совокупности лексических средств, служащих языковой объективации особенностей поведения персонажа в процессе коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение персонажа художественного произведения как модели языковой личности с лингвистических позиций является продуктивным путем исследования в рамках лингвоперсонологии. Отдельный персонаж текста как автономная языковая личность может служить такой определенной моделью для лингвистического исследования самостоятельного субъекта речевого действия.

2. Одним из способов описания персонажа как субъекта речевого действия является комплексная реконструкция базовых личностных смыслов индивидуальной картины мира персонажа на основе многократно апробированной методики трехуровневой модели языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым, и лингвокогнитивного подхода к пониманию персонажной концептосферы.

3. Исследование индивидуального лексикона персонажа открывает путь к пониманию индивидуальной картины мира языковой личности и выявлению индивидуально-семантических полей.

4. Взаимодействие концептов «Мыслительная деятельность», «Пространство», «Время», «Котик Летаев» наблюдается в связи с эволюцией языковой личности главного персонажа. Пространственные и временные отношения напрямую связаны с внутренним миром Котика Летаева, со становлением его как личности.

5. Анализ совокупности лексических средств, служащих языковой объективации особенностей поведения персонажа в процессе коммуникации, определяет коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности: стремление к уединению, нежелание вступать в коммуникативные отношения, желание занять позицию созерцателя и наблюдать за окружающими и происходящим вокруг, замкнутость и отстраненность.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности дальнейшей разработки теории языковой личности художественного текста; проведенный в работе вносит вклад в лингвистическое изучение произведений А. Белого, в разработку навыков интерпретации текста с учетом лингвопрагматических характеристик.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования отдельных ее положений в рамках занятий по лингвоперсонологии и когнитивной лингвистике. Кроме этого, материалы диссертации могут быть полезны при подготовке студенческих курсовых и выпускных квалификационных работ по проблеме языковой личности персонажа, а также исследований художественного текста с позиций лингвоперсонологии. Результаты работы могут быть использованы при дальнейших исследованиях языковой личности персонажа художественного текста и в изучении идиостиля А. Белого.

Научно-теоретическую базу исследования составляют работы отечественных лингвистов по

- когнитивной лингвистике, лингвоперсонологии и лингвокультурологии: Н.Ф. Алефиренко (2002), Н. Д. Арутюнова (1998), А. П. Бабушкин (1996), Н. Н. Болдырев (2001, 2016), С. Г. Воркачев (1996, 2001, 2002), В.З. Демьянков (2001, 2007, 2016), В. И. Карасик (2001, 2002, 2003, 2014, 2015), Е.С. Кубрякова (1997, 1995), Д. С. Лихачев (1991, 1993), Г. И. Манаенко (2016), В.А. Маслова (2004), В. П. Нерознак (1996), З.Д. Попова (2001, 2007), Ю. Е. Прохоров (2016), И.А. Стернин (2001, 2007, 2008), В.Н. Телия (1996), Л. Н. Чурилина (2001, 2002).

- лингвистической семантике: Ю. Д. Апресян (1995), Н. Д. Арутюнова (1990), А. Вежбицкая (1996, 1999), А. А. Залевская (1977, 1992, 2005), Ю. С. Степанов (1997), Н. Ю. Шведова (1995, 1998).

- теории языковой личности: Архипов И. К. (2008), Е. Н. Байбулатова (1998), Г. Н. Беспмятнова (1994), А. Н. Богомолов (2005), Г. И. Богин (1980, 1984), О. А. Еремеева (1991), Е. В. Иванцова (2010), Ю. Н. Караулов (1987, 1995, 1997), М. В. Ляпон (1995), Л. Н. Чурилина (2017).

Исследование основывается на комплексном, системном подходе, сочетающем элементы историко-литературного, концептуального и конкретно-текстового анализа.

Структура исследования определена спецификой изучаемой проблемы, целью и задачами исследования, отражает последовательность рассмотрения предлагаемого материала и состоит из введения, трех глав, выводов по каждой главе, заключения, списка использованной и цитируемой литературы, включающего 175 наименований (в том числе 10 словарей и справочных изданий), 4 приложения. Основная часть диссертации составляет 184 страницы, общий объем работы – 237 страниц.

Во **введении** определяются цель и задачи исследования, обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, перечисляются методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, указывается теоретическая и практическая значимость работы, осуществляется обзор научно-методологической базы исследования.

Первая глава «Языковая личность как объект персонологии» включает в себя три параграфа и посвящена изучению взглядов исследователей на проблему языковой личности, анализу модели языковой личности в художественном произведении и способах ее реконструкции, определению алгоритма исследования языковой личности «Котик Летаев».

Вторая глава «Индивидуальный лексикон Котика Летаева как отражение вербально-семантического уровня организации языковой личности» состоит из четырех параграфов и содержит таблицы. Она посвящена исследованию индивидуального лексикона Котика Летаева, реконструкции вербально-семантического уровня, который позволяет представить ЯЛ и обозначить индивидуально-семантические поля, необходимые для выхода на уровень концептов.

Третья глава «Лингвокогнитивный и прагматический уровни организации языковой личности» включает в себя пять параграфов, в рамках которых предпринята попытка рассмотреть тезаурус и прагматикон в единстве с точки зрения понимания персонажа Котика Летаева как языковой личности. Реконструкция тезауруса подразумевает анализ доминантных концептов. За основу методологии исследования концептов мы принимаем полевое описание концепта – в терминах ядра и периферии, при этом отмечаем, что концепт не может быть выражен в речи в полном объеме, ибо является результатом индивидуального познания, нечетко структурированной объемной единицей, к тому же в процессе языковой и речевой репрезентации что-то остается незафиксированным [Попова, Стернин 2001: 49].

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Список литературы включает перечень использованных в работе научных трудов (164 наименования), список словарей и справочной литературы (10 в общей сложности), источников (текстов А. Белого).

Приложение 1 содержит результаты статистического подсчета единиц словаря персонажа, представленные в виде полного списочного состава лек-

сем, входящих во фрагменты с внешней и внутренней речью персонажа, с указанием числа употреблений каждого слова. **Приложение 2** включает общий список высокочастотных единиц индивидуального лексикона Котика Летаева. В **Приложении 3** представлена семантическая классификация единиц индивидуального лексикона Котика Летаева. В **Приложении 4** представлены основные аббревиатуры, использованные в работе.

Соответствие паспорту специальности. Отраженные в диссертационном исследовании положения соответствуют паспорту специальности 10.02.01. – «Русский язык», в частности, следующим областям исследования: – п. 6. Семантика русского языка: Исследования в области русской языковой картины мира. Пространство и время в русской языковой картине мира. Образ человека в русской языковой картине мира. Культурно-значимые концепты русской языковой картины мира.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на Международной научной конференции «Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность» (г. Москва, МГОУ, 2016 г.); Всероссийской научно-методической конференции «Русский язык и литература: актуальные проблемы теории и практики преподавания» (г. Коломна, ГСГУ, 2016 г.); Международной научной конференции «Русский язык: история, диалекты, современность» (г. Москва, МГОУ, 2016 г.); Международной научной конференции «Русский язык: история, диалекты, современность» (г. Москва, МГОУ, 2017г.); Международной междисциплинарной конференции, посвященной Дням славянской письменности и культуры (г. Коломна, ГСГУ, 2017 г.); Международной конференции «Язык. Культура. Перевод» (г. Одинцово, МГИМО, 2018 г.). Отдельные положения диссертации обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русского языка ГСГУ.

Результаты диссертационного исследования отражены в 9 публикациях (в том числе 5 статей – в ведущих рецензируемых научных журналах, входя-

щих в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ). Общий объем публикаций составил 5 п. л.:

1. Родина, Ю. Д. Средства репрезентации концепта «Пространство» в романе А. Белого «Котик Летаев» / Ю.Д. Родина // ФИЛОЛОГОС. – №2. – 2018. – С. 52–59.

2. Родина, Ю. Д. Структурные схемы, репрезентирующие синтаксический концепт «Мыслительная деятельность» во второй главе («Нянюшка Александра») романа А. Белого «Котик Летаев» / Ю.Д. Родина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – Москва. – №2. – 2018. – С. 463–479.

3. Родина, Ю. Д. Синтаксический концепт «мыслительная деятельность» и его реализация в романе А. Белого «Котик Летаев» / Ю.Д. Родина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград. – №3. – 2018. – С. 86–90.

4. Родина, Ю. Д. «Слова указующие» и их функционирование в организации вербально-семантического уровня языковой личности персонажа художественного произведения (на материале романа А. Белого «Котик Летаев») / Ю.Д. Родина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград. – №7. – 2019. – С. 147–152.

5. Родина, Ю. Д. Текстовый концепт «Котик Летаев» и средства его репрезентации в одноименном романе А. Белого / Ю.Д. Родина // Вестник Воронежского государственного педагогического университета – Воронеж. – №3. – 2019. – С.138–143.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

6. Родина, Ю. Д. «Поток сознания» и средства его создания в повести А. Белого «Котик Летаев» (на материале первой главы «Бредовый лабиринт») / Ю.Д. Родина // Экология языка: сборник статей IX Международной научной конференции. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С.109–114.

7. Родина, Ю. Д. Дискуссионные вопросы лингвистического анализа текста: лексемы со значением «мыслительная деятельность» и особенности

их стилистического функционирования (на материале повести А. Белого «Котик Летаев») / Ю.Д. Родина // Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в условиях перехода на новые образовательные стандарты: материалы первой Всероссийской научно-методической конференции. – Коломна: ГСГУ, 2016. – С. 183–200.

8. Родина, Ю. Д. Способы репрезентации концепта «память» (на материале первой главы «Бредовый лабиринт» повести А. Белого «Котик Летаев») / Ю.Д. Родина // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: межвузовский сборник научных и научно-методических трудов, посвященный 100- летию со дня рождения первого заведующего кафедрой русского языка КПИ Р. Е. Вульфсон. – Коломна: Государственный социально- гуманитарный университет, 2017. – С. 109–116.

9. Родина, Ю. Д. Средства лексической репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» в повести А. Белого «Котик Летаев» (на материале 4-ой главы «Котик Летаев») / Ю.Д. Родина // Русский язык и литература: история и современность (вып. XVI): сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. – Москва: МГОУ, 2017. – С. 258–266.

Глава 1. Языковая личность как объект лингвоперсонологии

§ 1.1. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике

В современной лингвистике актуально рассмотрение языковых явлений в антропоцентрической парадигме. Лежащий в основе гуманитарных наук принцип антропоцентризма составляет основу методологической базы когнитивных исследований, где «языковые явления осмысливаются в диаде «язык и человек»» [Кубрякова 1995: 213]. Языкознание приобретает выраженный антропоцентрический характер, когда ставит задачу не только исследовать «язык в себе и для себя», но и выявить, каков тот человек, который пользуется или пользовался этим языком [Демьянков 2016: 38]. «Исследование предметов человеческой культуры под антропоцентрическим углом зрения является проявлением научной эмпатии к человеку» [Там же: 43].

По мнению Ю. С. Степанова, основу антропоцентрического принципа составляет положение, что «язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидуумом» [Степанов 1998: 50].

Зарождение когнитивной лингвистики произошло в рамках когнитологии, ее становление же связывают с появлением трудов американских исследователей Д. Лакоффа, Ч. Филмора, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа, У. Чейфа. Важнейшей проблемой когнитивной лингвистики является проблема взаимоотношения языка и мышления, а ее предмет был намечен еще в теоретических трудах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Впервые вопрос о статусе отечественной когнитивной лингвистики с освещением широкого круга ее проблем был поставлен на Первой международной школе-семинаре по когнитивной лингвистике в Тамбове 26 – 30 мая 1997 года.

По мнению Н. Н. Болдырева, «когнитивная лингвистика прежде всего занимается когницией в ее языковом выражении» [Болдырев 2001: 10].

Когнитивная лингвистика также связана с изучением различных разделов языкознания с когнитивной точки зрения, среди которых можно выделить следующие: 1) когнитивные аспекты грамматики; 2) когнитивные аспекты номинации и словообразования; 3) концептуализация в историческом аспекте; 4) концептуализация в ментальных пространствах текста и дискурса; 5) природа концепта и концептуальный анализ; 6) языковая концептуализация мира; 7) концептуальный анализ грамматических категорий; 8) вербализация концептов; 9) национальный менталитет и языковая личность; 10) языковое сознание и картина мира.

Основная проблематика когнитивной лингвистики сосредоточена вокруг ее базовых понятий, таких как: концепт, концептосфера, концептуализация, категория и категоризация.

На сегодняшний день когнитивная лингвистика находится в стадии своего активного развития, ее значимость постоянно возрастает. Когнитивизм объединяет когнитивную психологию, лингвистику и лингвоперсонологию, в центре исследования последней и находится языковая личность, теоретические аспекты изучения которой считаем необходимым прокомментировать в следующем параграфе.

§ 1.2. Теоретические аспекты изучения языковой личности в работах отечественных лингвистов

Понятие *языковая личность*¹ находится в центре лингвистической персонологии. Междисциплинарный характер данного термина обуславливает наличие интерпретаций, выходящих за рамки лингвистического интереса.

В отдельных работах встречается критическая оценка данного термина, в частности, в трудах В. Л. Краева, видящего в ЯЛ «терминологически неудачное словосочетание», соответствующее стадии «общей неопределенности исследовательского процесса» [Краев 1991:110]. Аналогичное мнение

¹ Далее – ЯЛ.

высказывает В. А. Чудинов, считающий, с одной стороны, термин ЯЛ «избыточным», с другой стороны, отмечающий «нарушение соотнесенности личности с соответствующей языковой структурой, которая для личности оказывается не языком в полном его объеме, а лишь речью – индивидуальной, возрастной, территориальной, принадлежащей определенному социальному слою» [Электронный ресурс: <http://chudinov.ru/> Дата обращения: 17.10.2019].

Широкая употребительность термина ЯЛ в целом ряде различных областей научного знания свидетельствует о его актуальности в аспекте изучения антропоцентрического аспекта в языке. По мнению Ю.Н. Караулова, «Языковая личность – вот та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов 2002: 3].

Считаем целесообразным обратиться к анализу основных теоретических положений в истории изучения ЯЛ как явления.

Первое упоминание сочетания ЯЛ в отечественном языкознании относится к 30-м гг. XX века и связано с монографией «О художественной прозе» В. В. Виноградова, в которой были намечены две линии рассмотрения проблемы – образ автора и образ персонажа (художественный образ), – обусловленные различным восприятием данных категорий исследователем и читателем. По мысли ученого, «лингвист анализирует текст сквозь призму художественно-языкового сознания автора» [Виноградов 1980: 85], поэтому для него первостепенным становится «образ автора». Совсем иное видение свойственно читателю, т.к. его восприятие героя связано с представлением реального лица с определенным набором внутренних качеств и переживаний. В. В. Виноградову в своем труде удалось учесть и гармонично соединить в одном и том же анализе исследовательскую и читательскую точки зрения, но

введенное в научный оборот сочетание ЯЛ не имело толкования в данной монографии и как следствие – было лишено терминологического характера.

Особый интерес к понятию ЯЛ наблюдается у исследователей в 80-е гг. XX века, что связано с актуализацией антропоцентрической парадигмы в языкознании.

Первое определение ЯЛ как «человека, рассматриваемого с точки зрения ее готовности производить речевые поступки», было дано Г.И. Богиным в 1980 году в работе «Современная лингводидактика», где ЯЛ представлена исследователем в виде структуры, а функционирование языка становится при этом ее предметным основанием. Г. И. Богин предложил лингводидактическую модель ЯЛ, содержание которой составили пять уровней владения языком:

1. Уровень правильности (знание основных закономерностей языка).
2. Уровень интериоризации (восприятие высказывания в соответствии с внутренним планом речевого поступка).
3. Уровень насыщенности (употребление в речи изобразительно-выразительных средств в области фонетики, лексики и грамматики).
4. Уровень адекватного выбора (владение ситуацией общения, соответствие языковых средств в сфере общения).
5. Уровень адекватного синтеза (соответствие созданного личностью текста совокупности содержательных и коммуникативных задач, положенных в его основу).

Несомненными достоинствами предложенной Г.И. Богиным лингводидактической модели является возможность представления ЯЛ в динамическом аспекте, при котором овладение одним уровнем языка становится условием успешного перехода к другому, более высокому, ее выраженная системность; недостатками являются отсутствие дифференциации языковых компонентов и ее масштабность.

В отечественной лингвистике изучение ЯЛ во многом связано с трудами Ю. Н. Караулова, предпринявшего попытку прояснить основные парамет-

ры, характеристики и структурные особенности ЯЛ. Ученый выделил три пути попадания ЯЛ в поле зрения лингвистов: психолингвистический путь (от психологии языка и речи); лингводидактический путь (от закономерностей обучения языку); филологический путь (от изучения языка художественной литературы, ораторских речей). Под термином ЯЛ им понимается «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Языковая личность – это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Караулов 1997: 671].

Исследователем предложена системная трехуровневая модель ЯЛ, положенная в основу авторских построений в монографии «Русский язык и языковая личность». Считаем целесообразным подробнее прокомментировать содержание данной концепции.

Вербально-семантический уровень (нулевой) в структуре организации ЯЛ представляет собой уровень владения естественным языком или уровень языковых единиц, репрезентируемый индивидуальным лексиконом. Данный уровень обнаруживает связь с семантикой языковых единиц, организованных по сетевому принципу, в котором основа его структуры задана ассоциативно-семантической сетью.

Лингвокогнитивный уровень (первый), или тезаурус – уровень, отражающий степень освоения мира человеком через язык, включающий в качестве обобщенных единиц картину мира, элементами которой являются понятия, идеи, концепты. «Когнитивный уровень языковой личности разработан в лингвистической персонологии наиболее полно» [Карасик 2002: 130]. Тезаурус связан со знаниями, отношения между единицами здесь иерархически-координативные, устойчивые стандартные связи между дескрипторами выражены в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках. Функциональная взаимосвязь вербально-семантического и лингвокогнитивного уровней проистекает из того, «что понять какую-нибудь фразу или текст означает пропустить ее через

своей тезаурус, соотносить со своими знаниями и найти в соответствии с ее содержанием «место» в картине мира» [Там же: 176].

Мотивационный уровень (второй), или прагматикон, занимает главенствующее место в иерархии уровней организации ЯЛ и представляет уровень ее деятельностно-коммуникативных потребностей, систему целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей. Прагматикон мало изучен лингвистами, трудности его описания обусловлены следующими обстоятельствами: «многогранность и многосложность», индивидуализация, отсутствие полного перечня коммуникативно-деятельностных потребностей личности [Караулов 2010: 177].

Анализ индивидуального лексикона ЯЛ дает представление о говорящем, но воссоздание модели ЯЛ при этом не представляется возможным, т.к. ЯЛ начинается с первого, лингвокогнитивного уровня, а находит свое воплощение в высшем, мотивационном, уровне. Таким образом, реконструкция ЯЛ предполагает последовательное рассмотрение всех уровней, отношения между которыми носят взаимодополняющий характер.

Стилистический энциклопедический словарь содержит предложенное Ю. Н. Карауловым и дополненное М. П. Котюровой определение ЯЛ, в котором подчеркивается связь языковой личности с ее языковой картиной мира, текстовая объективация ЯЛ [Котюрова 1996: 660].

Отдельное место в монографии Ю. Н. Караулова отведено роли академика В. В. Виноградова в разработке понятия ЯЛ. Ученый считает необходимым дальнейшее развитие идей В. В. Виноградова, сформулированных в виде следующих положений:

1. Развитие линии «изолированного изучения ЯЛ персонажа и соотношения ее с целостным художественным образом». Во избежание столкновения с проблемой наложения образа автора на художественный образ возможно обращение к «вычленению типов монологов из полной речевой структуры художественного текста», к переходу к интереоризованной речи персонажа и рассмотрению ее лексической составляющей.

2. Учет различных видов речевой деятельности, характеризующих ЯЛ, т.е. построение анализа не только на говорении (собственно дискурсе персонажа), но и на аудировании, чтении и письме.

3. Обращение к анализу видов словесности, которыми оперирует ЯЛ, т.е. особого внимания к «прецедентным и оригинальным» текстам, используемым ЯЛ в художественном произведении.

Позже появились различные толкования термина ЯЛ, антропологический родовой компонент которых был дополнен элементами «субъект», «человек», «индивид», «носитель языка», в частности в работах И. Э. Клюканова, О. А. Еремеевой, Н. Д. Голева. Перечислим некоторые из них.

«Языковой личностью считается субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя смысловыми образованиями» [Клюканов 1990: 73]; «Под языковой личностью понимается индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива» [Еремеева 1991: 434]; «...языковая личность рассматривается как носитель языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развивающегося в соответствии с заложенным в ней потенциалом» [Голев 2006: 10].

Существуют и другие определения термина ЯЛ, опирающиеся в первую очередь на языковые особенности данного феномена (работы Е. В. Барсуковой, М. В. Бороденко). «Языковая личность – это многомерная, многоуровневая функциональная система, дающая представление о степени владения языком и речью индивидом на уровне активного и творческого осмысления действительности» [Барсукова 2007: 5]; «ЯЛ – это устойчивая система логиколингвистических форм, структурирующих внутреннюю и внешнюю активность индивида» [Бороденко 2001: 212].

Отдельные терминологические толкования ЯЛ имеют междисциплинарный характер, что вызвано включением в них внеязыковых компонентов ЯЛ (А. Р. Ерошенко, С. Ю. Годунова). Так, ЯЛ «может определяться и как

динамическая система, характеризующаяся особым соотношением различных параметров: духовного, душевного, интуитивного, рационального, сознательного, бессознательного, узуального, творческого, потенциального, репрезентативного и др.» [Ерошенко 2003: 20]. С.Ю. Годунова подчеркивает социально-психологический и культурологический аспекты ЯЛ, способность ЯЛ к нахождению «своего места в различных культурах» [Годунова 2008: 10].

Т. Г. Винокур акцентирует внимание на коммуникативном аспекте ЯЛ и определяет ее как «коммуникативно-деятельностную единицу, представляющую собой двучлен «говорящий – слушающий» [Винокур 1989: 12]. Аналогичный взгляд на ЯЛ как личность коммуникативную отражен в трудах Г. Н. Беспмятной, Л. П. Клобуковой, С. А. Сухих, В. В. Зеленской.

Так, Г.Н. Беспмятнова акцентирует внимание на коммуникативном поведении и коммуникативной индивидуальности ЯЛ. [Беспмятнова 1994: 10]; Л. П. Клобукова понимает под ЯЛ совокупность «речевых личностей», выполняющих определенную «социальную функцию общения» [Клобукова 1997: 29]; по мнению С. А. Сухих и В. В. Зеленской, «ЯЛ есть совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения – личность коммуникативная» [Сухих, Зеленская 1997: 64].

В. В. Красных предложила выделить в рамках термина ЯЛ ряд компонентов [Красных 1998: 15–18]: 1) «человек говорящий» (термин автора) – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности и обладающая определенной совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию общения и использующая определенный репертуар средств; 4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [Красных 1999: 16–17].

Рассмотрим определения ЯЛ, предложенные представителями лингвокультурологического направления.

С. Г. Воркачев называет ЯЛ «базовой категорией лингвокультурологии, отражающей ментальность и менталитет обобщенного носителя естественного языка» [Воркачев 2001: 72]. Здесь ЯЛ представляет собой прежде всего речевую личность.

По определению В. И. Карасика, ЯЛ – это «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик, 2002: 8]. Так, ЯЛ образует «срединное звено между языковым сознанием и речевым поведением» [Карасик 2002: 100]. В. И. Карасик выделяет два аспекта исследования ЯЛ – статический, где ЯЛ предстает как субъект социальных отношений, обладающий своим неповторимым набором личностных качеств, и динамический, применимый к изучению детской речи, соответствующий стадии приобретения индивидом отличительных личностных свойств.

Описание ЯЛ предлагается вести с позиций языкового сознания и речевого поведения, т.е. с позиции лингвистической концептологии и теории дискурса. По мнению исследователя, к важнейшим вопросам теории ЯЛ можно отнести типологию ЯЛ и освещение подходов к ее изучению.

Типы ЯЛ выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, осуществляемому с позиций либо личности, либо языка.

Так, с позиций этнокультурной лингвистики представлены типы базовой и маргинальных культур для соответствующего общества:

- 1) человек, для которого общение на родном языке является естественным в его коммуникативной среде;
- 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде;
- 3) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями.

В психолингвистике представляется возможным противопоставить типы личностей, выделяемые в психологии.

В социокультурной лингвистике (этому аспекту исследователь отдает предпочтение) выделяются типы ЯЛ по объективным статусным признакам – возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д. и моделируются со стороны либо заданного социального типа, либо определенных знаков.

В. В. Карасик акцентирует внимание на модельном типе личности – «типичном представителе определенной этносоциальной группы, узнаваемом по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2002: 13]. Модельный тип ЯЛ становится достоянием определенной культуры, воздействуя на нее, представляя своеобразие эпохи. Границы данного типа личности подвижны, поэтому список моделей остается открытым.

Классификация типов ЯЛ в зависимости от типов речевой культуры выглядит следующим образом:

- носитель элитарной городской культуры;
- носитель диалектной речевой культуры;
- носитель городского красноречия.

Такие специфические черты личности как неоднородность, сложность, многоаспектность позволяют классифицировать ЯЛ в зависимости от релевантных личностных индексов. Обозначим некоторые из них: фонетические и орфоэпические особенности, лексические индексы (диалектизмы, экзотизмы, экспрессивная лексика), биологические и социальные индексы, позиционные, эмоциональные, ситуативные, вариативные, разнообразные речевые индикаторы статусного неравенства. Так, в зависимости от использования в процессе коммуникации социальных индексов (в частности, фразеологических единиц) выделяют два типа ЯЛ: эгоцентрическую (использование фразеологических единиц с целью придания речи экспрессии, представление «Я» в коммуникативном пространстве) и социоцентрическую (социальные индексы направлены на стабилизацию своего положения в обществе, определение

представителей идентичной социальной группы). Лексические индексы способны противопоставить два типа ЯЛ – элитарную и вульгарную.

Модель словарной личности – носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях, предстает как один из самых абстрактных типов ЯЛ.

В. В. Карасик рассматривает коммуникативную личность, т.е. языковую личность в условиях коммуникации, сквозь призму ценностей, когниции и поведения, ценностный план которой содержит нравственные нормы поведения, свойственные конкретному народу в определенный временной отрезок; когнитивный план же включает в себя картину мира; поведенческий – специфический набор намерений и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения. Предложенные исследователем аспекты коммуникативной личности соотносятся с выдвинутой трехуровневой моделью ЯЛ Ю. Н. Караулова, существенным отличием которых, по мнению В. В. Карасик, являются тесная взаимосвязь, взаимодополняющие отношения между аспектами, обуславливающие отсутствие границ и иерархичности, присущей трехуровневой модели.

В. П. Нерознак, описывая частночеловеческую ЯЛ, выделяет два основных ее типа: 1) стандартную ЯЛ, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и 2) нестандартную ЯЛ, объединяющую в себе «верхи» (писатели, мастера художественной речи) и «низы» (производители и пользователи маргинальной культуры) культуры языка [Нерознак 1996: 116].

В трудах В. А. Масловой находит отражение толкование ЯЛ с позиций национально-культурной специфики. «ЯЛ – это базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариативную часть структуры личности» [Маслова 2001: 120]. Становление ЯЛ осуществляется через категории культуры и обусловлено местом человека в социокультурном пространстве, где содержательный план ЯЛ образует совокупность компонентов: мировоззренческий компонент, или

компонент содержания воспитания (система ценностей); культурологический компонент (уровень овладения культурой, выступающей катализатором внимания и интереса к языку); личностный компонент (оригинальная, субъективная составляющая человека).

ЯЛ в работах В. А. Масловой предстает как социальное явление, содержащее в себе индивидуальный аспект, формирующий через личностный компонент индивидуальную языковую картину мира конкретной личности.

Подводя итоги вышесказанному, отметим широкую употребительность термина ЯЛ в целом ряде различных областей научного знания, свидетельствующую о его актуальности в аспекте изучения антропоцентрического фактора в языке. Первое упоминание понятия ЯЛ относится к 30-м гг. XX века и связано с монографией «О художественной прозе» академика В. В. Виноградова; терминологический статус данное понятие получило лишь в 1980 году в работе «Современная лингводидактика» Г. И. Богина.

Особый лингвистический интерес к термину ЯЛ связан с антропоцентрической парадигмой, охватывающей многие исследования в области языкознания. На сегодняшний день существует множество трактовок ЯЛ: с учетом дополнения антропологического родового компонента (субъект, человек, индивид, носитель языка); с опорой на языковые особенности; с включением социально-психологического и культурологического аспектов (междисциплинарные толкования); с коммуникативной точки зрения; с позиций лингвокультурологии и т. д.

Таким образом, при всем разнообразии подходов к определению феномена ЯЛ представители различных направлений солидарны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, а носят взаимодополняющий характер. Взаимосвязь данных подходов при исследовании способствует более глубокому изучению такого сложного явления, как ЯЛ, пониманию его содержательной стороны и функционированию в современной лингвистической персонологии.

В основу нашего исследования положена трактовка ЯЛ, предложенная Ю. Н. Карауловым, внесшим значительный вклад в изучение ЯЛ и понимавшим под ней «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1997:671]. В нашей работе реконструкция ЯЛ персонажа осуществляется с опорой на трехуровневую модель, разработанную Ю. Н. Карауловым, которая предполагает последовательное описание каждого уровня с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности. За основу нами взяты многие основополагающие принципы рассмотрения ЯЛ персонажа, апробированные Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987]) и Л. Н. Чурилиной [Чурилина 2017]).

В центре нашего исследования находится главный персонаж романа А. Белого «Котик Летаев» как модель ЯЛ. В связи с этим необходимо проанализировать базовые теоретические принципы анализа ЯЛ как персонажа художественного прозаического произведения.

§ 1.3. Языковая личность персонажа в художественном произведении

В рамках антропоцентризма актуально рассмотрение персонажа художественного произведения с лингвистических позиций. В.В. Виноградов в числе первых лингвистов обратился к идее рассмотрения ЯЛ персонажа художественного прозаического произведения в монографии «О художественной прозе», используя наряду с «образом персонажа» понятие «образ автора». Исследование структуры ЯЛ и ее содержательной стороны позволяет обогатить понятие «образ автора».

Идея В. В. Виноградова, состоящая в рассмотрении литературного героя как ЯЛ, получила дальнейшее развитие в трудах М. М. Бахтина [Бахтин 1975, 1986], отмечающего самостоятельную ценность сознания персонажа прозаического произведения. М. М. Бахтин подчеркивает три важных обстоятельства: 1) «речь персонажа в романе не просто передается, а художест-

венно изображается»; 2) «говорящий человек в романе – существенно социальный человек» и 3) «говорящий человек в романе – всегда в той или иной степени идеолог, а его слово всегда идеологема, связанная с особой точкой зрения на мир» [Бахтин 1975: 145–146].

Ю. Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» выделяет в качестве одной из наиболее продуктивных моделей ЯЛ персонажа художественного произведения, анализ индивидуального лексикона которого признается одним из важнейших аспектов изучения ЯЛ.

Обращение к персонажу как своеобразной «модели человека» отмечается в ряде современных литературоведческих исследований [Гинзбург 1979, 1999; Гачев 1995; Кашина 1986; Макеев 1999; Холодова 1975 цитируется по Чурилиной]. Герой в данных исследованиях рассматривается в качестве самостоятельной личности на том основании, что «литературным героем писатель выражает свое понимание человека, взятого с некоторой точки зрения <...> В этом смысле можно говорить о том, что литературный герой моделирует человека» [Гинзбург 1979: 5].

В настоящее время создано большое количество работ, посвященных изучению ЯЛ персонажа художественного произведения [исследования Н. Д. Арутюновой, Е. Н. Байбулатовой, А. Ю. Богомолова, З. А. Кузневич, И. А. Никандровой, А. П. Плехановой, А. А. Смирновой, Л. Н. Чурилиной и др.].

В монографии Л. Н. Чурилиной «Языковая личность персонажа художественного текста» предложены два возможных пути анализа полисубъектного художественного текста и его лексической структуры в рамках антропоцентризма. Один из них имеет целью постижение инвариантного (не авторского и не читательского, но собственно «языкового») смысла текста посредством реконструкции по лексическим экспликациям и последующего взаимного соотнесения индивидуальных (персонажных) лексических систем и стоящих за ними систем концептуальных. Другой предполагает описание различных уровней организации ЯЛ персонажа как субъекта внутритексто-

вой коммуникации на основе анализа лексического состава и структуры «порожденных» им текстов [Чурилина 2017: 7].

В нашем исследовании мы вслед за Л. А. Чурилиной считаем целесообразным обратиться к реализации последней из предлагаемых текстом возможностей.

Объектом описания становится ЯЛ главного персонажа автобиографического романа А. Белого «Котик Летаев». Подход к анализу лексической структуры художественного текста позволяет создать исследовательскую модель «ЯЛ», которая подвергается разноаспектному, детальному анализу. Текст предстает как закрытая функциональная система, каждая часть которой выполняет определенную функцию и участвует в репрезентации авторского замысла.

Согласно Л. А. Чурилиной персонаж художественного текста может рассматриваться двояко: с одной стороны, как текстовый семантический сегмент, с другой – как текстовая ЯЛ.

Ю. М. Лотман предложил использовать при анализе закономерностей структурной организации прозаического художественного текста термин «парадигматическая структура образа», представляющий собой «набор всех данных в тексте бинарных противопоставлений его другим персонажам» [Лотман 1970: 304]. По мнению Смита, «персонаж художественного текста, или «индивидуальный образ», являет собой один из вариантов текстовой темы» [Смит 1980: 337].

Образ персонажа художественного произведения воссоздается в сознании читателя последовательно. Внутритекстовое объединение слов, функционально связанное с созданием индивидуального образа, или «модели человека; с презентацией субъекта внутритекстовой действительности и актуализацией элементов информации о различных ипостасях этого субъекта, обозначается Л. А. Чурилиной термином «персонажная лексическая тема» [Чурилина 2017: 10]. При таком подходе «доминантой функционального лексического объединения может служить либо имя собственное, либо другое

имя, связанное с идентификацией субъекта на текстовом пространстве» [Там же]. Имя собственное постепенно наполняется содержанием и позволяет расширить информацию о персонаже как субъекте художественного текста. «Имя собственно эволюционирует в сторону обогащения» [Семенов 1996]. Таким образом, анализ функционирования имени собственного в художественном прозаическом произведении направлено на исследование образа персонажа.

Л. А. Чурилина предлагает рассматривать персонажную лексическую тему в качестве лексического эквивалента специфического текстового концепта «персоналия», соотносимого с ранее предложенным Ю. С. Степановым понятием «индивидуальный концепт» или «понятие о данной теме» [Степанов 1998: 186]. Так, концепт «персоналия» определяется как «воплощенная в тексте модель «языковой личности» во всей совокупности ее характеристик» [Чурилина 2017: 12]. Своеобразие данного концепта определяют следующие его особенности: концепт «персоналия» существует только в тексте; персонажная лексическая тема «не имеет аналогов в стандартном тезаурусе»; концепт «персоналия» соотносим прежде всего с представлением об исследовательской модели ЯЛ. Персонаж как некоторый образ, как некое представление о человеке, воплощенное в тексте, может стать и элементом национальной персониферы, или сферы персоналий и образов, являющихся неотъемлемой частью национальной культуры и национального сознания [Хазагеров 2002].

Рассмотрение персонажа как ЯЛ в рамках стилистических исследований традиционно основывалось на описании речевых характеристик персонажа или его речевого портрета. Позже И. Я. Чернухиной предложено в качестве лексического средства создания образа персонажа, способа исследования «особенностей воплощения художественного образа персонажа» понятие «лексическая структура образа», под которым понимается «абстрактная трехуровневая модель, универсально применимая к любому художественному тексту и любому персонажу» [Чернухина 1984: 76]. Три лексиче-

ских пласта, отличающихся по содержанию и значимости, составляют основу данной модели. Использование при анализе фрагментов разной субъектной отнесенности (внутренней, несобственно-прямой, несобственно-авторской речи и монологической речи повествователя) направлено на более детальное рассмотрение совокупности средств создания образа, что, в свою очередь, является достоинством предлагаемого И. Я. Чернухиной подхода. Недостатком данного метода исследования становится невозможность изучения героя именно как личности, с использованием всех представленных в тексте характеристик.

Персонаж художественного текста представляет собой фиктивную модель ЯЛ, т. к. сферой его бытования является конкретный текст, а создается он автором на базе определенных языковых средств. В нашем диссертационном исследовании мы вслед за Ю. Н. Карауловым при глубоком и детальном анализе ЯЛ персонажа считаем целесообразным последовательно рассматривать все уровни ее (личности) организации, учитывая их взаимодополняющий характер.

Исследование только индивидуального дискурса персонажа художественного текста не может дать в полном объеме представления о его ЯЛ. В связи с этим необходимо учитывать лексический состав текстовых фрагментов разной субъектной отнесенности, определяющих персонажную лексическую тему текста: 1) персонажная субъектно-речевая сфера, т.е. индивидуальный дискурс персонажа, под которым мы будем вслед за Ю. Н. Карауловым понимать «совокупность произведенных во внешней и внутренней речи высказываний одного персонажа прозаического художественного произведения» [Караулов 1987: 238]; 2) неперсонажная субъектно-речевая сфера, связанная с реализацией соответствующей темы, т.е. текстовые фрагменты, представляющие физический и духовный облик героя, его оценку, особенности его речевого поведения, особенности его восприятия окружающей действительности; 3) «третья» субъектно речевая сфера «другого» – персонажа, выступающего в определенной текстовой ситуации в роли субъекта оценки

анализируемой личности [Чурилина 2017: 17]. Реконструкция индивидуального лексикона персонажа как единицы вербально-семантического уровня организации ЯЛ основывается прежде всего на анализе лексической структуры персонажного дискурса. Изучение текстовых фрагментов, соотнесенных с другими персонажами произведения, необходимо нам в качестве дополнительной информации о центральном персонаже при анализе лингвокогнитивного и прагматического уровней ЯЛ.

В нашей работе исследуется ЯЛ конкретного персонажа прозаического художественного текста. В качестве базового считаем необходимым принять определение персонажа, представленное в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», где термин «персонаж» понимается как «действующее лицо в литературном произведении, а также носитель точки зрения на действительность, на самого себя и других персонажей <...> «субъект действия», «действительного мира», а также «субъект речи» [Лит. энциклопедия ... 2001: 176–177].

Выводы по первой главе

1. В рамках антропоцентрической парадигмы наблюдается особый интерес к термину ЯЛ – наиболее актуальному и наименее однозначно дефинируемому понятию лингвистической персонологии.

2. На сегодняшний день существует множество трактовок ЯЛ: с учетом дополнения антропологического родового компонента (субъект, человек, индивид, носитель языка); с опорой на языковые особенности; с включением внеязыковых компонентов (междисциплинарные толкования); в коммуникативном аспекте; с позиций лингвокультурологии и т. д. При всем разнообразии подходов к определению феномена ЯЛ представители различных направлений солидарны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, а носят взаимодополняющий характер.

3. В нашем исследовании считаем необходимым принять за основу трактовку ЯЛ, предложенную Ю. Н. Карауловым, понимавшим под ней

«личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1997: 671]. За основу нами взяты принципы рассмотрения ЯЛ персонажа, апробированные Ю.Н. Карауловым [Караулов 1987]) и Л.Н. Чурилиной [Чурилина 2017]).

4. В центре внимания нашей работы находится главный персонаж романа А. Белого «Котик Летаев» как модель ЯЛ. Анализ лексической структуры художественного текста позволяет создать исследовательскую модель «ЯЛ», которая имеет разноаспектный характер.

5. Реконструкция ЯЛ персонажа осуществляется с опорой на системную трехуровневую модель организации ЯЛ, разработанную Ю.Н. Карауловым. На вербально-семантическом уровне исследуется индивидуальный лексикон персонажа, который позволяет представить говорящего индивида и наметить индивидуально-семантические поля, предполагающие выход на уровень концептов. Лингвокогнитивный уровень содержит анализ концептуальной структуры художественного текста, создающей индивидуальную картину мира персонажа. На мотивационном уровне необходимо определить коммуникативно-деятельностные потребности личности на основании анализа совокупности лексических средств, служащих языковой объективации особенностей поведения персонажа в процессе коммуникации.

6. Таким образом, реконструкция ЯЛ персонажа с опорой на концепцию Ю. Н. Караулова определила алгоритм исследования ЯЛ Котика Летаева, который будет выглядеть следующим образом: на *первом этапе* в ходе аналитического чтения романа выбрана совокупность концептов как элементов картины мира персонажа; на *втором этапе* произведен методом сплошной выборки текстовых фрагментов для анализа персонажной и неперсонажной субъективных речевых сфер; на *третьем этапе* анализируется вербально-семантический уровень ЯЛ, в частности, его основная единица – индивидуальный лексикон персонажа; на *четвертом этапе* производится описание лингвокогнитивного и прагматического уровней (в единстве) ЯЛ Котика Летаева.

Глава 2. Индивидуальный лексикон Котика Летаева как реализация вербально-семантического уровня организации языковой личности

§ 2.1. Индивидуальный лексикон персонажа. Теоретический аспект

Рассмотрение персонажа художественного произведения как модели ЯЛ предполагает последовательный анализ всех трех уровней ее организации, составляющих предложенную Ю. Н. Карауловым концепцию. Художественный прозаический текст является благодатной почвой для воссоздания по лексическим опорам лексикона, тезауруса и прагматикона, что обусловлено его закрытой структурой. Реальная коммуникация допускает экспликацию только нулевого, вербально-семантического уровня, т.е., по мысли Ю. Н. Караулова, позволяет представить говорящего индивида; тезаурус и прагматикон при этом остаются за пределами исследования.

В нашей работе описание различных уровней организации ЯЛ персонажа будет осуществляться с опорой на изучение лексического состава и структуры «порожденных» им текстов с точки зрения использования в них «системных средств данного языка для отражения видения <...> окружающей действительности» [Караулов 1999: 156].

Нулевой, вербально-семантический уровень, в структуре организации ЯЛ представляет собой уровень владения естественным языком или уровень языковых единиц, соответственно обнаруживающий тесную связь с их семантикой. Индивидуальный лексикон, организованный по сетевому принципу, признается основной единицей данного уровня. Отношения между словами здесь представлены во всем разнообразии их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, образующих вербальную сеть; в качестве стереотипов выступают модели словосочетаний и предложений, фразы, а также предметные содержательные компоненты.

Вербально-семантический уровень призван не только представить говорящего индивида, но и наметить индивидуально-семантические поля, которые в свою очередь позволят выйти на уровень концептов, т.е. пойти по пути движения от слова (знака) к концепту (знаковость размывается), как элементу тезауруса, первого уровня, с которого и начинается ЯЛ. «<...> Изучая лексикон ЯЛ, мы с неизбежностью вторгаемся и в ее картину мира и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее позицию в мире» [Караулов 2010: 137].

Таким образом, воссоздание вербально-семантического уровня организации ЯЛ предполагает анализ его базовой единицы – индивидуального лексикона персонажа, состав и структура которого являются значимыми компонентами характеристики ЯЛ.

Принципы описания индивидуального лексикона персонажа как ЯЛ апробированы в ряде современных исследований, соответствующих антропоцентрической парадигме [Байбулатова 1997, 1998, 2000], [Богомолов 2005], [Гарипова 2011], [Караулов 1987], [Никандрова 2010], [Плеханова 2001], [Смирнова 2011], [Чурилина 2000, 2002, 2017] и др.

Под лексиконом понимают «средство доступа к единому информационному тезаурусу, т.е. полному объему хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых и накладываемых на имеющиеся выработанной в социуме системы норм и оценок» [Залевская 1982: 46]. «Слово в индивидуальном лексиконе увязано с продуктами переработки многогранного (не только речевого!) опыта взаимодействия индивида с окружающим его миром» [Залевская 1992: 52]. Согласно Ю.Н. Караулову данная «идея отдельного хранения значений и знаний (отдельного существования языкового тезауруса и тезауруса мира), при условии их тесного взаимодействия», видится «привлекательной и заслуживающей дальнейшей разработки» [Караулов 2010: 209].

В качестве рабочего нами принимается определение индивидуального лексикона персонажа, предложенное Л. Н. Чурилиной, определяющей данное

понятие как «репрезентированный в тексте словарь изображаемой ЯЛ, или индивидуальную лексическую систему («присвоенный язык»), являющуюся средством экспликации индивидуального образа мира [Чурилина 2017: 21]. В монографии Л.Н. Чурилиной представлены характерные особенности индивидуального лексикона персонажа, отличающие его от словаря реального языка, среди которых следующие: 1) наблюдаемость единицы хранения информации (*слово есть единица индивидуального лексикона*); 2) закрытость списка, позволяющая произвести детальный анализ всех лексем и подвергнуть его верификации (*текст, созданный автором, предстает закрытой сферой бытования текстовой ЯЛ*); 3) статичность системы (*реальную ЯЛ отличает динамичность*) [Чурилина 2017: 20] (выделено нами Ю. Д. Родина).

Понятие «индивидуальный лексикон» соотносится с терминологическими сочетаниями внутренний лексикон и ментальный лексикон. Суть этого соотношения состоит в следующем: «Индивидуальный лексикон персонажа является предельно упрощенной моделью внутреннего лексикона и служит средством вербального представления в тексте ментального лексикона внутритекстовой ЯЛ, или индивидуальной системы концептов, образов, представлений» [Там же: 21].

Принимая во внимание вышесказанное, считаем целесообразным прокомментировать особенности анализа индивидуального лексикона персонажа, предпринятого в нашем исследовании.

Анализ ЯЛ персонажа основан преимущественно на двух видах речевой деятельности: в большей степени – на говорении, в меньшей – на аудировании, т.е. на восприятии персонажем речи других героев, т.к. не представляется возможным учет всей совокупности видов речевой деятельности, в частности, чтения и письма, по причине их отсутствия в тексте романа А. Белого. На наш взгляд, это обусловлено ходом развития литературы: встречающиеся в прозе XIX века письмо и чтение персонажа художественного

произведения заменяются в прозе XX века внутренним монологом, потоком сознания.

Роман «Котик Летаев» был создан в 1915 году в рамках такого литературного направления, как модернизм, порождающего оригинальное как в сфере художественной формы, так и в сфере художественного синтаксиса и семантики. Предмет художественного изображения и само представление о действительности у писателей-модернистов претерпевают изменения, т.к. писатели-модернисты не ограничиваются сведением понятия «действительность» только к предметному миру, миру вещей. Первостепенной в литературе рубежа XIX –XX вв. становится сфера сознания персонажей, что дает возможность автору построить особую художественную действительность, существующую по своим законам. Модернистский тип художественного мышления, в отличие от традиционного, классического, опирается на абсолютно иную художественную модель мира.

«Поток сознания, передаваемый в художественном произведении, подобно поэтической речи, моделирует внутреннюю речь индивида и потому содержит два ряда сопоставлений – отсроченное (тезаурус) отражение в образах и актуальное, текущее отражение в представлениях» [Караулов 2010: 179] .

Большая часть из всех произнесенных действующими лицами романа текстов принадлежит главному персонажу и представляет собой дискурс «Котика Летаева». Анализ дискурса с целью воссоздания содержания ЯЛ персонажа предполагает учет нескольких уточнений: 1) речь идет о единичном объекте, приложимом к конкретному индивидууму, сфера бытования которого ограничена рамками конкретного текста; 2) неправомерным является отождествление объекта с личностью творца (автора).

Интерииоризация речевых поступков – одна из важнейших характеристик ЯЛ [Караулов 2010: 75] . Объем интерииоризованной речи в дискурсе Котика Летаева по приблизительной оценке занимает более 80%, что дает основания характеризовать данного индивида как человека, ведущего интенсив-

ную внутреннюю жизнь, наполненную интеллектуальной и эмоциональной рефлексией. Содержательный аспект этой рефлексии будет выявлен ниже.

Предметом анализа, целью которого является создание модели ЯЛ персонажа художественного прозаического произведения, является персонажная лексическая тема, которую образуют текстовые фрагменты разной субъектной отнесенности: 1) персонажная субъектно-речевая сфера, т.е. индивидуальный дискурс персонажа, под которым мы будем вслед за Ю. Н. Карауловым понимать «совокупность произведенных во внешней и внутренней речи высказываний одного персонажа прозаического художественного произведения» [Караулов 1987: 238]; 2) неперсонажная субъектно-речевая сфера, связанная с реализацией соответствующей темы, т.е. текстовые фрагменты, представляющие физический и духовный облик героя, его оценку, особенности его речевого поведения, особенности его восприятия окружающей действительности; 3) «третья» субъектно-речевая сфера «другого» персонажа, выступающего в определенной текстовой ситуации в роли субъекта оценки анализируемой личности [Чурилина 2017: 17]. Реконструкция индивидуального лексикона персонажа как единицы вербально-семантического уровня организации ЯЛ основывается прежде всего на анализе лексической структуры персонажного дискурса. «Анализ текстовых фрагментов, соотнесенных с другими внутритекстовыми субъектами, рассматривается при этом в качестве источника дополнительной информации и используется только при обращении к реконструкции «высших» уровней организации ЯЛ (тезауруса и прагматикона) [Там же].

В тексте романа «Котик Летаев» выделено 190 фрагментов, принадлежность которых к субъектной речевой сфере «Котик Летаев» специально маркирована: абсолютное их большинство связано с вербальным выражением мысли персонажа или представляет собой фрагменты речи, не обращенные к какому-либо внешнему адресату, т.е. внутреннюю речь; в текстовых фрагментах содержатся прямые высказывания персонажа, т.е. его «внешняя речь».

Индивидуальный лексикон персонажа, составленный на основе сплошной выборки знаменательных слов в пределах обозначенных текстовых фрагментов, классифицируется в трех словниках.

«Словник-1» представляет собой общий алфавитный список слов, составляющих дискурс персонажа, с указанием числа случаев употребления каждой единицы и ее частеречной принадлежности. Единицей «Словника-1» является слово в его традиционном лексикографическом значении; все текстовые словоформы объединены и считаются одним словом; с учетом этого определяется и частотность каждой лексической единицы (ее составляет общая частотность всех представленных в тексте словоформ).

Всего в составе «Словника-1» зафиксировано 8204 употреблений, которые составили 1411 слов. Общее количество единиц словаря Котика Летаева позволяет отнести его к «средней ЯЛ».

В основу первичной классификации отобранного лексического материала положен подход, предложенный авторами «Русского семантического словаря» [РСС-98] и нашедший практическое применение в монографии Л. Н. Чурилиной «Языковая личность в художественном тексте». Согласно этому подходу весь словарный состав языка может быть разделен на четыре основных макрокласса: 1) слова указующие; 2) слова именующие, или слова «за лексическими значениями которых стоит понятие о предмете, признаке, состоянии или процессе»; 3) слова собственно связующие (союзы, предлоги и их аналоги); 4) слова собственно квалифицирующие (модальные слова, частицы, междометия) [РСС-98: VII]. В нашем исследовании объектами внимания становятся две первые группы (слова указующие и слова именующие), т. к. они составляют смысловую основу лексикона; за пределами же «Словника-1» остались «слова собственно связующие» и «слова собственно квалифицирующие».

Складывающееся в пределах индивидуальной лексической системы соотношение макроклассов «часть речи» по двум основным параметрам – «ко-

личество составляющих макрокласс единиц» и «общее число употреблений единиц макрокласса в дискурсе персонажа» – отражено в таблице 1.

Таблица 1.

**Распределение единиц индивидуального лексикона
Котика Летаева по частям речи**

Часть речи	Количество единиц	%	Общее количество употреблений	%
Слова указующие (местоимения)	50	3	2601	32
Глаголы (в том числе причастные и деепричастные формы)	205	14	707	9
Имена существительные	865	62	4198	51
Имена прилагательные	171	12	453	5
Наречия, модальные слова и категория состояния	112	8	212	2
Имена числительные	8	1	33	1
Всего	1411	100	8204	100

Сопоставление цифровых показателей, представленных в строке «Количество единиц», показывает явное превалирование в словаре Котика Летаева имен существительных, что не является специфической характеристикой индивидуального лексикона, т. к. данное соотношение относится к числу языковых универсалий.

Отмеченный в индивидуальном лексиконе Котика Летаева приоритет именных форм над глагольными может быть объяснен двумя обстоятельствами: 1) ориентацией на монологичность; 2) подчеркнутой статичностью повествования, отсутствием динамики развития действия.

В «Словник-2» вошли высокочастотные единицы индивидуального лексикона, к числу которых отнесены единицы, индекс частотности которых «>10». Высокочастотные единицы в составе индивидуального лексикона Котика Летаева нашли отражение в таблице 2.

Целесообразность отдельного описания высокочастотной лексики связана с функционированием фактора частотности, рассматриваемого в работах

А. Вежбицкой как одного из основных показателей «культурной значимости» слова, или роли слова в отражении национальной картины мира [Вежбицкая 1999: 282]. По мнению Л. Н. Чурилиной, «предлагаемая оценка значимости частотного показателя для слова как единицы коллективного тезауруса не менее справедлива и в отношении слова как единицы индивидуальной лексической системы» [Чурилина 2017: 26].

Роль фактора частотности лексической единицы в пределах отдельного текста (группы текстов) исследовалась в разных аспектах в целом ряде работ [Арапов 1981, 1988; Арапов, Ефимова 1974; Калинин 1964; Королев и др. 1984; Караулов 1987, 1992; Папп 1961; Проскуряков 2000; Супрун 1979, 1995] (цитируется по Л. Н. Чурилиной 2017: 26).

Таблица 2.

**Высокочастотные единицы в составе индивидуального лексикона
Котика Летаева**

Часть речи	Количество единиц	%
1	2	3
Слова указующие (местоимения)	19	11
Глаголы	15	9
Имена существительные	107	64
Наречия и модальные слова	16	10
Имена прилагательные	8	5
Имена числительные	2	1
Всего	167	100

Вслед за Ю. Н. Карауловым отмечаем несовпадение показателей употребительности в тексте и языке в целом (по данным частотных словарей): «невысокочастотные в языке, но частотные в тексте» [Караулов 1992: 157]. Выделение набора ключевых слов производится не только с опорой на роль фактора частотности лексической единицы в пределах отдельного текста, но и на его функционирование в структуре и лексическом наполнении фрагментов текста, а также концептуальной значимости, т. е. соотношенности значения и личностного смысла.

Соотношение вышеуказанных данных представлено в таблице 3.

Общие данные ЯЛ «Котик Летаев»

Общее число фрагментов лексикона персонажа	400
Число фрагментов с внешней речью	10
Число фрагментов с внутренней речью	390
Общее число единиц индивидуального лексикона	1411
Высокочастотные единицы индивидуального лексикона персонажа	167

Описание индивидуального лексикона персонажа предполагает создание семантической классификации единиц его словаря и ее анализ.

Анализ индивидуального лексикона персонажа в дальнейшем должен быть дополнен определением особенностей внутренней организации текстовых семантических полей, что позволит открыть путь к пониманию индивидуальной картины мира персонажа художественного произведения.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что индивидуальный лексикон персонажа представлен в виде организованной лексической системы. Последовательное рассмотрение единиц разных уровней данной системы составляет основу глубокого, полного и достоверного исследования.

§ 2.2. «Слова указующие» и их функционирование в представлении индивидуальной картины мира персонажа

Необходимость рассмотрения «слов указующих» как элемента индивидуального лексикона обусловлена особенностями их функционирования в процессе познания персонажем окружающей действительности. По мнению Н. Ю. Шведовой, местоименное слово является полифункциональной единицей, т. к. «оно обращено как в область высших абстракций, так и в мир бесчисленных языковых сущностей» и способно не только обозначить «глобальные понятия физического и духовного мира», но и «отразить уровень их познания субъектом» [Шведова, Белоусова 1995: 34].

В состав текстового лексического объединения «слова указующие» вошли в количестве 95 единиц с общей частотностью употребления 2601 единица.

Выявленное в пределах персонажного дискурса лексико-грамматическое множество «слова указующие» образует три подмножества:

- 1) слова, указывающие на предмет (все живое, вещь, явления);
- 2) слова, указывающие на непроцессуальный признак;
- 3) слова, указывающие на признак другого признака или состояние.

Наивысший индекс частотности в пределах рассматриваемого текстового лексико-грамматического множества отмечен у «слов, указывающих на предмет». Единицы этого лексико-грамматического подмножества представлены в 1849 употреблениях, что составляет 71% от общей частотности «слов указующих», при том что в состав подмножества входит 21 единица, или 22% от общего числа выявленных местоименных слов.

Слова, указывающие на предмет

Лексико-грамматическое подмножество «слова, указывающие на предмет» объединяется вокруг двух параметров – «смыслового исхода кто» (указание на одушевленное существо) и «смыслового исхода что» (указание на предмет). В основе распределения местоименных слов на группы: «указание на «уверенное» знание», «указание на «неуверенное» знание» и «указание на «незнание»» лежит семантическая классификация местоименных слов, представленная в трудах Н. Ю. Шведовой и А. С. Белоусовой [Шведова, Белоусова 1995; Шведова 1998]. Так, группу «уверенное знание» составляют слова, означающие «определенность указуемого, знание о нем», группу «неуверенное знание» – слова, означающие «неопределенность указуемого, неуверенность в его существовании, неполноту знания», группу «незнание» – слова, означающие «отсутствие указуемого или его непознанность» [Шведова, Белоусова 1995: 9]. Состав и количественное соотношение этих единиц в рамках дискурса персонажа отражены в таблице 4.

Слова, указывающие на предмет

Семантическое подмножество	Указание на «уверенное знание»	Указание на «неопределенное знание»	Указание на «незнание»
Смысловой исход «кто»	Кто (4), я (1120), мы (190), ты (14), он (114)/ она (68), они (24), сам (3), себя (27), все (38)	Кто-то (14), кто-нибудь (4)	Никто (4)
Смысловой исход «что»	всё (70), оно (9), что (1), фраз. сочетание что бы ни было (1)	Что-то (24), что-нибудь (1), нечто (9)	Ничто (29)

Слова, организующиеся вокруг смыслового исхода «КТО», насчитывают 13 единиц с общим индексом частотности 1624. Смысловой исход «ЧТО» объединяет 8 местоимений с общей частотностью 144. Таким образом, количественное соотношение лексических единиц и общее число их употреблений свидетельствуют об очевидном преобладании в индивидуальном лексиконе Котика Летаева «КТО-указателей» и позволяет выдвинуть предположение о превалировании «Человека» (существа одушевленного) в сфере его интересов.

Распределение слов-указателей на предмет по группам «уверенное знание», «неуверенное знание» и «незнание» говорит о достаточно высокой степени уверенности Котика Летаева в предмете его речи: группа «уверенное знание» представлена 14 единицами с общим ИЧ 1683, при том, что «неуверенное знание» и «незнание» в индивидуальном лексиконе персонажа представлено 7 местоимениями, общая частотность которых составляет 85 употреблений.

Отдельного внимания в рамках данного анализа заслуживает выявляемая в составе индивидуального лексикона Котика Летаева группа личных местоимений.

Лидирующее положение по индексу частотности среди «слов, указующих на предмет», занимает личное местоимение Я (ИЧ 1120), в связи с чем справедливо отнести Котика Летаева к монологическим героям, или «героям,

склонным к самовыражению в виде развернутых высказываний» [Степанова 1997: 101]. Преобладание данного личного местоимения в индивидуальном лексиконе персонажа связано с особенностями повествовательной формы, представляющей собой внутренний монолог главного героя. Большой объем интериоризованной речи в дискурсе Котика Летаева дает основания характеризовать его как человека, ведущего интенсивную внутреннюю жизнь¹, наполненную интеллектуальной и эмоциональной рефлексией. Прием самоотстранения и объективации индивидуума (наименование себя в третьем лице) свидетельствует о способности персонажа к самооценке, высокой степени рефлексивности ЯЛ. Приведем несколько подобных примеров из текста:

1. «Почему это так: *вот я– я; и вот – Котик Летаев ... Кто же я? Котик Летаев? .. А – я? Как же так? И почему это так, что – я – я?»*² [Белый 2011: 1103].

2. «В прежде бывшей вселенной, в «Москве», – вспоминаю я, – *мое «я» было связано с лабиринтами комнат»* [Белый 2011: 1123].

3. «Сребрится изливами пруд: *а из него на меня смотрит малюсенький мальчик; он – в платьице, с кружевом; беспокойные кудри упали на плечики»* [Белый 2011: 1125].

4. «Это кажется мне ненормальным: и – странный мир поднимается во мне – из меня: *набегает во мне – на меня самого. – Как же так? Кто тут «Я»? Я – не я: я – не Котик Летаев!»* [Белый 2011: 1133].

5. «*Котик Летаев, оставленный нами, сидел, проседая во тьму своим креслицем; может быть, видел он: белоснежные блески ресниц – свет из глаза! – и может быть: лебединые перья по нем проходили сияющим ощущением тепла: сквозь него самого»* [Белый 2011: 1169].

6. «... и *Котик Летаев сидел, как ... Тамара!..»* [Белый 2011: 1170].

¹ Сам персонаж именует ее как «тихий мой мир», включающий только один субъект – «Я».

² Здесь и в остальных примерах выделено нами.

Дискурс Котика Летаева лишен личного местоимения *ВЫ*, что вполне закономерно и может быть объяснено следующими причинами: во-первых, *подчеркнутой установкой на монологичность* (персонаж не вступает в коммуникацию)³, во-вторых, отсутствием склонности персонажа к публичной речи (*Вы* как форма обращения к коллективному адресату) в виду возрастных особенностей.

Личное местоимение *ТЫ* (ИЧ 14), как правило, употребляемое говорящим в качестве альтернативной формы обращения к собеседнику (неофициальный уровень общения), в индивидуальном лексиконе Котика Летаева используется в обращении к самому себе и в обобщенном значении (абстрагированно представляет любое лицо). Так, персонаж вступает в диалог с самим собой, сосредоточиваясь прежде всего на своих ощущениях. Обратимся к примерам из текста, подтверждающим вышесказанное:

1. «...ощущение математически точное, что *ты* – и *ты*, и не *ты*, а какое-то набухание в никуда и ничто, которое все равно не осилить» [Белый 2011: 1075].

2. «Этот шип слышал *ты* – в тихий час полудневный, когда все замирает, а солнце стреляет лучами... *Ты* этот свист уже слышал: свист сосен» [Белый 2011: 1077].

3. «Невыразимости, небывалости лежания сознания в теле, ощущение, что *ты* – и *ты*, и не *ты*, а какое-то набухание, переживалось теперь приблизительно так: – *ты* – не *ты*, потому, что рядом с *тобою* старуха – в *тебя* полувлипла; шаровая и жаровая; это она набухает; а *ты* – нет: *ты* – так себе, ничего себе, ни при чем себе...» [Белый 2011: 1078].

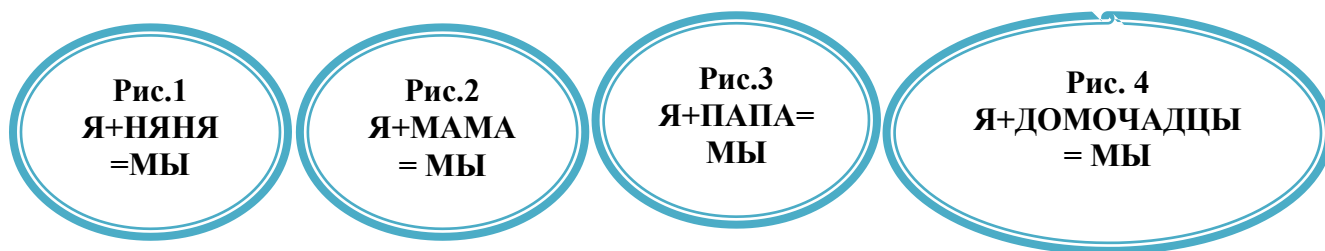
Местоименное слово *Мы* (ИЧ 190) используется в индивидуальном лексиконе персонажа в качестве средства указания «на группу лиц, среди которых находится и сам говорящий» и не обозначает множественности. Это

³ Об этом будет подробнее сказано при характеристике лингвокогнитивного и прагматического уровней организации ЯЛ персонажа художественного прозаического произведения.

сближение Котика с другими (осознание себя в «группе») ограничено рамками конкретной коммуникативной ситуации.

Считаем необходимым схематично представить и прокомментировать функционирование местоименного слова *Мы* в индивидуальном лексиконе Котика Летаева.

Функционирование местоименного слова *Мы* в индивидуальном лексиконе Котика Летаева

Более гармоничным и естественным, а потому и наиболее частотным, является для Котика *Мы*, адресованное няне (рис. 1.). Личное местоимение *МЫ* здесь подчеркнуто инклюзивное, т.к. Раисе Ивановне отводится роль наставника и друга Котика одновременно:

1. «Каждый день *мы* идем: на Пречистенский бульвар погулять» [Белый 2011: 1105].
2. «*Мы* однажды весной шли гулять: было страшно» [Белый 2011: 1117].
3. «По вечерам, над столом, под открытым окном: *мы* сидим; и – молчим» [Белый 2011: 1123].
4. «*Мы* над ямой пройдем: еще раз – с ней вдвоем; *мы* идем уже» [Белый 2011: 1125].
5. «*Мы* любили, обнявшись, сидеть, протянув свои личики в зорьку» [Белый 2011: 1129].
6. «Удивляемся *мы* с Раисой Ивановной тесноте наших комнат <...> Вспоминаем Касьяново *мы*. И *мы* слушаем музыку» [Белый 2011: 1131].
7. «*Мы* с Раисой Ивановной безбоязненно отворяли все двери; и проходил по всем звуко – комнатам; двери *нам* открывались» [Белый 2011: 1143].

8. «Очень – очень *нам* грустно: Раисе Ивановне, мне. Очень-очень *нам* грустно!» [Белый 2011: 1158].

9. «*Мы* сидим: голоса Раисы Ивановны *мне* не слышно; сидим» [Белый 2011: 1158].

10. «Раз с Раисой Ивановной проходили *мы* там» [Белый 2011: 1160].

Котик Летаев видит в Раисе Ивановне близкого человека, с которым он готов отправиться на прогулку по городу, впервые посетить неизвестное Касьяново, разделить чувства радости и грусти, просто помолчать в вечерней тишине комнаты.

Отметим, что на страницах романа А. Белого почти отсутствуют другие персонажи-дети, исключение составляет, во-первых, упоминание о шумных детях Ветвиковых, посещающих профессорскую квартиру; во-вторых, эпизодическое появление Сони Дадарченко в последней главе. В первом случае Котик с настороженностью говорит о нарушающих покой его «тихого мира» детях Ветвиковых; во втором – повзрослевший персонаж (Котику исполнилось пять лет) пытается подружиться с девочкой. На наш взгляд, данная особенность соответствует авторскому замыслу – подчеркнуть одиночество героя, впоследствии оказавшее влияние на его становление и взросление как личности: с раннего возраста окруженный преимущественно взрослыми людьми (как правило, представителями интеллигенции и домочадцами) Котик «преждевременно» развивается под воздействием такого окружения и невольно становится причиной конфликта между родителями.⁴

Местоименное слово *МЫ* может быть также адресовано матери и отцу Котика. Например:

1. «Изредка берет меня мама. И на саночках, мимо саночек, пролетаем *мы* – в саночки: в белом шипне метелицы; из метелицы – в вьюгу; из переулков и улиц – переулками, улицами: в переулки и улицы» [Белый 2011: 1114].

⁴ Подробнее об этом будет сказано при обращении к высшим уровням организации ЯЛ, в частности, в § 3.5.

2. «*Мы* выходим; *мы* – вышли; и – видим уже, что взлетел подкидной огонек; что на улицах поредел людоеход» [Белый 2011: 1115].

3. «Вновь на саночках, мимо саночек, пролетаем *мы* в саночки; приморозило, а тепло – мне под полостью» [Там же].

4. «С мамочкою оба боимся *мы*: придут «математики»» [Белый 2011: 1144].

5. «*Мы* бросаемся с папой спасать его» [Белый 2011: 1134].

6. «С папочкою выручаем *мы* «молодых людей» и прислугу» [Белый 2011: 1144].

Отдельное выделение в схеме объединений «я + мама = Мы», «я + папа = Мы», вопреки традиционному «я + папа + мама = Мы», подсказано самим текстом: мать и отец находятся в состоянии постоянной конфронтации – они придерживаются диаметрально противоположных взглядов на жизнь вообще и на воспитание Котика (в частности, одна из подглав романа получила название «Не папин, не мамин»).⁵ Таким образом, контекст романа и авторская установка обусловили необходимость раздельного построения рисунка 2 и рисунка 3 в данной схеме.

Местоименное Мы, представленное в схеме на рисунке 4 («я + домоладцы = Мы»), используется в лексиконе Котика Летаева тогда, когда профессорскую квартиру посещают незнакомые люди, представители интеллигенции, т.е. чужие для него люди. Возникновение подобного объединения в качестве средства указания «на группу лиц, включая говорящего», связано с необходимостью установить дистанцию между «миром Мы» (миром профессорской квартиры с ее обитателями) и «миром Они» (остальным миром за пределами профессорской квартиры) в целях сохранения «мира Я» (внутреннего мира Котика Летаева). Подтвердим сказанное примерами из текста:

⁵ На данном этапе анализа мы лишь упоминаем о данном обстоятельстве, при обращении же к высшим уровням организации ЯЛ (тезаурусу и прагматикону) об этом будет сказано подробнее.

1. «И вот снова звонится *к нам* Валериан Валерианович Блещенский, как ни в чем не бывало» [Белый 2011: 1111].

2. «Говорилось у *нас*: собирает все какие-то данные Помпул» [Белый 2011: 1117].

3. «И когда *к нам* звонится, кряхтя, головастый Брабаго, то боюсь я Брабаго» [Белый 2011: 1120].

4. «Городовой Горловасов был у *нас* недавно на кухне, в тулупе» [Белый 2011: 1133].

5. «Афанасий Васильевич Летаев, присяжный поверенный (дядя Ерш), *к нам* покажется из темного перехода, выдвинув ястребиный, отточенный нос, –клинобородый, язвительный, желто-карий, – в золотых очках; из Окружного Суда отобедать, и на столовых тарелочках возникают ломтики пеклеванного хлеба» [Белый 2011: 1135].

6. «Вот тогда-то *к нам* появлялся и Помпул, в наушнике, и с какими-то трубными звуками» [Белый 2011: 1138].

7. «Рассуждали у *нас* о каком-то Владимире Соловьеве – прохожем». 1165

8. «Оттого-то *они* все у *нас*: и обедают, и ночуют» [Белый 2011: 1171].

Местоименное слово *они* (ИЧ 24) используется в индивидуальном лексиконе персонажа в качестве средства указания «на лица, к которым говорящий не относит себя», в тексте значение данного личного местоимения определяется как «все, посещающие нас», или «не мы». Восприятие квартиры Котиком Летаевым амбивалентно: с одной стороны, он находится в детской, предстающей в его воображении внутренним миром, где он может осмыслить увиденное и услышанное; с другой стороны, посещает гостиную – внешний мир, который населяют взрослые. Представление о далекой, малоизвестной профессорской среде связано с построением мифологических аллюзий, позволяющих Котику сохранять связь с Вечностью, отсылающей к времени образования сознания младенца. Введение подобных образов в текст

романа связано с авторской установкой – расширить временные границы повествования:

1. «Подозрительно я встречаю гостей – профессоров и директоров казенных гимназий, потому что я знаю про *них*: – все *они* – Украшения; и потом еще: все *они* – изваяния; *они* украшают Империю: это слышал я от тети Доти и бабушки; а о том, что *они* крепколобы, я слышал от дяди Ерша: бьются лбами о стены *они*» [Белый 2011: 1119].

2. «Профессора и «доценты» – бывало, сойдется к нам славная стая *их* (со всех московских карнизов); и рассядется: в красных креслах гостиной: горластые дымогоры взлетают – ударяя пальцем по креслу, бывало, плетет Грохотунко – изветы: и – ветви изветов – а я не пойму; дрожу – от бессмыслицы громких слов и таимого ужаса «профессорской жизни»; и старинные бреды подымутся: – сам «профессор» есть прощупь в иную вселенную» [Там же].

3. «Повалихинский, Помпул и Усов – еще мне не люди, а ошупи: космосов... Гуманизма; приоткрывают завесу *они*; указуют *они* ... на зарю; оттого-то *они* предстают мне впервые в эпоху, когда от меня отступают куда-то: мои стародавние бреды» [Там же].

4. Я впоследствии их узнаю как людей: но впервые *они* вырастают из сумрака титанически иссеченными в камне на портале огромного Здания: Гуманности и Свободы; там *они* мне висят: кариатидами Вечности – в дочеловеческих формах; *они* мускулистой рукою сжимают увесистый светоч: и ударяют противников просвещения: мраморным пламенем [Там же].

Подводя итоги проведенного нами анализа функционирования группы личных местоимений в дискурсе Котика Летаева, отметим, что мир персонажа делится на три неравные части: «МИР Я», включающий только одного субъекта – самого персонажа, он связан с внутренней жизнью индивида, насыщенной рефлексией; «МИР МЫ», подразделяющийся на четыре части, каждая из которых включает няню, маму, отца и домочадцев; «МИР ОНИ» – все остальные, посещающие нас (чужие).

Слова, указывающие на непроцессуальный признак

Лексико-грамматическое подмножество «слова, указывающие на непроцессуальный признак» представлено 20 единицами с общим числом употребления 348 (13% от общей частотности «слов указующих»). Весь состав этого подмножества можно разделить на три группы – в соответствии с организующими эти части смысловыми исходами. Первая организуется вокруг смыслового исхода «чей», указывающего на принадлежность; вторая – вокруг смыслового исхода «какой/каков», связанного с указанием на «признак открываемый или приписываемый» [Шведова, Белоусова 1995:17]; третья – вокруг смыслового исхода «сколько», указывающего на количественный признак. Соотношение данных лексических единиц по признаку указания на «уверенное/ неуверенное знание / незнание» нашло отражение в таблице 6.

Таблица 6.

Слова, указывающие на непроцессуальный признак

Семантическое подмножество	Указание на «уверенное знание»	Указание на «неопределенное знание»	Указание на «незнание»
Смысловой исход «чей»	Его (3), её (3), их (5), наш (32), мой (106), свой (15)	–	Ничей (1),
Смысловой исход «какой / каков»	Самый (2), такой (16), это(70), та(5), те (3), то(12), тот (1),	Другой (3), иной (17), каждый (4), какой-то (40), любой (2),	Никакой (3)
Смысловой исход «сколько»	Мало(1)	Многие(3), несколько (1),	–

Выдвинутое ранее предположение о достаточно высокой степени уверенности Котика Летаева в предмете его речи подтверждается распределением слов, указывающих на признак предмета, по следующим группам: «уверенное знание», «неуверенное знание», «незнание». Группа «уверенное знание» насчитывает 11 единиц с общей частотностью 274; на «неуверенное знание» указывают 7 местоимений с ИЧ 70; указателем «незнания» являются

лишь две лексические единицы – «Ничей», «Никакой», отмеченные 4 употреблениями.

Наибольший интерес для анализа представляют особенности употребления в дискурсе Котика Летаева местоимений *мой, наш, иной*. Считаем целесообразным обратиться к их последовательному рассмотрению в рамках данного параграфа.

Основной функцией местоимения *мой* (ИЧ 106) в персонажном дискурсе является указание на принадлежность некоторого предмета (явления или лица) «миру» Котика Летаева, т. е. «тихому» миру, обозначенному в его текстах как «Я». Этот мир представляет собой наполненную нравственными переживаниями внутреннюю жизнь индивида; ее развитие и постепенное становление. Чувственную основу мыслительной деятельности Котика Летаева составляют ощущения, восприятия и представления, на базе которых происходит ее формирование. Так, значение местоимения *мой* под влиянием контекста приобретает дополнительный оттенок – «исходящий от меня, свойственный мне»:

1. «И *мысли мои* – змееногие мифы: переживаю титанности» [Белый 2011: 1076].
2. «И *сознание мое* вырывается» [Белый 2011: 1077].
3. «Первый сознательный *миг мой* есть – точка; пронизает бессмыслицу он» [Белый 2011: 1078].
4. «Ничто, что-то, и опять ничто; снова что-то; все – во мне, я во все... Таковы *мои первые миги...*» [Белый 2011: 1079].
5. «Таковы *мои первые ощущения*» [Белый 2011: 1091].
6. «Много раз приходило мне *мое странное чувство*» [Белый 2011: 1098].
7. «Желто-лиловый центр – счастье; а светопись молний – *мои дорогие надежды*; образуют мне – светлую ризу под веками» [Белый 2011: 1110].
8. «При *моей мысли* о них – все теперь это кончилось» [Белый 2011: 1123].

Местоимение *мой* в текстах Котика Летаева употребляется также для обозначения родственных или близких лиц, образующих «МИР МЫ», и ограничено рамками коммуникативной ситуации:

1. «Казалось: – в отдалении, среди комнатной анфилады, сидит *моя бабушка*» [Белый 2011: 1083].
2. «Сам я на коврике; сам я и бледен, и нем, как бледна и нема *моя нянюшка*» [Белый 2011: 1090].
3. «*Нянюшка моя* под киотом; кладет там поклоны» [Белый 2011: 1098].
4. «Няни нет уже – уткла: я не помню, когда это было; но знаю – прогнали *мою молчаливую нянюшку*» [Белый 2011: 1102].
5. «*Мама моя* с ударением твердила» [Белый 2011: 1093].
6. «*Моя милая мамочка* – молодая; и – ходит себе именинницей» [Белый 2011: 1112].
7. «Мамочка оправляет наряд; *мамочка моя*, как... картинка» [Белый 2011: 1113].
8. «Быстроглазый *мой папа*: приземистый, головастый, очкастый; множит нам толчею; и угоняет нам смыслы» [Белый 2011: 1113].
9. «*Папа мой* в переписке с Дарбу» [Белый 2011: 1132].
10. «*Мои дяди и тети* все слушались мамочку» [Белый 2011: 1146].
11. «*Моя крестная мать*, Малиновская, есть старуха-профессорша» [Белый 2011: 1120].

Появление в дискурсе персонажа местоимения *мой* в значении «абсолютной принадлежности одного лица другому» связано с личностью отца, оказавшей значительное влияние на становление и развитие Котика Летаева:

«*Папа мой* – математик Летаев; *и папа* – *мой папа*; *только мой, ничей иной*; математик Летаев не может быть папою никому на земле; он – *папа мне*» ⁶[Белый 2011: 1114].

⁶ Выделено нами.

Местоимение *мой* может быть использовано в индивидуальном лексиконе персонажа как указание на «то, что принадлежит мне»:

1. «Это мама иль няня проводят меня из коридора ... в *мою детскую комнатку*» [Белый 2011: 1083].

2. «*Мои кубики* порассыпались» [Белый 2011: 1105].

3. «*Мое новое платьице* – жмет; и мне грустно» [Белый 2011: 1173].

В ряде текстовых фрагментов, репрезентирующих речь Котика Летаева, слово *наш* (ИЧ 32) используется в значении «принадлежащий нам (домочадцам)» и связано с профессорской квартирой. Стоит обратить внимание на тот факт, что детская комната олицетворяет «МИР Я» (неслучайно персонаж при этом использует местоимение «моя»), все остальные комнаты в квартире – «МИР МЫ» (все населяющие ее), поэтому в этой коммуникативной ситуации Котик Летаев выбирает местоимение *наш*⁷:

1. «Правилom пережитий мне встала тут – нянюшка Александра непосредственно у дыры, у трубы; и – строй *наших комнат*» [Белый 2011: 1100].

2. «Мне дорога жизни протянута: через печную трубу, коридор, через строй *наших комнат* – в Троице-Арбатскую церковь» [Там же].

3. «Удивляемся мы с Раисой Ивановной тесноте *наших комнат*» [Белый 2011: 1131].

4. «Мне впоследствии *наш коридор* представляется воспоминаньем о времени, когда он был мне кожей» [Белый 2011: 10].

5. «*Наша гостиная* – уставлена красными креслами» [Белый 2011: 1104].

6. «*Наша столовая*, как денница, вся белая» [Там же].

Ранее мы говорили о достаточно высокой степени уверенности Котика Летаева в предмете его речи (что подтверждалось распределением «слов, указывающих на признак предмета», по группам «уверенное знание», «не-

⁷ Категория пространства значима в моделировании ЯЛ персонажа романа А. Белого «Котик Летаев». Об этом будет подробнее сказано при обращении к высшим уровням организации ЯЛ в третьей главе нашего исследования.

уверенное знание», «незнание»), сейчас считаем необходимым подчеркнуть, что данный персонаж является ребенком, становление и развитие которого представлено на страницах романа, поэтому претендовать на абсолютное знание («всезнание») он не может. В связи с этим в его дискурсе оправдано появление местоимения *иной* (ИЧ 17) в качестве указания на неопределенное знание в значении «чужой, неизвестный, непознанный». Как правило, слово *иной* используется для обозначения другого (фантастического) мира, недоступного для сознания и ощущения и неосвоенного Котиком пространства за пределами квартиры:

1. «И уже оттуда нам есть проход в *иной мир*: в страну жизни ритмов, где я был до рождения» [Белый 2011: 1107].

2. «Сам же он поразвел на дому всяких функций на листиках, и существа *иных жизней* во все: в буфетных щелях, и в паутине под шторой» [Белый 2011: 1108].

3. «Существа *иных жизней* теперь вмешались в события моей жизни» [Белый 2011: 1109].

4. «*Иная* эпоха мне светит, будто ночь» [Белый 2011: 1115].

5. «Сам профессор есть прощупь в *иную вселенную*, где все еще расплавлено и куда профессор несет свои бреды» [Белый 2011: 1119].

6. «Музыка – растворение раковин памяти и свободный проход в *иной мир*: и – открылось мне: – все, везде: ничего!» [Белый 2011: 1136].

7. «Приходили тогда и *иные* к нам – именитые гости» [Белый 2011: 1137].

8. «У меня за спиной – все, бывало, дрожит; и, как будто, грохочет: провал в *иной мир*» [Белый 2011: 1131].

9. «Мамины алмазные серьги вызывают воспоминанье во мне: моих замкнутых глаз и под веками светлого желто-лилового центра, бьющего блеском молний и открывающего мне проход в *иной мир*» [Белый 2011: 1110].

10. «И мне кажется: – мамочка, в великолепной карете, от нас проедет под аркою: в *иной мир* и в светлые сферы мазурок» [Белый 2011: 1112].

Таким образом, анализ функционирования «слов, указывающих на не-процессуальный признак», в частности, слов, организуемых вокруг смысловых исходов «какой» / «чей», подтверждает высказанное нами выше предположение о существовании в сознании персонажа трех категорий «своего» («МИР Я»), «нашего» («МИР МЫ») и «чужого» («МИР ОНИ»).

Слова, указывающие на признак другого признака или на ситуативное состояние

Третье лексико-грамматическое подмножество – «слова, указывающие на признак другого признака или на ситуативное состояние», – представлено 54 единицами с общим числом употреблений 406 (16% от общей частотности «слов указующих»). Данная лексико-грамматическая группа организуется вокруг следующих смысловых центров:

- смыслового исхода «**когда**», объединяющего средства указания на «признак по времени, пределу во времени» (темпоральный дейксис) [РСС-98; 8];

- смыслового исхода «**где**», объединяющего указания на «признак по месту, исхождению, направлению, пределу в пространстве» (локальный дейксис);

- смыслового исхода «**зачем / почему**», объединяющего указания на «признак причины, цели, условия, следствия, связи»;

- смыслового исхода «**как**», объединяющего средства указания на «признак по способу, характеру, образу действия». Данные представлены в таблице 7.

Таблица 7.

Слова, указывающие на признак признака или состояние

Семантическое подмножество	Указание на «уверенное знание»	Указание на «неопределенное знание»	Указание на «незнание»
1	2	3	4
Смысловый исход «когда»	Вновь (1), впоследствии (31) всегда (2), вскоре (1), давно (2), издавна (1), иногда (5), когда (1), навсегда (1), ныне (1), однажды (5), опять (5), позже (1), после (11), потом (10), прежде (8), преждевременно (1), прежний (7), раз (1), сегодня (1), сначала (1), снова (3), сперва (2), теперь (13), тотчас же (2), уже (52),	Когда-то (8), некогда (1), тогда-то (2),	Никогда (9)
Смысловый исход «где»	Везде (2), где (14), здесь (4), издали (3), куда (3), назад (1), наконец (1), недавно (5), обратно (1), откуда (5), повсюду (2), сзади (1), там (83), туда (13), тут (19),	Где-то (5), куда-то (2), откуда-то (3)	Никуда (6)
Смысловый исход «зачем / «почему»	Оттого-то (3), почему (3),	Зачем-то (1), почему-то (1),	
Смысловый исход «как»	Так (36)		

Группа указательных слов, организуемых вокруг смыслового исхода «когда», состоит из 30 единиц с общей частотностью употребления 189. Абсолютное большинство слов данного семантического подмножества указывает на временные ориентиры, осознаваемые персонажем как знакомые, определенные: 26 слов (ИЧ 169). Указывающие на неуверенное знание лексемы, в частности, слово *когда-то* (ИЧ 8), появляются в его индивидуальном лексиконе, как правило, в первой главе романа, характеризуя связанный с жизнью младенца период (рубеж 3-го года), отсылающий к картинам далекого про-

шлого: «Мифы – древнее бытие: материками, морями вставали *когда-то* мифы; в них ребенок бродил; в них бредил, как все: все сперва в них бродили; и когда провалились они, то забредили ими... впервые, сначала – в них жили» [Белый 2011: 1076].

Входящий в состав дискурса Котика Летаева темпоральный дейксис может быть представлен следующим образом:

Прошлое	Настоящее	Будущее
Давно (2)	Ныне (5)	Впоследствии (31)
Однажды (5)	Сегодня (1)	Позже (1)
Прежде (8)	Теперь (13)	После (11)
Прежний (7)	Уже (52)	Потом (10)
(22)	(67)	(53)

Так, общий индекс частотности единиц свидетельствует о значимости для персонажа момента «настоящего» (в тексте оно названо «ставшим»). Данный показатель требует уточнения: повествование представляет собой монолог главного персонажа, т.е. субъективное воссоздание отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, поэтому осмысление сложного процесса становления личности невозможно без ретроспекции (обращения к рубежу 3-го года жизни Котика) и взгляда в будущее. В связи с этим для персонажа актуальны как моменты «прошлого», так и «будущего», категория времени придает им определенную окраску.

В подтверждение сказанного охарактеризуем особенности функционирования слова «*впоследствии*» (ИЧ 31). Использование данной лексемы в дискурсе Котика Летаева происходит в моменты, отсылающие к будущему, когда формы и способы мыслительной деятельности претерпевают изменения, содержание мыслей углубляется, познавательные интересы активизируются: то, что было недоступно для его понимания в прошлом, становится возможным, понятным, ясным. Приведем несколько примеров из текста:

1. «Выбежал из чернотного грохота мне навстречу – весьма прозаичный толстяк, с короткой шеей блондин, здоровяк; он *впоследствии* появился и в яви: это был Дорионов, Артем Досифеевич, доктор мой; мне *впоследствии* говорили, что я непрерывно болел; и в то самое время» [Белый 2011: 1081].

2. «По ближайшим комнатам кто-то водит меня; молчаливо, сурово; кто-то светочем освещает мне путь, *впоследствии* становится ясным: это мама или няня проводят меня из коридора ...» [Белый 2011: 1083].

3. «Мне открылось *впоследствии* (я – подросток уже в эту пору): Афросинья, кухарка, с Дуняшей, горничной, – побранятся; и подыметя: в кухне крик» [Белый 2011: 1088].

Таким образом, состав группы указательных слов, связанных со смысловым исходом «когда», и частотность употребления выделяемых в ее пределах отдельных подгрупп свидетельствует о том, что, во-первых, Котик Летаев достаточно уверен в предмете своих знаний о временных ориентирах, но наличие слов, указывающих на «неуверенное» знание или «незнание» не может говорить о его абсолютном знании (или «всезнании»); во-вторых, учет только общего индекса частотности при распределении представленного в таблице темпорального дейксиса не дает полного представления о значимости определенного момента, поэтому в таком случае считаем целесообразным учитывать главным образом специфику контекста: для рефлексивно погруженного в субъективные переживания персонажа актуальны все моменты («прошлое», «настоящее» и «будущее»)⁸.

Текстовая лексико-грамматическая группа, организующаяся вокруг смыслового исхода «где» и представляющая локальный дейксис в составе индивидуального лексикона Котика Летаева, представлена 19 единицами с общим показателем употребительности 173. Распределение входящих в дан-

⁸ Категория времени как составляющая пространства значима в моделировании ЯЛ персонажа романа А. Белого «Котик Летаев». Об этом будет подробнее сказано при обращении к высшим уровням организации ЯЛ в третьей главе нашего исследования.

ное объединение слов, по группам «уверенное знание», «неуверенное знание», «незнание», отражает уверенную ориентацию персонажа в пространстве. Группа «уверенное знание» насчитывает 15 единиц с общей частотностью 157; на «неуверенное знание» указывают 3 местоимения с ИЧ 10; указателем «незнания» является лишь одна лексическая единица – «Никуда», отмеченная 6 употреблениями.

Лидирующее положение по индексу частотности среди слов, представляющих локальный дейксис, занимает *там* (ИЧ 83), предполагающее «определенную локализацию» и указывающее на определенное и удаленное (в разной степени) место» [Шведова, Белоусова 1995: 84]. Преобладание в индивидуальном лексиконе Котика Летаева *там-указателей* (*там* (ИЧ 83), *туда* (ИЧ 13), *туда* (ИЧ 19), т.е. «дальнего» круга перед «ближним» связано с особенностями познания окружающей среды – расширением горизонтов познания (персонажа отличает активная мыслительная деятельность).

Таким образом, число входящих в состав объединения единиц и общий показатель употребительности определили самым значимым среди подмножества «слов, указывающих на непроцессуальный признак или ситуативное состояние» текстовое смысловое объединение «уверенное знание» (44 единицы с частотностью 368). Группу «неуверенное знание» составили 8 единиц (ИЧ 23), группа «незнание» насчитывает лишь 2 единицы с общей употребительностью 15.

Анализ функционирования в индивидуальном лексиконе Котика Летаева лексико-грамматического множества «слова указующие» (таблица 8) подтверждает предположение о преобладании лексических средств, отражающих высокую степень уверенности субъекта в своих знаниях об окружающей действительности: текстовое смысловое объединение представлено 69 единицами (73 % от общего числа указующих слов) в 2406 употреблениях (92, 5% от общей частотности указующих слов).

Таблица 8.

**Слова указующие как фрагмент индивидуального
лексикона Котика Летаева**

Семантическое подмножество	Указание на «уверенное знание»	Указание на «неопределенное знание»	Указание на «незнание»
1	2	3	4
Слова, указывающие на предмет	14 (1764)	5 (52)	2 (33)
Слова, указывающие на непроцессуальный признак	11 (274)	7 (70)	2 (4)
Слова, указывающие на признак другого признака или на ситуативное состояние	44 (368)	8 (23)	2 (15)
Общее число слов	69 (2406)	20 (143)	6 (52)

Исследование особенностей функционирования в речи Котика Летаева лексико-грамматического множества «слова указующие» неоднократно сопровождалось выходом за границы нулевого вербально-семантического уровня организации ЯЛ и привело к отступлению от выдвинутого нами ранее принципа поуровневого ее анализа, что обусловлено рядом причин. Перечислим их: во-первых, спецификой значения местоименных слов, в которое изначально «встроено указание на относительные статусы говорящего и адресата в социальной, возрастной и иной иерархии, на существующую между ними степень близости, на разделяющую их дистанцию» [Апресян 1995, т. 2: 139]; во-вторых, отношением говорящего к действительности и содержанию сообщения; в-третьих, уникальностью модернистской повествовательной формы и учетом контекста.

В рамках данного параграфа можно выдвинуть некоторые предположения относительно своеобразия прагматического уровня организации ЯЛ «Котик Летаев», требующие подтверждения в дальнейшем анализе:

- основным предметом интересов Котика Летаева как субъекта речи является Человек (на это указывает частотность КТО – указателей);

- Котик Летаев принадлежит к типу монологических героев, склонных к рефлексии и ведущих интенсивную внутреннюю жизнь (функционирование эгоцентрического личного местоимения Я с общим индексом частотности 1120);

- особенностями коммуникативного поведения персонажа являются:

- 1) четкое разделение ролей между людьми, входящими в «МИР МЫ» (функционирование местоимения «МЫ» (ИЧ 190);

- 2) стремление к уединению, нежелание вступать в коммуникативные отношения (функционирование местоимений ТЫ, МОЙ, отсутствие в индивидуальном лексиконе персонажа местоимения ВЫ);

- 3) социальное поведение ЯЛ определяется желанием занять позицию созерцателя и наблюдать за происходящим и окружающими людьми.

Дальнейшее исследование индивидуального лексикона персонажа направлено на рассмотрение «слов именующих», семантическая классификация которых связана со «словами указующими» и с наибольшей очевидностью проявляется при описании имен существительных.

§ 2.3. Имена существительные в индивидуальном лексиконе персонажа: семантическая и частотная классификации

Рассмотрение «слов именующих» (имен существительных и глаголов) в виде иерархически организованных семантических подмножеств преследует две цели: во-первых, обнаружить смысловые доминанты индивидуального лексикона персонажа (дескрипторы); во-вторых, выявить особенности содержания отдельных тезаурусных областей.

Имена существительные представлены в индивидуальном лексиконе персонажа достаточно широко: 865 единицами с общим числом употребительности 4198, что составляет около 62% от общего числа лексических единиц и 51% от их общей частотности.

Классификация лексико-грамматического множества «слова, указывающие на предмет: все живое, вещь, явление» («Словник-3») осуществлена с учетом соотнесенности группы «слов именующих» со смысловыми исходами, обозначенными местоименными словами *кто, что, где, когда, почему / зачем*.

Смысловой исход «кто» организуют три лексико-семантических подмножества имен существительных: 1) «человек (люди)»; 2) «животные, растения, грибы» и 3) «мифические существа».

Группа антропонимов представляет собой весьма обширный и разнообразный в качественном отношении элемент словаря, имеющий тенденцию к постоянному пополнению. Так, в работе Л. В. Дуличенко подсчитано, что в «Словаре Академии Российской» (1806–1822 гг.) антропонимы составляют 4,9 % от общего словника, в словаре В. И. Даля этот показатель увеличивается до 6 %, в словаре Д. Н. Ушакова – 6,3 %, С. И. Ожегова – 6,6 % [Дуличенко 2000: 4] (цитируется по Л. Н. Чурилиной 2017: 53).

С обозначением человека в индивидуальном лексиконе Котика Летаева связано 157 слов, представленных в 1076 употреблениях (18 % от общего числа имен существительных и 26% от общего числа их употреблений). В пределах данного семантического подмножества выделяется 12 высокочастотных слов, претендующих на обладание статусом смысловой доминанты индивидуального лексикона: *папа* (ИЧ 150), *мама* (ИЧ 100), *бабушка* (ИЧ 51), *тетя* (ИЧ 40), *няня* (ИЧ 37), *математик* (ИЧ 22), *дядя* (ИЧ 20), *гости* (ИЧ 17), *мальчик* (ИЧ 15), *трубочист* (ИЧ 13), *профессор* (ИЧ 11), *извозчик* (ИЧ 10). Высокая частотность данных лексем подтверждает выдвинутое при анализе «слов указующих»⁹ предположение о значимости для Котика Летаева понятийной сферы, обозначенной смысловой доминантой «Человек». Отдельно в ряду связанных с наименованием человека слов стоит группа имен собственных, служащих наименованием конкретных лиц, превалирующая часть которых обозначает окружающих персонажа людей (как пра-

⁹ См. § 2.2.

вило, гостей квартиры): *Азаринов (2), Афросинья (19), Бабашкин (2), Безбардо Беатриса Павловна (2), Блещенский Валериан Валерианович (20), Блещенская Поликсена Борисовна (23), Брабаго (12), Бробековы (3), Буслаев Федор Иванович (7), Василисимов (3), Веселовский Алексей Николаевич (1), Ветвицковы (1), Выгодчиков (1), Гринев (2), Гутхейль (2), Дадарченко (4), Дадарченко Елена Кирилловна (1), Дадарченко Полиевкт Андреевич (5), Дорионов (10), Дуняша (10), дядя Вася (11), дядя Ериш (4), Ежешихинский (2), Идеалов (1), Илёв Дима (1), Иоанникий (1), Капнист (1), Касьянов Иван Иванович (1), Костя (1), Лаврова Вера Сергеевна (2), Летаевы (1), Малиновская Наталья Ивановна (1), Миловзорилов (2), Мозгова Пелагея Семеновна (1), Мрктич Аветович (18), нянюшка Александра (6), Огнев (7), Петрович (6), Повалихинский (8), Помпул Христофор Христофорович (32), Притатаенко (2), профессор Макеев (1), Пуанкаре (1), Пудостопов (1), Пфедфер (2), Склифосовский Николай Васильевич (1), Соловьев Владимир (9), староста Святославский (2), Толстой Лев (9), Троицкий Матвей Михайлович (1), Умов Николай Алексеевич (7), Усов Сергей Алексеевич (7), Фундаменталиков – Чемодаников (3), Чайковский (1), Раиса Ивановна (53), Серафима Гавриловна (13), Сонечка (10), тетя Дотя (40). Абсолютное большинство высокочастотных слов образуют единицы преимущественно двух тематических групп – «*Наименования лиц по родству, семейству, семейному положению*» (6 единиц с ИЧ 361) и «*Наименования лиц по профессии, роду занятий, характеру деятельности*» (4 единицы с ИЧ 93).*

Состав лексико-семантического подмножества имен существительных, связанных с обозначением человека, в меньшей степени образуют общие наименования лица или совокупности лиц (*личность, люд, люди, людолет, людодход, человек*), в большей степени частные объединения, основанные на выделении какого-либо признака – возрастного, полового, сословного и т. д. Наиболее обширной при этом является подгруппа «*Наименования лица по профессии, роду занятий, характеру деятельности*» (наименования, основанные на признаке «*социальное положение лица*»).

Общие наименования совокупности лиц: люд (1), люди (7), людолет (1), людоход (1).

Возрастные общности: дети (9), воспитанники (1).

Временно созданные объединения: компания (1), кружок (1), стаи (4).

Общие наименования лица: личность (2), человек (5).

Наименования лиц по полу и возрасту: дама (3), девочка (3), мальчик (15), молодой человек (2), мужчина (1), ребенок (1), старичок (1), старуха (12).

Наименования лиц по сословному положению: граф (1), королева (2)

Наименования лиц по родству, семейству, семейному положению: бабушка (51), дедушка (9), домашние (1), дядя (20), крестная мать (2), кузен (1), мама (100), непапа (4), папа (150), прабабушка (2), праматерь (1), тетя (40).

Наименования лиц по личным, общественным отношениям: гости (17).

Наименования лиц по профессии, роду занятий, характеру деятельности: академик (1), батюшка (1), городской (3), гусар (1), директор (1), доктор (3), духовник (5), извозчик (10), композитор (1), кухарка (1), лейб-медик (1), математик (22), матрос (1), митрополит (1), настройщик (3), няня (37), пастушок (1), паяц (1), поп (2), попадя (1), прислуга (1), просвирня (1), профессор (11), профессорша (1), ректор (1), священник (1), староста (1), трубочист (13), философ (1), художник (2); воспитанник (1), гимназист (1), студент (1), ученик (1).

Наименования лиц по окказиональному состоянию, обусловленному ситуацией, обстоятельствами, событиями: прохожие (3), окружение (1).

Наименования собственно оценки: безобразники (3), великан (1), весельчак (1), грешник (1), добряк (1), дурачок (1), крепколобы (1), кровинка (1), нечисть (1), полулюди (1), созданыице (1), толстяк (2), трещотка (1).

Лексико-семантическая группа «Наименования собственно оценки» включает единицы, в большей степени выражающие пренебрежительную оценку лица (*безобразники, великан, грешник, дурачок, крепколобы, нечисть, полулюди, толстяк, трещотка*), в меньшей – положительную оценку (*ве-*

сельчак, добряк, кровинка, созданыице). Ср. 9 единиц с общим числом употреблений 12 и 4 единицы, представленные в 4 употреблениях, соответственно.

2. Название религиозных существ: ангел (3), боженька (2).

Тематическая группа «Мифические существа» весьма немногочисленна и представлена всего двумя единицами – *ангел (ИЧ 3)* и *боженька (ИЧ 2)*.

Данные лексемы употребляются в своем прямом значении в религиозном представлении, где под *Боженькой* понимается «верховное существо, сотворившее мир и управляющее им» [МАС:100], под *ангелом* – «сверхъестественное существо, посланец бога (изображается обычно в виде крылатого юноши)» [Ожегов, Шведова 2010: 10]; они связаны с ситуацией первого посещения церкви персонажем: «*Очень скоро за узренным раздаются глаголы и мне: об ангелах, рае и... Боженька; окончательно выясняется мне, что таимая комната – Церковь*» [Белый 2011: 1099].

3. Названия животных, растений, грибов: белочка (1), болонка (1), зайчик (3), змея (8), жучок (1), каркун (1), комар (1), кони (1), кошка (3), лев (12), обезьяна (1), песик (3), песка (1), рыбка (1), собачка (1), таксы (2), щенята (1); белоцветы (1), ветка (2), древо (12), елка (7), заросли (1), земляника (1), лепесток (3), лилии (5), мох (1), осинник (1), почки (1), сосны (1); березовик (1), подосинник (1), сыроежка (1).

Тематическая группа «*Названия животных, растений, грибов*», выявленная в индивидуальном лексиконе Котика Летаева, весьма многочисленна – 33 единицы с общим числом употребления 83. Разнообразие этих лексем и число их употреблений в целом позволяют говорить о мире флоры и фауны как о значимом фрагменте индивидуальной картины мира персонажа. Наделение зоонимов антропоморфным значением несвойственно Котику Летаеву; абсолютное большинство единиц данного лексического объединения используется в его речи в прямом значении в качестве средств номинации животных, растений, грибов.

Высоким индексом частотности среди слов, входящих в группу «Названия животных, растений, грибов», обладает слово Лев (ИЧ 12), которое именует сенбернара по кличке Лев. Такое функционирование высокочастотной единицы обусловлено возрастными особенностями речевой деятельности Котика Летаева: мысль трехлетнего персонажа связана с конкретными образами, предметами, событиями, поэтому для него оказываются недоступны аллегории и метафоры. Услышав от взрослых фразу: «Лев идет» (имеется в виду сенбернар по кличке Лев), он представляет настоящее крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих: «Мне отчетливо: – *Лев есть Лев: не собака, не кошка, не утка*¹⁰; смутно помнится: льва я где-то уж видел; и видел – огромную, желтую морду» [Белый 2011: 1084].

Отсутствие способности к процессу метафоризации и аллегоризации у детей от двух до пяти лет отмечал К. И. Чуковский, посвятивший феномену речевой деятельности ребенка книгу «От двух до пяти»: «Свежесть реакций ребенка на взрослую речь сказывается именно в том, что *каждую нашу идиому дети воспринимают буквально*¹¹ <...> взрослые мыслят словесными формулами, а дети – вещами, предметами предметного мира. Их мысль на первых порах связана с конкретными образами. Потому-то *они так горячо возражают против наших аллегорий и метафор*»¹² [Электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72192&p=1> Дата обращения: 12.08.2019].

Таким образом, лексико-семантическое подмножество «слова, именующие предмет: все живое» в индивидуальном лексиконе Котика Летаева представлено 192 единицами (общее число употреблений 1164), абсолютное большинство которых – 157 (ИЧ 1076) непосредственно связано с наименованием человека. Особой смысловой нагруженностью в составе данного лексического объединения обладают высокочастотные единицы *nana* (ИЧ 150) и *мама* (ИЧ 100).

¹⁰ Выделено нами.

¹¹ Выделено нами.

¹² Выделено нами.

Лексико-семантическое подмножество имен существительных, организуемых вокруг смыслового исхода «что», представлено в индивидуальном лексиконе Котика Летаева широко: 78 % от общего числа имен существительных и 72% от числа их употреблений.

Первый этап классификации лексического материала подразумевает учет особенностей именуемой реальности – «конкретный предмет, реальия, воспринимаемая органами чувств» и «абстрактное понятие». Нами были выделены три основных лексико-семантических группы: 1) слова, именующие конкретный предмет: вещи, материалы; 2) слова, именующие природное явление, стихию; 3) слова, именующие абстрактное понятие.

Особенности содержательного компонента тематической группы «слова, именующие конкретный предмет: вещи», в частности, его разнообразие, обусловили выделения таких частных микрогрупп, как:

– «мебель и предметы интерьера»: абжур, аквариум, арка, буфет, ваза, вещи, гардины, гирлянда, дверь, картина, киот, коврик, колонна, кроватка, лавочка, лампа, лампада, лестница, пьянино, рояль, стул, шкапчик и т.д.;

– «посуда»: блюдце, стакан, тарелка, формочки, чашка;

– «одежда и обувь»: боа, калоши, камзол, колпак, косыночка, кофточка пелеринка, платье, рубашка, сапожок, туфелька, фартук, фрак, халат, штанишки, шуба и т. д.;

– «продукты питания и напитки»: булочка, горчица, каша, маслице, молоко, хлебик, чай, яства и т.д.;

– «вещество» и некоторые другие.

Тематическое разнообразие представленных в текстах Котика Летаева предметных имен и общее число их употреблений свидетельствуют о значимости «мира вещей» в его индивидуальной картине мира.

К разряду высокочастотных единиц, в абсолютном большинстве представляющих объединение лексем, связанных с наименованием предметов интерьера, относятся слова *обои* (ИЧ 13), *окно* (ИЧ 59), *печь* (ИЧ 10), *постелька* (ИЧ 10), *предметы* (ИЧ 18), *стены* (ИЧ 87), *труба* (ИЧ 16). Употребление

данных слов в текстах персонажа связано с особенностями обозначения важных понятийных сфер его картины мира, в частности, – с формированием категории пространства, занимающей важное место в организации прагматикона ЯЛ. Высокочастотные единицы представляют периферийную часть индивидуального семантического поля «пространства», являющегося языковым эквивалентом соответствующего концепта, анализу которого будет посвящен отдельный параграф третьей главы нашего исследования, поэтому в рамках рассмотрения лексико-тематической группы «слова, именующие конкретный предмет: вещи» считаем необходимым ограничиться вышеуказанной информацией.

Подгруппа с интегральным семантическим компонентом «тело» («Словник–3» – «*Наименования тела, его частей, биологических элементов организма*») включает единицы, которые связаны, прежде всего, с представлением о человеке. Высокочастотными единицами в составе данного объединения являются слова *глаза* (ИЧ 22), *голова* (ИЧ 15), *лоб* (ИЧ 26), *нос* (ИЧ 17), *сердце* (ИЧ 11).

Лексема *глаза* используется в дискурсе Котика Летаева в нескольких значениях:

прямом значении для обозначения органа зрения:

«По часам плясали *в глазах* на бегу: стены, сосны, потоки и пропасти, камни, кладбища, деревеньки, мосты» [Белый 2011: 1073]; «Она, приподымая *глаза* над очками, поглядывает на меня исподлобья» [Белый 2011: 1080]; «Я потру кулачками *глаза*» [Белый 2011: 1109];

в переносном значении, образуя синонимическую пару *глаза* – *взгляд*: «И когда к нам звонится, кряхтя, головастый Брабаго, то боюсь я Брабаго; Брабаго ощупывал взглядом; щипался *глазами*» [Белый 2011: 1120]; «... протянулась его белая голова с будто жующим ртом и с *пустыми глазами*»; «...выгнетса ее бело-каленая голова с жующим ртом и *очень злыми глазами*» [Там же];

в переносном значении для обозначения способности видеть: «...ни глазами, ни ухом его не уловит никто, потому что спадают очками глаза» [Белый 2011: 1153];

в составе фразеологических единиц засверкать глазами («выражение взглядом чувства гнева, возмущения»), открыть глаза («выйти из состояния неведения»), опустить глаза («потупить взгляд»), стрелять глазами («кокетничать»): «Черноглавый Летков из-под гущи усов засверкал нам глазами» [Белый 2011: 1173]; «Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза» [Белый 2011: 1073]; «Мрктич Аветович опускает глаза!» [Белый 2011: 1130]; «А чернобровая девка, Ардаша, стреляет глазами» [Белый 2011: 1123].

В приведенных примерах высокочастотное слово *глаза* функционирует в качестве полисеманта.

Лексема *голова* (ИЧ 15) используется преимущественно в своем прямом значении для обозначения части тела человека: «... из-за угла коридора просунулась жиловатая голова трубочиста» [Белый 2011: 1093]; «...полудремотно ласкаюсь я к лучикам; голова на коленях: ласкаюсь к коленям» [Белый 2011: 1105].

Употребление данного слова в дискурсе Котика Летаева также может быть связано с реализацией метафоры «деревянная голова» (деревянные часы): «<...> из обой просунулась круглота: *деревянная голова*; стрекотала строгими стрелками на циферблатном оскале» или: «<...> со стен – круглота – *деревянная голова!* – огрызнется багрово оскалом» [Белый 2011: 1106].

Употребление лексемы *лоб* в прямом значении («верхняя лицевая часть черепа») связано не столько с обозначением физического облика человека, сколько с представлением о его интеллектуальном потенциале. Высокочастотный показатель частотности этого слова, его функциональная характеристика в текстах Котика Летаева могут рассматриваться как свидетельства концептуальной значимости в картине мире ЯЛ.

"Большелобый" Котик предстает на страницах романа в роли преждевременно развивающегося ребенка, соответственно обладающего высоким уровнем интеллекта. «Преждевременное развитие», олицетворением которого становятся особенности физического облика (по мнению матери, персонажа), в частности, большой лоб (унаследованный от отца-профессора), приходится скрывать от окружающих: *«Опасения, как бы я не стал "вторым математиком", – одолевают меня; мне ужасно, что я – большелобый: поменьше бы лобик мне; хорошо еще, что мне локоны закрывают глаза; их откинуть – все кончено»*¹³, а страшная, ненормальная выпуклость – лоб – выдается упорно; и лоб – расширяется: – у меня громадная голова; она – шар <...> Этот "лоб" закрывали мне: локоны мне мешали смотреть; и мой лобик был потный; в платьице одевали меня; да, я знал: если мне наденут штанишки – все кончено: разовьюсь преждевременно» [Белый 2011: 1144].

Одиночество познающего сознания определяется тем, что в конечном счете оно в тишине внутреннего мира организма «решает» все проблемы своего поведения, точнее, регулирует ход изменения своих состояний. Оно в одиночку регулирует процессы столкновения нового знания с уже созданным им на основе жизненного опыта, т. е. в пределах своих представлений о мире. Таким образом, создавая новое знание, оно постоянно «смотрится в зеркало своего я», оценивает все новое и принимает решения [Архипов 2016: 51].

Функциональная роль слова *сердце* в индивидуальном лексиконе Котика Летаева связана с представлением о духовной составляющей человека, с его переживаниями, чувствами: *«<...> и мне изнутри вылагая грудь – чашу, в которой, колыхнется сердце фиалковой синью и ширью, чтоб малым алмазиком звездочка прокатилась туда бы»* [Белый 2011: 1151]; *«<...> это сердце мое; пламенеет оно»* [Белый 2011: 1153].

Таким образом, подгруппа имен существительных, являющаяся *наименованием тела, его частей, биологических элементов организма*, в процессе функционирования в дискурсе Котика Летаева предполагает связь как с

¹³ Выделено нами.

представлением физического облика человека, так и связь с его духовными и интеллектуальными системами.

Семантическое подмножество «Слова, именующие природные явления, стихию», представлено достаточно широко и насчитывает 69 единиц с общим индексом частотности 258. Высоким индексом частотности обладают слова *небо* (ИЧ 40), *мрак* (ИЧ 19), *звезды* (ИЧ 14), *облако* (ИЧ 11), *тьма* (ИЧ 10).

Смысловой доминантой в этом ряду слов является *небо* (ИЧ 40), организующее вокруг себя взаимосвязанные в дискурсе персонажа лексемы *звезды* и *облако*, значение которых Котик получил от отца. Данные лексические единицы употребляются, как правило, в неразрывном единстве и в прямом значении: «Папа что-то шепчет про *небо*: "Оно – сфера: гармония бесподобного космоса – в нем: по нем катятся *звезды* законами небесной механики.. " <...> Наливное, безглазое *облако* – посмотрю – там проходит за окнами; своим пламенным ободом ополчинится в *небо*» [Белый 2011: 1114].

Высокочастотные слова *тьма* и *мрак*, образующие синонимическую пару, используются в прямом значении: «отсутствие света, темнота» и вступают в синонимические отношения, соответственно образуя синонимический ряд: *мрак* – *тьма* – *темени*. Данные лексемы в пределах рассматриваемого лексико-семантического подмножества «Слова, именующие природные явления, стихию» создают антонимические ряды *мрак*, *тьма*, *темени* – *свет*, *явь*. Интегральным семантическим компонентом, объединяющим данный антонимический ряд, является компонент «свет», в качестве дифференциальных компонентов представлены – «отсутствие» (света) и «присутствие / наличие».

Синонимическими и антонимическими отношениями связаны и другие, служащие наименованиями природных стихий и явлений единицы. Например, антонимические ряды: *вода* – *суша*; *вода* – *воздух* – *огонь* – *земля*; *небо* – *земля*, *заря*, *зорька* – *закат*; синонимические ряды: *буря* – *ураган*, *снега* – *снеголиты* – *снегометы*; *леденица* – *сосулька*; *снежинки* – *хлопья* и т.д.

Тематическое разнообразие входящих в данную группу единиц, число их употреблений, их функциональные отношения, наличие нестандартных слов, используемых исключительно в текстах Котика Летаева, свидетельствуют об отнесенности «мира природы» к актуальному фрагменту картины мира персонажа.

Большое количество имен существительных, представленных в индивидуальном лексиконе Котика Летаева, служит наименованием абстрактных понятий (3% от общего числа имен существительных). Семантическая неоднородность лексического объединения «Слова, именующие абстрактное понятие» обусловила выделение в его составе нескольких подгрупп.

Первая из представленных в «Словнике–3» подгрупп «Наименования черт характера, его эмоционально-физических и интеллектуально-эмоциональных состояний» включает:

- общие наименования (*нрав, ошупи, ощущение, созерцание, способность, чувство*);
- наименования собственно черт характера (*самодушие, самород, спокойствие*);
- наименования желаний и потребностей (*желание*);
- наименований эмоций и состояний (*безобразие, бессмыслица, бессонница, бесстроица, боль, бред, волнение, гнев, грустины, грусть, жар, исжар¹⁴, натяжение, невнятица, непробудность, опасения, обморок, опасность, переживания, пережития, слезы, смятение, состояние, страх, счастье, тоска, трепеты, ужас, утрата*);
- наименования болезней (*дизентерия, корь, скарлатина*).

Высоким индексом частотности среди слов данной подгруппы обладают лексемы *ощущение* (ИЧ 26), *бред* (ИЧ 14), *состояние* (ИЧ 13).

Слово *ощущение* является здесь смысловой доминантой, о чем свидетельствует индекс частотности, лексическое наполнение, а также отводимая персонажем роль чувственного опыта в познании окружающей деятельности

¹⁴ Орфография А. Белого сохранена.

свидетельствуют о его несомненной концептуальной значимости в этом ряду слов.

Слово *ощущение* выступает в роли полифункциональной концептуально значимой единицы, т. к. его семантическая реализация в индивидуальном лексиконе Котика Летаева соотносится с несколькими словарными значениями: 1. *Состояние сознания, восприятие, вызываемое раздражением органов чувств* (псих., физиол.): «*Ощущения* отделялись от кожи: она стала – навислостью; в ней я полз, как в трубе; и за мною – ползли: из дыры; таково вхождение в жизнь...» [Белый 2011: 1091]; «И вместо этого было: – состояние *натяжения ощущений*; будто все-все-все ширилось: расширялось, душило; и начинало носиться в себе крылорогими тучами» [Там же].

2. *След, оставляемый в сознании человека предметами материального мира в результате их воздействия на органы чувств*: «... *ощущение математически точное*, что ты – и ты, и не ты, а... какое-то набухание в никуда и ничто, которое все равно не осилить» [Белый 2011: 1075]; «...*ощущение мне – змея*: в нем – желание, чувство и мысль убегают в одно змееное, громадное тело: Титана; Титан – душит меня; и сознание мое вырывается: вырвалось – нет его...» [Там же].

3. *Психический процесс, заключающийся в отражении органами чувств отдельных свойств материального мира, начальная ступень познавательной деятельности*: «Невыразимости, небывалости лежания сознания в теле, *ощущение, что ты – и ты, и не ты, а какое-то набухание*, переживалось теперь приблизительно так» [Там же].

4. *Переживание, впечатление от увиденного, услышанного, испытанного и т.д.*: «и может быть: лебединые перья по нем проходили сияющим *ощущеньем тепла*: сквозь него самого» [Белый 2011: 1169]; «...вот она мне – орех на моем языке; я глотаю орех; *ощущение переходит мне в горло: сжимается горло*» [Белый 2011: 1168].

Лексико-семантическая подгруппа «Наименования эмоций и состояний» является самой многочисленной из выделенных подгрупп и включает

28 единиц, среди которых преобладают лексемы, связанные с представлением отрицательных эмоций и состояний: *безобразие, бессмыслица, бессонница, бесстроица, боль, бред, волнение, гнев, грустины, грусть, жар, исжар*¹⁵, *натяжение, невнятица, непробудность, опасения, обморок, опасность, переживания, слезы, смятение, страх, тоска, ужас, утрата.*

Употребление персонажем данных слов связано с потребностью охарактеризовать собственное эмоциональное состояние.

Текстовыми аналогами слова *бред* предстают такие единицы индивидуального словаря Котика Летаева, как: *безобразие, бессмыслица, бесстроица, невнятица, непробудность*, эксплицирующие значение: «*бессвязная речь больного, находящегося в бессознательном состоянии*»: «... уж привыкнув к действительности, все боялся я, что она утечет от меня и что буду я – без действительности: вне действительности разовью миры *брёда*...» [Белый 2011: 1091].

Основанием объединения данных слов в синонимический ряд стало их лексическое наполнение и функционирование в пределах конкретного текста, представляющего собой сферу их бытования.

Обозначенная в «Словнике–3» как «*Слова, именующие единицы ментального уровня организации человека, ментальные процессы, состояния*» лексико-семантическая группа организована двумя смысловыми доминантами – *мысль и память*. Содержание единиц данной подгруппы и ее внутренняя организация позволяют нам наметить прагматические векторы в организации ЯЛ.

Высокий индекс частотности в рамках рассматриваемого семантического объединения имеют слова *память (ИЧ 46), образ (ИЧ 46), сознание (ИЧ 38), мысль (ИЧ 29), воспоминание (ИЧ 25), впечатления (ИЧ 22), смысл (ИЧ 19).*

Смысловая доминанта *мысль* содержит наименования «единиц мысли» (*мысль, взгляды, видения, дум, знание, значение, мыслечувствия, наука, об-*

¹⁵ Орфография А. Белого сохранена.

раз, план, понятие, проект, фантазия) и наименования собственно ментальных процессов – действий и операций, осуществляемых с помощью «единиц мысли» (*воображения, впечатления, любопытство, образование, представление, познание, размышление, самосознание, сознание, упражнения*).

Употребление слова *мысль* (ИЧ 29) в текстах Котика Летаева вызвано необходимостью обозначить как мыслительную деятельность (процесс), так и результат этого процесса: «*Строилась – мысль-ковчег; по ней плыли сознания от ушедшего под ноги мира до... нового мира. Роковые потоки бьют в нас (порог сознания – шаток): берегись, – они хлынут*» [Белый 2011: 1076].

В представленном текстовом фрагменте слово *мысль* непосредственно связано с указанием на мыслительный процесс как таковой, совершаемый самим говорящим, предстающим в роли субъекта этих действий. Появление библейской метафоры «Мысль – ковчег» не случайно: ее смысл состоит в экспликации значимости для персонажа мыслительного процесса как такового, его важной роли в становлении личности. Процесс познания окружающей действительности персонажем происходит стихийно, в этом смысле закономерно появление образа кометы: «*Восстающая детская мысль напоминала мне комету*» [Белый 2011: 1076].

Слово *ум* в индивидуальном лексиконе Котика Летаева обращено к самому себе и употребляется в составе устойчивого сочетания «*себе на уме*», становясь при этом средством самооценки персонажа: «*Я себе на уме...*» Или: «*И я – вылезаю из ямы; глухонемая тоска тяготит; я – себе на уме: да, я знаю, что знаю: и – никому не скажу*» [Белый 2011: 1124]. Мыслительная деятельность персонажа происходит активно, «преждевременное развитие» (в частности, полученные знания о действительности) приходится скрывать от окружающих, главным образом, от своей матери; поэтому такое поведение продиктовано желанием Котика Летаева обезопасить себя и успокоить мать, но никак не стремлением причинить вред кому-либо.

Использование в дискурсе персонажа ряда слов: *сознание, самосознание, познание, образование, воображение, размышление* – также имеет целью

обозначить процесс последовательного совершения субъектом собственных мыслительных действий, смысловой доминантой здесь является высокочастотное слово *сознание* (ИЧ 38), реализующее значение: «*процесс восприятия и понимания окружающего, свойственного человеку*».

Мыслительная деятельность персонажа направлена на получение результата, отсюда появление наименований единиц мыслей, в состав которых входят лексемы *взгляды, впечатления, думы, знание, значение, образ, план, подобия, понятия, проэкт*¹⁶, *смысл, содержание, умозрения*; в роли смысловой доминанты при этом выступает слово *образ* (ИЧ 46).

Слово *дума* в индивидуальном лексиконе Котика Летаева используется в значении «*мысль как результат мыслительной деятельности*», семантически сближаясь с текстовыми синонимами *взгляды, знание, план, понятие, проект, умозрение*. Обратимся к примерам из текста: «...изливается *дума* моя; и сребреет она предо мною; а не знаешь, что в ней» [Белый 2011: 1125]; «...достигалось смутное *знание*» [Белый 2011: 1075]; «...я скрыл свои *взгляды*» [Белый 2011: 1147]; «...*умозрения*, выплетаяся, виснет словами и дымом из славного рта; и сплетается с *умозрением*; многозрение *умозрений* осядет на креслах табачного копотью, став всезрением мнений» [Белый 2011: 1138]; «...ползал я – в настоящем без всяких видов на будущее – без *проектов, без планов*» [Белый 2011: 1102].

Высокочастотные единицы *образ* (ИЧ 46) и *впечатления* (ИЧ 22) вступают в синонимический ряд со словами *подобие и видение*. Семантическим основанием для установления синонимических отношений в паре *образ – подобие* является наличие интегрального компонента «*облик объекта*»: «...вызывание образов прежде бывшего – припоминание той страны, по *образу и подобию* коей прежде бывшее было» [Белый 2011: 1137].

Вторая смысловая доминанта, организующая лексико-семантическую группу, именуемую ментальные процессы, – *память* (ИЧ 46). В рамках текстовых фрагментов, репрезентирующих внутреннюю речь персонажа, мы

¹⁶ Орфография автора сохранена.

считаем целесообразным рассматривать память как нечто изменчивое и постоянно формирующееся, активно участвующее в мыслительной деятельности, вследствие чего память одновременно является результатом и инструментом интерпретации в познавательной и мыслительной деятельности [Ли Сяошуай 2016:192]. Процессы памяти и мышления находятся в тесной взаимосвязи: полученная в результате мыслительной деятельности информация поступает в память. Данная лексема входит в синонимическую пару *память* – *воспоминание*, семантическим основанием для установления синонимических отношений является наличие интегрального компонента «*сохранение информации*». Использование слов *память* и *воспоминание* в дискурсе персонажа связано с реализацией значения «*сохранение в сознании информации о воспринятом, мысленное воспроизведение чего-либо произошедшего*». Слово *память* (46), а также его текстовый синоним *воспоминание* (25) во многом являются ключевыми в экспликации индивидуальной картины мира персонажа и в наличии одноименного концепта: «Вот – первое событие бытия; *воспоминание* его держит прочно; и – точно описывает; если оно таково (а оно таково), – дотелесная жизнь одним краем своим обнажена... в факте *памяти*» [Белый 2011: 1077].

Таким образом, количественное соотношение слов, входящих в группу наименований единиц мыслей и группу наименований ментальных процессов, и их общая частотность, во-первых, свидетельствуют о значимости этих лексических объединений и их равноценности в индивидуальной картине мира персонажа; во-вторых, о связи с особенностями его прагматических установок – стремлении ЯЛ к активной мыслительной деятельности и выполнению мыслительных операций, обязательно направленных на получение какого-либо результата. Выдвинутое предположение нуждается в дальнейшем обосновании.

Лексико-семантическая группа, именуемая морально-этические и религиозные понятия, включает 14 единиц с общим числом употребительности 70. Высокочастотная лексема *рай* (ИЧ 11), а также слова *добро* (ИЧ 9), *зло* (ИЧ 8) пришли в индивидуальный лексикон Котика Летаева из текстов свя-

щенных книг, с которыми его познакомил отец. Слово *дух* (ИЧ 15) также является заимствованным, но уже из речи бабушки в ситуации объяснения религиозных понятий. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что вне связи с отцом и бабушкой слова *добро*, *дух*, *рай*, *зло* в дискурсе персонажа практически не используются: «Бабушка – все-то шепчет о духах; поминань-ице – лиловая книжечка! – все, бывало, с ней рядом! И – думаю: – о дыхании, духовенстве, духовности, духовниках и о духах, духовник – это дух, у престола подъемлющий руки; напоминает он солнце с лучами – с двумя конусами своих парчовых рукавов; световыми крылами он бьет, как громами; и облачится в глаголы, как... в светы: – Иоанникия» [Белый 2011: 1099];

«Папа раз к нам пришел; наклонился над лобиком толстеньким томиком в переплете; прочел мне из томика – об Адаме, о рае, об Еве, о древе, о древней змее, о земле, о добре и о зле: – и я думаю: – об Адаме, о рае, об Еве, о древе, о древней змее, о земле, о добре и о зле» [Белый 2011: 1148].

Остальные слова, составляющие данное лексическое объединение, обладают индексом частотности, не превышающим «3».

В связи с вышесказанным считаем возможным, что единицы *дух* и *рай*, несмотря на высокий индекс частотности в индивидуальном лексиконе ЯЛ, не являются его концептуально значимыми единицами.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении лексико-семантической подгруппы имен существительных¹⁷, служащих наименованиями эстетических понятий: в ее состав вошла одна единица с индексом частотности «9» («Словник – 3»).

¹⁷ Лексико-семантические группы «Слова, именующие действие, поступок», «Слова, называющие единицу информации», «Слова, именующие оценку информации», «Слова, именующие способ социального устройства», «Наименования причинно-следственных связей» в рамках нашего исследования считаем целесообразным оставить без рассмотрения по причине отсутствия в данных объединениях концептуально значимых единиц, что обусловлено фактором их частотности и особенностями лексического наполнения.

Роль организующих центров в лексико-семантическом объединении имен существительных, именующих ситуацию, событие, отводится словам *слово* (ИЧ 48) и *событие* (ИЧ 19).

Высокочастотное слово *событие* реализует в дискурсе Котика Летаева значение «*то, что произошло, случилось, факт личной жизни*», примечательно, что каждый прожитый день рассматривается персонажем как событие, в этом смысле данная лексема семантически сближается со словом *открытие*, эксплицирующим значение «*то, что стало известным*»: «*Вот – первое событие бытия; воспоминание его держит прочно; и – точно описывает; если оно таково (а оно таково), – дотелесная жизнь одним краем своим обнажена... в факте памяти*» [Белый 2011: 1077].

Анализ функционирования слова *событие* в текстах Котика Летаева подтверждает ранее выдвинутое предположение о его прагматических установках, в частности, относительно социального поведения ЯЛ, предпочитающей занять позицию созерцателя и наблюдать за происходящим и окружающими людьми: «*...и меня, как царя, уж сажают в высокое креслице, откуда взираю я на текущие события мира с философским спокойствием*» [Белый 2011: 1102].

Высокочастотная лексема *слово*, входящая в группу существительных, служащих наименованием единиц речи, используется в дискурсе Котика Летаева в нескольких значениях:

1. *Единица речи, представляющая собою звуковое выражение отдельного предмета мысли*: «*...это я кричал про него, по ночам, – всего одно только слово*» [Белый 2011: 1089]; «*... мне не помнится слово*» [Белый 2011: 1108].

2. *Высказывание, словесное выражение мысли и чувства*: «*Так бы я сгустил словом неизреченность восстания моей младенческой жизни*» [Белый 2011: 1075]; «*Продолжаю обкладывать словом первейшие события жизни: – ощущение мне – змея*» [Там же].

3. *Литературное произведение в форме ораторской речи, проповеди или послания*: «Мне бесказочно все в этот год, но я переполнен какой-то невнятной правдою; провозгласи ее я – и *огромное Слово* опустится: в слово мое; и – новые блески зажгутся» [Белый 2011: 1174]; «Взрослые говорят обо мне; тетья Дотя и Серафима Гавриловна представляются мне очень злыми: они ненавидят *огромное Слово*, которое спустится в слово мое (я не знаю, когда это будет)» [Белый 2011: 1175].

4. *Объект рефлексии персонажа*: «Так бы я уплотнил словом *странные строи из мыслей моих* в том глотающем, лезущем, суетном, водоворотнопустом: и я – вскакивал» [Белый 2011: 1078].

В приведенных текстовых фрагментах *слово* как единица речи Котика Летаева характеризуется полисемантической и наделяется личностным смыслом, что, в свою очередь, указывает на его концептуальную значимость.

Необходимо отметить факт семантической опустошенности большинства единиц, составляющих группу слов, именующих коммуникативную ситуацию, событие, среди которых выделяются следующие: *гиероглифы, листики, линии, пентаграмма, переписка, повторение, разговор, рисунок, спор, тетрадь*. Отмеченные лексемы принадлежат отцу Котика Летаева, т.е. носят заимствованный характер, и соответственно связываются с его персонажной сферой, поэтому не могут рассматриваться как концептуально значимые для ЯЛ персонажа.

Организирующим центром в группе слов, именующих речевую деятельность и единицы речи, является высокочастотная единица *звук* (ИЧ 24), реализующая значение: «*то, что слышится, воспринимается слухом*»: «*Звуки – остались. Звуками говорила со мною она*» [Белый 2011: 1162].

Таким образом, проведенный анализ группы слов, именующих коммуникативную ситуацию, событие, и слов, именующих речевую деятельность и единицы речи, также подтверждает ранее выдвинутое предположение о прагматических установках ЯЛ, прежде всего, об особенностях коммуникативного поведения: стремление к уединению ЯЛ, нежелание вступать в ком-

муникативные отношения, предпочтение позиции созерцателя. Особую значимость для персонажа имеет аудирование как один из видов речевых готовностей ЯЛ, т. е. речь, звучащая вокруг, содержание которой становится предметом мыслительной деятельности Котика и объектом рефлексии. Подтвердим сказанное текстовым фрагментом: «Я – нервный мальчик: *и громкие звуки меня убивают; я сжимаюсь в точку, чтобы в тихом молчаньи из центра сознания вытянуть: линии, пункты, грани; их коснуться своим ощущением; и оставить меж них зыбкий след*» [Белый 2011: 1076].

Он очень восприимчив к звучащей речи, тонко чувствует слово, в частности, его звуковую оболочку, порождающую различного рода ассоциации, образы: «Объяснение – воспоминанье созвучий; пониманье – их танец; образование – умение летать на словах; созвучие слова – сирена: – поражает звук слова "Кре-мль": "Кре-мль" – что такое? Уж "крем-брюлэ" мной откушан; он – сладкий.; подали его в виде формочки – выступами; в булочной Савостьянова показали мне "Кремль": это – выступцы леденцовых, розовых башен; и мне ясно, что – "кре" – крепость выступцев (кре-мля, кре-ма, крепости), а: – м, мль – мягкость, сладость» [Белый 2011: 1111].

«Звуки, из которых состоит форма слова, могут связываться у нас в сознании с определенными эмоциями, приятными или неприятными. И если «настоящее значение слова неясно, неизвестно, то ассоциации играют решающую роль» [Норман 2016: 21].

Лексико-семантическая группа существительных, именующих межсубъектные отношения, в дискурсе персонажа представлена всего 9 единицами, индекс частотности которых не превышает показателя «3». Данное объединение включает в себя в абсолютном большинстве единицы, устойчиво связываемые в тезаурусе с отрицательной коннотацией: *неладья, обман, одиночество, пропасть, пустота, расколы*.

Отрицательной коннотацией отмечены и единицы, образующие группу слов, эксплицирующих оценку ситуации, события: *беда, катастрофа, мерзость, несчастья, опасность, трагедия*.

Таким образом, группа существительных, именующих межсубъектные отношения, и группа слов, эксплицирующих оценку ситуации, рассмотренные в тесной взаимосвязи, содержат единицы с невысоким индексом частотности, что не дает оснований для выделения в их составе концептуально значимых единиц. Однако их отрицательная коннотация является косвенным подтверждением ранее высказанного предположения о коммуникативном поведении персонажа, для которого вступление в коммуникацию, даже с близкими людьми, представляется чем-то опасным: «Самое страшное начинается: мамочка, разгасяся, меня оттолкнет от себя <...> Я же тут, уличенный в провинности, начинаю дрожать; *одиночество нападает*: все кажется хрупким» [Белый 2011: 1144].

Имена существительные, организующиеся вокруг смысловых исходов «когда», «где», почему / зачем», образуют лексико-семантические объединения, связанные с наименованиями пространства и времени, и заслуживают отдельного рассмотрения.

Лексико-семантическая группа имен существительных «Слова, именующие временные промежутки», связанная со смысловым исходом «когда» в индивидуальном лексиконе персонажа, представлена 42 единицами с общим числом употреблений 279.

Организующими центрами в рамках данного лексического объединения выступают лексемы *жизнь* (ИЧ 49) и *время* (ИЧ 17).

Своеобразием подгруппы «Слова, именующие временные промежутки» является преобладание в ее составе наименований протяженных временных отрезков и отдельных периодов жизни человека: 27 единиц с общим индексом частотности 136; наименования же ограниченных временных отрезков включают 15 единиц с общей частотой употребительности 143. Превалирование в дискурсе Котика Летаева лексем, обозначающих отдельные периоды жизни (*рождение, младенчество, детство, период, становление, трехлетие, четырехлетие, пятилетие, порог, Ренессанс, кватроченто, треченто, эпоха, эра*) является не случайным: данные лексемы отражают периоды

постепенного становления размышляющей, активно познающей действительность личности и выступают объектами рефлексии ЯЛ. Обратимся к текстовым фрагментам персонажа, подтвердив сказанное:

«Четырехлетие перечертило жизнь надвое: я как бы пересыпался из эпохи в эпоху – понимаю я пересыпь поколений – из эпохи в эпоху: за сквозным людолетом времен проясняется явственно – ангел эпохи – иная эпоха мне светит: будто ночь» [Белый 2011: 1115].

«Я – художник действительности: в трехлетии я художник "треченто": копирую строи; четырехлетие "кватроченто"; и новые опыты жизни встают; и вопрос перспективы (смещение зренья) мне жив» [Белый 2011: 1131].

Высокочастотное слово *жизнь* входит в подгруппу наименований отдельных периодов жизни человека и выступает в роли семантического аналога слова *время*, что обусловлено экспликацией его словозначений в индивидуальном лексиконе Котика Летаева: 1. «Период существования кого-либо и 2. «Установившийся порядок в повседневном существовании».

Таким образом, смысловой доминантой подгруппы «Слова, именующие временные промежутки» признается слово *время*, выступающее в качестве номинативного ядра одноименного концепта.

Лексико-семантическая группа имен существительных «Слова, именующие пространство» (смысловой исход «где») в индивидуальном лексиконе Котика Летаева весьма многочисленна (92 единицы с общим числом употребления 631), в ее состав вошли как нарицательные имена существительные, так и собственные имена.

«Пространство» персонажа делится на отдельные миры, в разной степени удаленные от него: мир макрокосма, мир квартиры, мир города, мир деревни.

Представлению мира квартиры (ближнего мира), находящегося в зоне влияния говорящего, служит объемное, отличающееся тематическим своеобразием, лексическое объединение, основу которого составили наименования

помещений: *гостиная, детская, кабинет, квартира, комната, коридор, кухня, лабиринт, столовая, уголок.*

Второй мир (мир города), не входящий в сферу влияния говорящего, представлен большим количеством лексических единиц, часть из которых именует учреждения (*аптека, библиотека, бульвар, булочная, магазин, театр*), места перемещения и направления перемещения (*мостовая, перекресток, переулки, тротуар, улица*), другая часть содержит топонимы (*Арбат, Арбатская площадь, Гавриков переулок, дом Старикова, Египет, Казенный дом, Касьяново, Клин, Косяковский дом, Криво – борисовский тупичок, Москва, Остоженка, Пречистенская часть, Россия, Сивцев вражек, Столешников переулок, Троице-Арбатская церковь, Трубниковский переулок*).

Третий мир (мир деревни) также значим для персонажа и представлен словами *аллея, даль, дача, деревня, кущи, луг, парк, периферия, терраса, тропинка, чаща*, доминирующее положение среди которых занимает лексема *деревня*.

Четвертый мир (Мир макрокосма), самый дальний мир, связан в подгруппе с центром Вселенная: *Вселенная, бездна, беспредельность, горизонт, катакомбы, космос, материк страны, строи, сфера*.

Таким образом, обзорное рассмотрение входящих в лексико-семантические группы «Пространство» и «Время» лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что в качестве моделируемых компонентов индивидуальной картины мира персонажа выступают категории пространства и времени, служащие основой для формирования одноименных концептов.

Подводя итоги параграфа, отметим, что в результате анализа классификации лексико-грамматического класса «имена существительные», выполненной с учетом семантических и частотных характеристик слов, выявлен ряд наиболее объемных и частотных семантических объединений, таких, как: «Человек / люди», «Мыслительная деятельность», «Время», «Пространство». Концептуально значимыми среди высокочастотных имен существительных (107) являются слова *Котик Летаев, мысль, память, образ, время, про-*

странство, которые в дальнейшем могут рассматриваться в качестве имен индивидуальных концептуальных полей.

Дальнейший анализ словаря персонажа позволит определить состав, объем и специфику организации лексических средств экспликации, именуемых смысловыми доминантами индивидуально-семантических полей, являющихся языковыми эквивалентами полей концептуальных [Чурилина 2017: 89].

§ 2.4. Глаголы в индивидуальном лексиконе персонажа: семантическая и частотная классификации

Глаголы (слова, именующие процессуальный признак) составляют небольшую часть слов именующих, выделяемую в индивидуальном лексиконе Котика Летаева. Данный макрокласс насчитывает 181 единицу (14% от всего состава лексики персонажа) с общим показателем употребительности 661.

Цель описания слов, именующих процессуальный признак, состоит, во-первых, в выявлении в дискурсе персонажа лексических средств, соотносящихся со смысловыми доминантами, отмеченными в предыдущем параграфе; во-вторых, в распределении некоторых лексико-семантических групп глагольных единиц с опорой на закономерности организации индивидуальной лексической системы.

Классификация глаголов в нашей работе осуществляется в соответствии с представленной в «Толковом словаре русских глаголов» классификацией лексики. Нами были выделены три лексико-семантических подмножества, которые нашли отражение в «Словнике – 3»:

- I. «Действие и деятельность».
- II. «Бытие, состояние, качество».
- III. «Отношение».

Большинство лексем характеризуется средней частотностью употребления (от 2 до 9). Исключение составляет лишь ряд слов разных групп: *глагол*

движения *ходить* (10); глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности *знать* (43), *думать* (40), *казаться* (31), *видеть* (29), *вспоминать* (23), *смотреть* (16), *становиться* (16), *возникать* (10), *открываться* (10), *помнить* (10), *узнать* (10); глагол бытия *быть* (35); глаголы качественного состояния *бояться* (10), *ощущать* (10).

Некоторые среднечастотные глаголы образуют отдельные семантические объединения, входящие в индивидуально-семантические поля, связанные с выбранными нами концептами. Функцию организующих центров этих тематических объединений, за отсутствием высокочастотных единиц, выполняют интегральные семантические компоненты – смысловые центры. Таким образом, средний показатель частотности употребления глагольных единиц (от 2 до 9) не является свидетельством отсутствия их семантической и концептуальной значимости, выявляющихся на уровне более глубоких внутритекстовых связей и отношений.

Лексико-семантическое подмножество «Действие и деятельность» представлено в индивидуальном лексиконе персонажа довольно широко: 122 единицы с общим числом употребительности 492, что составляет 67% от общего количества глаголов и 75% от их индекса частотности.

Состав данного лексического объединения образуют тематические микрогруппы, среди которых самой объемной и частотной является объединение «Глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности» (42 единицы с ИЧ 347). Выделенные микрогруппы считаем целесообразным рассматривать в единстве, т. к. они дают представление о взглядах персонажа, преобладание вышеуказанной подгруппы и особенности ее лексического наполнения свидетельствуют о склонности персонажа к активной мыслительной деятельности и рефлексии.

Единицы индивидуального словаря, именующие глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности, в своем употреблении соотносятся со смысловыми доминантами *мысль*, *память*, *образ*. Роль организующих центров в пределах рассматриваемой подгруппы выполняют высокочастотные единицы

думать, знать, узнать, вспоминать, помнить, эксплицирующие собственно интеллектуальную деятельность.

Лексические единицы *видеть и слышать* с вербальной точки зрения служат обозначением факта восприятия персонажем информации по одному из двух каналов: визуальному или аудиальному. Визуальный способ восприятия информации в дискурсе Котика Летаева обозначен глагольными единицами *вглядываться, взирать, видеть, видывать, возникать, глядеть, изучать, смотреть, созерцать, уставиться*; при этом высокочастотными глаголами являются *видеть (ИЧ 29) и возникать (ИЧ 10)*. Глаголы, связанные с наименованием аудиального способа восприятия информации, немногочисленны: всего 2 единицы с индексом частотности 12 (*слушать и слышать*).

Таким образом, соотношение между визуальным и аудиальным способом восприятия в персонажной сфере свидетельствует об очевидном преобладании зрительного восприятия в процессе познания персонажем окружающей действительности.

Высокочастотные единицы, служащие лексическим средством обозначения собственной мыслительной деятельности, представлены глаголами *знать (ИЧ 43), думать (ИЧ 40), вспоминать (ИЧ 23), помнить (ИЧ 10)*.

Высокочастотный глагол *знать* в индивидуальном лексиконе Котика Летаева предстает в роли доминанты в синонимическом ряду, образованном глаголами *знать – понимать – осознаваться – узнать*, и связан с реализацией факта «*владения информацией*». Подтвердим сказанное примерами из текста: «.. впрочем, я *знал* один город (о нем говорилось, что мы туда едем); и этот

город есть "Клин"» [Белый 2011: 1118]; «Пятилетний, я *знал* уже: – земля – шар; гром – скопление электричества американец гуляет под нами; и – вверх ногами...» [Белый 2011: 1132]; «... я впоследствии *знал* его комнату; я впоследствии понимал: заводился он среди очень громких предметов, безалаберно там возился» [Белый 2011: 1080]; «И уже значительно позже: – видя черные рожи индейцев с продетыми в носу кольцами, по-

нимал я отчетливо: все они – безобразники: с тяжелою поступью: Фундаменталиковы-Чемоданиковы» [Белый 2011: 1101]; «*Осознавалось*: Петровича уже нет, а есть ломти мяса, малиновеющего под точеным ножиком Афросиньи, – в шумах и шипах, в парах» [Белый 2011: 1145]; «... а когда *узнаю* про Тезея и про быка Минотавра, то становится ясно мне: Артем Досифеевич – Минотавр; я же, щелкнувший в мрак пустых, пустых комнат, – Тезей» [Белый 2011: 1083].

Высокий индекс частотности глаголов *знать* и *узнать* свидетельствует о значимости для персонажа осведомленности об окружающей действительности и ценности информации как таковой.

Взаимосвязь глаголов *знать* и *понимать* обусловлена наличием общих семантических компонентов «сведение» («быть сведущим» [МАС]), или «информация», и «обладание». Таким образом, данные глагольные единицы представляют *статический аспект (обладание)* мыслительного процесса.

Сохранение в памяти полученной информации не менее важно для персонажа; в этом смысле не случайно преобладание глагола *помнить*, выступающего в качестве центра словообразовательного гнезда, в состав которого вошли глагольные единицы *вспоминать, напоминать, помнить, помниться, припоминать*.

Связанный с понятийной сферой интеллектуальной деятельности глагол *помнить* (ИЧ 10) соответствует смысловой доминанте индивидуального лексикона персонажа.

Слово *помнить* и его дериваты употребляются персонажем преимущественно в составе повествовательных высказываний в значении «*сохранять в памяти, не забывать*»: «Я отчетливо *помню*, что – линии блестящих лавочек, солнце и желтая суша – куда-то отъехали перед львом» [Белый 2011: 1085]; «*Помню* я этот сон» [Белый 2011: 1086]; «Это – *помнил* я твердо» [Там же].

Таким образом, глагольные единицы *знать – понимать – помнить – забыть* функционируют как средства реализации степени информирован-

ности персонажа о реалиях окружающей его действительности и представляют собой единое целое в смысловом и функциональном планах; высокий индекс их употребления в дискурсе персонажа может рассматриваться как показатель значимости этого фактора для ЯЛ.

Экспликация глагола *думать* в текстах Котика Летаева связана с его динамическим аспектом – собственным процессом мысли, где в роли субъекта действия выступает сам персонаж. Мысль при этом является процессом поиска и одновременно способом достижения. Глагол *думать* в текстах персонажа реализует два значения:

1. *Предаваться раздумью; мыслить, размышлять*: «...я *думал*: – "Как его там найти?"» [Белый 2011: 1094]; «...Или я смиренно сажусь на креслице: мне *подумать* на креслице; свои руки сложив в ручках креслица, –*думал* на креслице: – "Почему это так: вот я – я; и вот – Котик Летаев.."» [Белый 2011: 1103]; «...извозчик – ругается; я, увидевши Помпула, сзади стучащего желтой палкой, все-то *думаю* о извозчике Прохоре – о лихаче» [Белый 2011: 1117]; «...и я *думал*: о небылицах, об оси пролетов, о Помпуле, о костромском мужике и о пророке Магди» [Там же];

2. *Полагать, держаться какого-нибудь мнения*: «*Думаю*: дядя Ерш из портфеля повынимает теперь свои диски (гармонии сферы)...» [Белый 2011: 1135]; «*Думаю*, что "старуха" – какое-либо из внетелесных моих состояний, не желающих принять "Я" и живущих: глухою, особою, стародавнюю жизнью» [Белый 2011: 1078]; «...*думаю* я, что "крылья" – подобия пульсов; окрыленный, трепещущий рост – существо человека; ангелоподобно оно» [Белый 2011: 1093]; «*Думаю*, что погоня и грохоты: пульсация тела; сознание, входя в тело, переживает его громыхающим великаном; события этого сна объяснимы мне так» [Белый 2011: 1080].

Текстовыми семантическими аналогами слова *думать* являются глаголы *мыслить, вообразать, вникать, мечтать*: «Самосознание этих мигнов – отчетливо: – самосознание: пульс; *мыслю* пульсом без слова» [Белый 2011: 1110]; «Начинаю *мечтать*; принимаюсь кричать» [Белый 2011: 1149];

«...и ждут от меня подтверждения своих слов; *воображаю* впоследствии я себя стоящим среди них» [Белый 2011: 1175]; «Я *вникал* в те значенья: – являлась не наша вселенная, где и я был когда-то: как знать – до рождения?» [Белый 2011: 1115].

Таким образом, функционирование глагола *думать* и его текстовых семантических аналогов *мыслить*, *воображать*, *вникать*, *мечтать* состоит в вербализации самого мыслительного процесса, цель которого – получение результата (дум, взглядов, мнений, образов, убеждений). Аналогичный вывод применим по отношению к функционированию текстового синонимического ряда *представляться* – *казаться* – *возникать* – *выясняться* – *образовываться* *открываться* – *проясняться*, доминирующее положение в котором занимает высокочастотный глагол *казаться*.

Проведенный анализ функционирования единиц, образующих микрогруппу «Глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности», показал, что в пределах индивидуального лексикона персонажа они соотносятся со смысловыми доминантами *мысль*, *память*, *образ*.

Основу микрогруппы «Глаголы созидательной деятельности» составляют всего 5 глаголов с конструктивной семантикой, где роль смыслового центра выполняет глагол *слагать* (ИЧ 3), реализующий значение: «*придумывать*, *сочинять*»: «...и ныне: – в голове я *слагаю*: храм мысли, его уплотняя, как... череп» [Белый 2011: 1079]; «...и из толока – толчеи – мне *слагается*: толк» [Белый 2011: 1122].

Глагол *слагать* входит в синонимическую пару «*слагать* – *сфантазировать*», семантическим основанием для установления синонимических отношений здесь является наличие интегрального компонента «*придумывать*»: «... и по образу и подобию копии комнат в моем впечатлении тотчас же *сфантазировал*: образ; и этот образ себе начинаю рассказывать я» [Белый 2011: 1142]; «... и у меня *слагается* образ – "Империи", то есть какого-то учреждения вроде Казенного дома» [Белый 2011: 1119].

Так, созидание, как видно из приведенных текстовых примеров, подразумевает активный мыслительный процесс, результатом которого является *образ*.

Текстовыми синонимами в рамках рассматриваемой микрогруппы являются глаголы «*полниться – множиться*», эксплицирующие значение «*наполняться смыслом, увеличиваться*»: «...понятие! – *множится* *многим* смыслом; и вертит, и чертит мне звенья летящей спирали: объяснение - возжение блесков; понимание – блески в блеснах, где ритм пульса блесков мой собственный, бьющий в стране танца ритмов и отражаемый образом, как – память о памяти!» [Белый 2011: 1136].

Таким образом, абсолютное большинство глаголов, составивших микрогруппу «Глаголы созидательной деятельности», тесно связано с представлением о мыслительном процессе и в своем функционировании может быть отнесено к смысловым доминантам *мысль и образ*.

Единицы, образующие микрогруппы «Глаголы движения» и «Глаголы перемещения объекта», соотнесены в своем функционировании со смысловой доминантой *пространство*, являющейся наименованием одноименного концепта. Высоким индексом частотности отмечено слово *ходить* (ИЧ 10) и его корневые дериваты *приходить, проходить, заходить, отходить*, в целом связанные с актуализацией смысла «*перемещаться по поверхности*»: «Раз я его подсмотрел: – как он, описывая спиною дугу, прилобился под тяжкогрузным карнизом кирпичнокрасного дома – в Криво-Борисовском тупичке: неподалеку от домика Серафимы Гавриловны, куда мы *ходили* с Раисой Ивановной» [Белый 2011: 1120]; «Штанишки не в пору: теснят они, жмут меня; *хожу* я матросом – с огромным и розовым якорем, но... без слов» [Белый 2011: 1171].

Глагольные единицы, входящие в микрогруппы «Глаголы противодействия» и «Глаголы физиологического действия», не обладают высоким индексом частотности, но отличаются своеобразием употребления в текстах Котика Летаева. Так, глаголы *бороться, настаивать, преодолевать, выра-*

тать, забредить, затрястись, моргать, набухать, шириться используются персонажем с целью обозначения собственных физиологических действий и процесса восприятия действительности, где предпочтение отдается чувственному опыту в ее познании. Функционирование этих лексем связано с психологическими особенностями Котика: персонаж борется за возможность мыслить ясно, последовательно, испытывает чувство страха в моменты ее потери: «Самая данность стояла тяжелым вопросом... Непробудности мне роились до яви – в кипениях *я и жил и боролся!*» [Белый 2011: 1077]; «Но ошупи космоса *медленно преодолевались мною*; и ряды моих "въятий" мне стали: рядами понятий; понятие – щит от титана; оно – в *бредах* остров: в бестолочь разбиваются *бреды*; и из толока – толчеи – мне слагается: толк» [Белый 2011: 1122].

Аналогичный вывод справедлив и в отношении глаголов *возжаривать, обстать, одолевать, пронизать*, образующих группу «Глаголы физического воздействия на объект»: «Действительность, обстающая мне меня, – такова: отвердевает она; изошряюся в опытах; передвигаю действительность; *пя-тилетие обстает меня опытом*; мне в трехлетии опытов не было; были строгие строи» [Белый 2011: 1131]; «Первый сознательный миг мой есть – точка; *пронизает бессмыслицу он*» [Белый 2011: 1078].

Таким образом, единицы, вошедшие в состав микрогрупп «Глаголы противодействия» и «Глаголы физиологического действия», в пределах индивидуального лексикона персонажа соотносятся со смысловыми доминантами *мысль и ощущение*.

Лексико-семантическая группа «Глаголы звучания» содержит глаголы *бубукать, взреветь, греметь, гроыхать, зашипать, клохтать, погрохаты-вать, подчирикнуть, ревнуть*, индекс употребления каждого из которых не превышает показателя «1».

В данном тематическом объединении наблюдается отсутствие смысловых доминант индивидуального лексикона персонажа, что обуславливает упоминание о нем, а не детальное описание; состав же единиц, входящих в

него, подтверждает ранее высказанное нами предположение о значимости восприятия звуков, связывающихся с эмоциональной сферой персонажа.

В лексико-семантической микрогруппе «Глаголы речевой деятельности» также отсутствуют высокочастотные единицы, средним индексом частотности отмечены всего два слова – *говорить* (8) и *кричать* (7).

Глагол *говорить*, образующий синонимический ряд *говорить* – *разговаривать* – *рассказывать*, чаще всего является основным средством обозначения речевого действия других персонажей, окружающих Котика, и реализует значение «произносить слова, вести речь, выразить в устной речи какие-либо мысли, мнения, сообщать что-либо»: «Мне впоследствии говорили, что я непрерывно болел дизентериею, скарлатиной и корью: в то именно время...» [Белый 2011: 1079]; «...мне говорили потом, что в это время был болен я, что меня мучил жар» [Там же]; «Говорили мне: при моем появлении на свет свой огромный том мне прислал академик Грот со своей надписью; не видал этой книги я, но всегда ей гордился» [Белый 2011: 1103]; «Начинается про меня разговор; и – разгорается спор: говорят о летаевских – лбах, носах, подбородках, раскосо поставленных глазках; мне позор: у меня – летаевский лоб» [Белый 2011: 1132]; «Про меня говорили: – "Какой нервный мальчик..."» [Белый 2011: 1155].

Стоит обратить внимание на некоторые детали, присутствующие в приведенных текстовых примерах, в частности, на то, что речевое действие других персонажей направлено на сообщение факта биографии Котику (информация о его болезни, о подарке книги академиком Гротом), в произнесенных словах содержится отрицательная оценка Котика Летаева (информация о его внешнем несовершенстве и о нервозности).

Реже глагол *говорить* используется в качестве средства обозначения речевого действия самого персонажа в диалоге с самим собой: «Я себе говорил: – "Действительность эта – не сон: но она – не действительность..."

– "Что все это: и – где оно было?"

– "Приходил детский лев: и опять, и опять".

– "Ты с ним встретился..."

«...я – говорил себе:

– "Действительность, где ты был, – и не мир". Мне был мир – ощущением...» [Белый 2011: 1087].

Таким образом, особенности функционирования глагола *говорить* дают представление о коммуникативном поведении персонажа и предполагают выход за пределы вербально-семантического уровня организации ЯЛ, т. е. обращение к прагматикону. Так, в рамках рассмотрения единиц, входящих в группу «Глаголы речевой деятельности», нашло подтверждение ранее упомянутое предположение о предпочтении персонажем позиции созерцателя и особой значимости аудирования для него, при котором содержание звучащей вокруг него речи становится предметом собственной мыслительной деятельности и объектом рефлексии.

Отсутствие в дискурсе персонажа лексических средств экспликации фрагмента его индивидуальной картины мира, связанного с социальными отношениями (группа «Глаголы социальной деятельности»), обусловлено двумя причинами: во-первых, его возрастными особенностями (рубеж 3-го года до пятилетия включительно); во-вторых, с прагматическими установками, прежде всего, с коммуникативным поведением: нежеланием вступать в коммуникативные отношения с большинством окружающих. Вышеуказанное предположение нуждается в обосновании в дальнейшем анализе, в частности, при описании прагматического уровня организации ЯЛ.

Индивидуальный лексикон персонажа также лишен группы «Глаголы взаимоотношения», что является косвенным подтверждением ранее выдвинутого предположения о проявлении прагматических векторов ЯЛ – стремлении к уединению, нежелании вступать в коммуникативные отношения.

В этом смысле не случайно появление действий, обозначаемых глаголами *оттолкнуть* и *откинуть* (группа «Глаголы физического воздействия»), воспринимаемых Котиком Летаевым как опасных для личного благополучия. Наличие глагола *целовать*, содержащего положительную коннотацию, не

способно изменить сложившуюся ситуацию: «Мамочка, бывало, *целует*; вдруг заплачет она; и – *откинет* меня: – "Он не в меня: он – в отца..."» [Белый 2011: 1132]; «Самое страшное начинается: мамочка, *разгасяся*, меня *оттолкнет от себя*; и со слезами в глазах обращается к бабушке...» [Там же].

Лексико-семантическое подмножество «Бытие, состояние, качество» включает 58 лексем с общим показателем употребительности 154 (32% от общего числа глаголов в лексиконе персонажа и 23% от их ИЧ).

Состав данного лексического объединения образуют всего две тематические микрогруппы, среди которых лидирующее положение по степени употребительности и количеству входящих в состав объединения единиц занимает группа «Глаголы качественного состояния» (52 единицы с ИЧ 111).

В лексико-семантической группе «Глаголы бытия» высокочастотной единицей является *глагол быть* (ИЧ 35), выступающий основным средством обозначения существования и относящийся к числу самых частотных лексем русского языка. Высокий индекс употребления глагола *быть* в рассматриваемом тексте, отсутствие своеобразия использования данного слова в дискурсе персонажа свидетельствуют о том, что оно не входит в число смысловых доминант индивидуального лексикона. В связи с вышесказанным считаем целесообразным оставить без рассмотрения единицы, составляющие группу «Глаголы бытия».¹⁸

Лексико-семантическая группа «Глаголы качественного состояния» образуют средства вербального представления различных эмоционально-психических состояний и их внешних проявлений: *бояться, будоражиться, грустнеть, дивиться, занепаиться, мрачнеть, мучиться, ощущать, переживать, плакать, поражать, предчувствовать, пугать, старушиться, тя-*

¹⁸ «Глаголы помещения», «Глаголы осуществления», «Глаголы использования» и «Глаголы поступка и поведения» в рамках нашего исследования считаем целесообразным оставить без рассмотрения по причине отсутствия в данных объединениях смысловых доминант, что обусловлено фактором их невысокой частотности и особенностями лексического наполнения.

готить, удивляться, удивлять, ужасаться, хотеть, чувствовать (20 единиц в 62 употреблениях). Высокий индекс частотности в этом ряду отмечен у глаголов *бояться* (ИЧ 10) и *ощущать* (ИЧ 10).

Высокочастотное слово *бояться* в пределах индивидуального лексикона персонажа вступает в синонимические отношения с глаголами *будоражиться, пугать, тяготить, ужасаться*, семантическим основанием для установления синонимии является наличие интегральных компонентов «страх», «угроза» и «опасность».

Функционирование данных глагольных единиц в индивидуальном лексиконе Котика Летаева связано с характеристикой отношений, складывающихся на различных уровнях:

1. *Уровень социальных отношений «я – другие»*: «*Стариков и старух я боюсь*» [Белый 2011: 1120]; «*И когда к нам звонится, кряхтя, головастый Брабаго, то боюсь я Брабаго*» [Там же]; «*Это был добрый пес; иногда забегал на кружок он; в зубах носил хлыстик; мы боялись его*» [Белый 2011: 1086].

Роль других существ, вызывающих у Котика Летаева страх и волнение в процессе его взаимодействия с ними, выполняют чаще всего пожилые люди (в текстах персонажа, как видно из приведенных примеров, они именуются стариками и старухами), сосед Брабаго и сенбернар по кличке Лев, с которым Котик встречается на прогулке.

2. *Уровень восприятия «я – звук», «я – действительность», «я – болезнь»*: «...озираться, топтаться и, содрогаясь, *бояться – темнотного топота*» [Белый 2011: 1107]; «*Серафима Гавриловна спряталась в листьях лапчатой пальмы: пугаюсь темнотного шепота*» [Белый 2011: 1114]; «*И впоследствии, уж привыкнув к действительности, все боялся я, что она утечет от меня и что буду я – без действительности: вне действительности разовью миры бреда...*» [Белый 2011: 1091]; «*Воспоминание о Касьянове в это лето мне бледно; оно связано более всего с игрою в крокет офицера, с отплясыванием им лезгинки*

по вечерам, пред зажженным огнем и с *болезнью седалищных нервов*, которой *боялся я долго*» [Белый 2011: 1174].

На данном уровне чувство страха у персонажа вызывают звуки, шепоты, к которым он очень восприимчив¹⁹, болезнь и бред, в результате чего он может потерять ощущение действительности и способность осмысливать происходящее в ней.

Чувство внутренней неуверенности и страха в речи Котика Летаева может быть объяснено с нескольких точек зрения: с коммуникативной – отражение установок и мотивов, определяющих коммуникативное поведение ЯЛ; с психологической – вербальное выражение самооценки. Интерпретация предполагает выход за пределы анализа собственно индивидуального лексикона, поэтому в рамках данного параграфа считаем целесообразным ограничиться вышесказанным.

Высокочастотный глагол *ощущать* в текстах персонажа реализует значение «*воспринимать органами чувств*»: «...тело пучилось ростом, будто грецкая губка, вобравшая в себя воду; сознание было вне тела; в месте тела Ние *ощущался* громадный провал» [Белый 2011: 1076]; «Закрываю глаза: догоняю думами духов; представляются: – трепеты, блески под веками; *ощущаются*: трепеты детского тела; в трепетах прорастает – глава»; «*ощущалась* моя голова мне на уровне носа; вот она мне – орех на моем языке; я глотаю орех; ощущение переходит мне в горло: сжимается горло; все, что выше, истаяло: мозг, его оболочки, кость черепа, волосы *ощущают* себя не собой, а изливами пляшущих, себя мыслящих мыслей в громадине безголовых пустот, улетающих на спиралях своих – крылорогими стаями!» [Белый 2011: 1164].

Глагольная единица *ощущать* связана синонимическими отношениями с глаголами *переживать*, *предчувствовать*, *чувствовать*, появляющимися в речи Котика Летаева в случае необходимости обозначения собственного эмоционального состояния и придания значимости чувственному опыту в по-

¹⁹ Об этом мы говорили в §2.3.

знании действительности. Функционирование высокочастотного слова *ощущать* может быть соотнесено со смысловой доминантой *ощущение* и связано с характеристикой прагматикона ЯЛ, нежели лексикона.

Проведенный анализ функционирования единиц, образующих микрогруппу «Глаголы эмоционально-психических состояний и их внешних проявлений», показал, что данные единицы являются средствами создания фрагментов индивидуальной картины мира, связанной со сферой чувств и состояний (смысловая доминанта *ощущение*) и с экспликацией самооценки персонажа.

Глагол *ждать* (ИЧ 10), вошедший в состав группы «Глаголы качественного состояния», соотносится со смысловой доминантой *время*, выступающей в качестве номинативного ядра одноименного концепта, значимость которого уже отмечалась при описании имен существительных.

Глагол *хотеть*, обладающий средним показателем частотности (7) и являющийся средством вербального обозначения желаний и потребностей личности, входит в число наиболее частотных лексем русского языка и не претендует на роль смысловой доминанты индивидуального лексикона персонажа, поэтому специального рассмотрения он не требует.

Средствами вербального выделения состояний и внешних природных явлений и живых существ в рамках рассматриваемой группы являются глаголы *алмазиться, багрянеть, бирюзеть, ветриться, вилять, деревенеть, желтеть, заогневеть, зареть, зеленеть, кровавиться, кружеветь, листиться, малиноветь, мерзленеть, оломниться, пламенеть, посребреть, прослякаться, пурпуриться, серебриться, сереть, синиться, смерзнуться, хрустальеть, яснеть* (26 единиц в 33 употреблениях). Тематическое разнообразие входящих в данную группу единиц, число их употреблений, наличие нестандартных слов, используемых исключительно в текстах Котика Летаева, подтверждают ранее выдвинутое предположение об отнесенности «мира природы» к актуальному фрагменту картины мира персонажа.

Лексико-семантическое подмножество «Отношение» включает всего 1 лексему *любить* с общим показателем употребительности 15 (1% от общего числа глаголов в лексиконе персонажа и 2% от их ИЧ).

Высокочастотный глагол *любить*, входящий в группу «Глаголы межличностных отношений», используется в дискурсе персонажа в трех значениях:

1. *Чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо*: «Я любил рассказывать сны: пояснять свои миги сознания; и первые миги я вспомнил в то время; я любил погружаться в их темное, грозное лоно» [Белый 2011: 1085]; «Мы любили, обнявшись, сидеть, протянув свои личики в зорьку. Любили купаться (я еще не купался)» [Белый 2011: 1127].

2. *Быть довольным чем-либо, чувствовать удовольствие, удовлетворение*: «Кувыркаться я очень любил: и любил я подумать; вот только – подумать нельзя» [Белый 2011: 1147].

3. *Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо, быть преданным кому-, чему-либо*: «Раису Ивановну, милую, которая меня поняла, я люблю» [Белый 2011: 1125]; «Я люблю очень папочку; а вот только: он – учит; а грех мне учиться» [Белый 2011: 1144].

Персонаж чаще всего отдает предпочтение первому словозначению *чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо*, здесь мы можем говорить о сфокусированности персонажа на собственных чувствах и привычках, что не дает представления о его межличностных отношениях с другими персонажами. Исключение составляют лишь два словоупотребления глаголом *любить*, где адресатами признания Котика являются няня и папа. Все вышесказанное не позволяет отнести данный глагол к числу смысловых доминант индивидуального лексикона персонажа.

Таким образом, в результате проведенного анализа семантической классификации единиц макрокласса «Слова, именующие признак процессу-

альный» были выявлены особенности функционирования смысловых доминант во внутренней организации индивидуальной лексической системы.

Значительное количество глагольных лексем в дискурсе персонажа служит средством экспликации мыслительной деятельности индивидуума.

Организирующими центрами, допускающими возможность рассмотрения в единстве лексико-семантических объединений «Глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности» и «Глаголы созидательной деятельности», являются смысловые доминанты: «мыслительная деятельность», «память», «образ». Своеобразие концепта «мыслительная деятельность» связано со стремлением Котика Летаева к активной интеллектуальной деятельности и получением результата (продукту мысли) и проявляется в употреблении в речи персонажа образующих данные группы единиц.

Высокочастотные глаголы *бояться* и *ощущать*, входящие в группу «Глаголы качественного состояния», являются смысловыми доминантами дискурса Котика Летаева. Их концептуальная значимость заключается в том, что в его индивидуальном лексиконе они, во-первых, используются как средство самооценки говорящего; во-вторых, могут быть рассмотрены в числе средств репрезентации «Я – концепции» (концепт «Котик Летаев»).

Выводы по второй главе

1. Реконструкция индивидуального лексикона персонажа как единицы вербально-семантического уровня организации ЯЛ основана на анализе лексической структуры персонажного дискурса.

2. Создана и проанализирована семантическая классификация единиц индивидуального лексикона персонажа, представляющего собой строго организованную лексическую систему.

3. Распределение слов-указателей на предмет по группам «уверенное знание», «неуверенное знание» и «незнание» говорит о достаточно высокой степени уверенности Котика Летаева в предмете его речи: группа «уверенное знание» представлена 14 единицами с общим ИЧ 1683, при том, что «неуве-

ренное знание» и «незнание» в индивидуальном лексиконе персонажа составляют 7 местоимений, общая частотность которых составляет 85 употреблений.

4. Лидирующее положение по индексу частотности среди «слов, указующих на предмет», занимает личное местоимение *Я* (ИЧ 1120), в связи с этим справедлива отнесенность Котика Летаева к монологическим героям.

5. Дискурс Котика Летаева лишен личного местоимения *Вы*, что вполне закономерно и может быть объяснено следующими причинами: во-первых, *подчеркнутой установкой на монологичность* (персонаж не вступает в коммуникацию)²⁰, во-вторых, отсутствием склонности персонажа к публичной речи (*Вы* как форма обращения к коллективному адресату) ввиду возрастных особенностей.

6. Личное местоимение *Ты* (ИЧ 14) в индивидуальном лексиконе Котика Летаева используется в обращении к самому себе и в обобщенном значении (абстрагированно представляет любое лицо).

7. Анализ функционирования группы личных местоимений в дискурсе Котика Летаева выявил его особенности познания мира, который в представлении персонажа делится на три неравные части: «МИР Я», включающий только одного субъекта – самого персонажа, связан с рефлексией индивида, насыщенной нравственными переживаниями; «МИР Мы», который подразделяется на четыре части, каждая из которых включает няню, маму, отца и домочадцев; «МИР Они» – все остальные, посещающие нас (чужие).

8. Исследование классификации лексико-грамматического класса «Имена существительные», выполненное с учетом семантических и частотных характеристик слов, позволило определить ряд наиболее объемных и частотных семантических объединений: «Человек/ люди», «Мыслительная деятельность», «Время», «Пространство». Концептуально значимыми среди

²⁰ Об этом будет подробнее сказано при характеристике лингвокогнитивного и прагматического уровней организации ЯЛ персонажа художественного прозаического произведения.

высокочастотных имен существительных являются лексемы «Котик Летаев», «Мысль», «Пространство», «Время», которые в дальнейшем будут рассматриваться в качестве индивидуальных концептов, составляющих тезаурус ЯЛ персонажа.

9. Рассмотрение слов, именующих процессуальный признак, выявило в дискурсе персонажа лексические средства, соотносящиеся с отмеченными выше смысловыми доминантами, и особенности их функционирования во внутренней организации индивидуальной лексической системы. Концептуальная значимость высокочастотных глаголов *бояться* и *ощущать* обнаружит в процессе их участия в числе средств репрезентации «Я – концепции» (концепт «Котик Летаев»).

Глава 3. Лингвокогнитивный и прагматический уровни организации языковой личности «Котик Летаев»

§ 3.1. Тезаурус и прагматикон языковой личности.

Теоретический аспект

Анализ функционирования индивидуального лексикона персонажа художественного произведения, т. е. изучение его согласно всему дискурсу ЯЛ ведет к пониманию индивидуальной картины мира персонажа, отражающей его иерархию ценностей, и позволяет наметить линии его целей, мотивов, установок. Обращение к лингвокогнитивному уровню осуществлялось во второй главе нашего диссертационного исследования в ходе описания индивидуального лексикона Котика Летаева.

Рассмотренный нами вербально-семантический уровень в структуре организации ЯЛ обнаруживает его связь с семантикой языковых единиц, тезаурусный уровень же напрямую связан со знаниями о мире, его познанием через язык. «Тезаурус мертв без акта познания» [Караулов 2010: 175]. Определение места проведения границы между семантикой и знаниями о мире представляется для исследователя весьма трудной задачей, т.к. жажда познания, свойственная человеку, приводит к росту совокупных знаний о мире, а «семантика (как и процесс понимания) на деле оказывается неисчерпаемой вглубь» [Караулов 2010: 168]. «Семантика довольствуется идентификацией, познанием, узнаванием вещи (явления, процесса, предмета), тогда как знания о мире ориентированы на деятельность» [Там же]. Согласно Ю. Н. Караулову характеристика особенностей семантики и знаний о мире основана на противопоставлении и выглядит следующим образом: «семантика созерцательна и изотропна» (*слова семантически равноправны*); «знания о мире, напротив,

конструктивны, активны и анизотропны» (*равноправие между фразами и текстами отсутствует, что связано с разной степенью их значимости*).²¹

Центральной обобщенной единицей тезауруса является индивидуальная картина мира, содержательный аспект которой составляют понятия, идеи и концепты. Отождествление единиц с понятиями представляется непропорциональным. Выработка единых средств репрезентации тезауруса крайне сложна, т. к. «образ, возникающий на пересечении тезаурусных областей, индивидуален, неординарен» [Караулов 2010: 178]. В отличие от организованного по сетевому принципу вербально-семантического уровня, основа структуры которого задана ассоциативно-семантической сетью, единицы тезауруса упорядочиваются по иерархически-координативному принципу, предполагающему организацию всей совокупности этих единиц в виде пирамидальной фигуры с «основанием» и «вершиной». Л. Н. Чурилина усматривает сходство в предложенном Ю. Н. Карауловым соотношении «вершины» и «основания» пирамиды с дифференцированием принадлежащих гештальт-психологии «фигуры» и «фона». «Моделирование концептосферы личности на основе анализа лексической структуры произведенных ею текстов предполагает выявление наиболее значимых, релевантных фрагментов дискурса, роль «фона» («остального текста») в этом случае выполняет совокупность высказываний персонажа, а роль «фигуры» – фрагменты дискурса, эксплицирующие какой-либо из личностных концептов» [Чурилина 2017: 129]. По мнению Л. Н. Чурилиной, «статус вершины концептосферы личности может быть присвоен любой из концептуально значимых единиц индивидуального лексикона и лексический состав и структуру фрагментов дискурса персонажа, связанных с экспликацией концепта, избранного на роль «вершины» концептосферы, определит наполнение соответствующего ассоциативно-семантического поля» [Чурилина 2017: 130]. Разноуровневые понятия *индивидуальный лексикон* (словарный запас) и *концепт* аккумулируются во введенном в научный оборот Д. С. Лихачевым термине "концептосфера", определяемом как «сово-

²¹ Выделено нами – Ю. Д. Родина.

купность потенциалов», открываемых «в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [Лихачев 1997: 282]. Концептосфера личности предстает как лингвоментальное образование: «концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности» [Там же: 283], что позволяет рассматривать в качестве ее единиц не только собственно концепты, но и слова с конвенциональным значением и индивидуальным смыслом, «расшифровка» которого зависит от «сиюминутного контекста и <...> от индивидуальности концептоносителя [Там же: 282] (цитируется по Чурилиной 2017: 128-129).

Концептосферу личности и языка в целом отличает динамичность, подвижность, изменчивость. Концептосфера персонажа художественного текста, напротив, предстает как система статичная и закрытая, что обусловлено сферой ее бытования (конкретным текстом), не допускающей вне себя интерпретации единиц, ее составляющих.

Каждый из входящих в структуру организации ЯЛ уровней может быть рассмотрен отдельно, но необходимо отметить, что их связывают отношения, носящие между собой взаимодополняющий характер. Так, описание индивидуального лексикона персонажа предполагает выход на уровень концептов (движение от слова к концепту, от знака к концепту), анализ тезауруса и прагматикона заставляет исследователя вновь обратиться к словарю (от концепта, целей, мотивов, установок к слову), что позволяет характеризовать данный процесс как двунаправленный. «Тезаурус (в отличие от лексикона) размывает знаковую из-за «своей картинности» и многоступенчатой выводимости отношений» [Караулов 2010: 175]. Ю. Н. Караулов видел функциональную взаимосвязь вербально-семантического и лингвокогнитивного уровней в том, «что понять какую-нибудь фразу или текст означает пропустить ее через свой тезаурус, соотнести со своими знаниями и найти соответствие ее содержанию «месту» в картине мира» [Караулов 2010: 170]. «Концепты и ценности тезауруса личности поддерживаются не только семантическим уровнем, но и определенным образом обеспечиваются вышележащим

прагматическим уровнем, где они выливаются в соответствующие оценочно-целевые стереотипы и поведенческие структуры» [Караулов 2010: 258].

Таким образом, описание ЯЛ персонажа возможно при анализе всех уровней в их тесной взаимосвязи. В рамках данной главы нами предпринята попытка рассмотреть тезаурус и прагматикон в неразрывном единстве с точки зрения понимания картины мира Котика Летаева как ЯЛ. На справедливость такого подхода указывал Ю. Н. Караулов, формулируя мысль о том, что «мировоззрение есть результат взаимодействия системы ценностей личности, или картины мира, с ее жизненными целями» [Караулов 2010: 6].

Когнитивный уровень ЯЛ разработан в лингвистической персонологии наиболее полно [Карасик 2002: 88]. Между вербально-семантическим и лингвокогнитивным уровнями находится промежуточный уровень – уровень организации знаний о мире, воплощаемый либо в субъектном, либо в объективированном тезаурусе. Промежуточный язык есть язык представления знаний в человеческом интеллекте [Караулов 2010: 210], он лишен словаря и текстов в привычном понимании, поэтому не дает возможности прямого наблюдения. Способами представления знаний в нем и в то же время его элементами выступают образы восприятия, гештальты, схемы, фреймы, двигательное представление, пропозиция, картина, символы, формулы, диаграммы и слова.

Текст романа А. Белого «Котик Летаев» представлен поликонцептуальной структурой, включающей концепты «Мыслительная деятельность», «Пространство», «Время», «Котик Летаев», которые служат средствами репрезентации ЯЛ персонажа, построения его индивидуальной картины мира и представляют возможным выход на высший уровень – прагматикон, уровень коммуникативно-деятельностных потребностей личности.

Актуализация вопросов об упорядочивании знаний и представлений человека о мире в процессе речевой коммуникации стала неотъемлемой частью когнитивной лингвистики, одним из центральных понятий которой яв-

ляется *концепт*, «один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики» [Грузберг 2003: 183].

Данное обстоятельство обусловлено, во-первых, отождествлением концепта с близкими по значению или языковой форме терминами, во-вторых, наличием внелингвистических интерпретаций.

Первоначально концепт воспринимался как синоним слова "понятие" [Лингвистический энциклопедический словарь]. Позже исследователи стали дифференцировать данные термины, подчеркивая, что понятие отражает лишь наиболее существенные признаки объекта, концепт же способен отражать любые его признаки. В отечественной лингвистике философ и филолог С. А. Аскольдов в статье «Концепт и слово» одним из первых обратился к описанию термина "концепт".

Концепты рассматриваются в лингвистическом, когнитивном, культурологическом, лингвокультурологическом, психолингвистическом, философском и других аспектах, т. е. на сегодняшний день существует большое количество их интерпретаций, классификаций и методов исследования.

Вслед за З. И. Комаровой выделим основные сложившиеся в отечественном языкознании направления когнитивной лингвистики [Комарова 2013: 464]:

1. Культурологическое-исследование концептов и концептосфер как элементов культуры с опорой на данные разных наук [Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Н. Ф. Алефиренко....

В рамках культурологического подхода вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними, а концепт трактуется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Там же].

2. Лингвокультурологическое – изучение в направлении «от языка к культуре» [В.И.Карасик, С. Г. Воркачѳв, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, Г. В. Токарев, В. В. Воробѳев, В. Н. Телия, В. А. Маслова, В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, А.Т. Хроленко...]

Представители данного направления называют концептом «основную ячейку культуры в ментальном мире человека; базовой единицей культуры в категориях и формах родного языка» [Степанов 1997:43].

3. Логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы [Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв, Г. В. Макович...]

Р. И. Павилёнис называет концептом «интенциональную функцию от возможного мира к его объектам, смысл, составляющий когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [Павиленис 1983: 241].

4. Философско-семиотическое – исследование когнитивных основ знаковости [А. В. Кравченко, В. В. Колесов, Н. Ф. Алефиренко...]

В.В. Колесов в узком понимании концептом называет «объем понятия», в широком понимании – «концептом культуры». «Концепт есть исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» [Колесов 2009: 39].

5. Индивидуально-речевое, семантическое [Д. С. Лихачев, Н. Ф. Алефиренко, А. Вержбицкая, В. В. Колесов, И. П. Михальчук, В. П. Нерознак...]

А. Вержбицкая под концептом понимает «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление о мире «Действительность»» [Вержбицкая 1999: 21].

6. Семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере [Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин, А. В. Кравченко, Е. Ю. Балашова, М. В. Пименова, В. З. Демьянков, С. Х. Ляпин, Г. В. Быкова и др.]

Представители семантико-когнитивного направления видят в концепте «содержательную сторону знака, представленную в ментальности, и определяют концепт как глобальную мыслительную единицу, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона» [Кубрякова 1996:90]. В

качестве путей формирования концепта в сознании человека исследователи выделяют сенсорный опыт, предметную деятельность, мыслительные операции человека с уже существующими в его сознании концептами, языковое общение, процесс самостоятельного познания семантики языковых единиц [Попова, Стернин 2001: 68–69]; использование их в совокупности направлено на формирование полноценного концепта.

Предложенная классификация сложившихся в отечественном языкознании направлений когнитивной лингвистики может считаться субъективной, как и наличие фамилии автора в нескольких позициях, т.к. «далеко не всегда из определений или описаний этого феномена можно точно установить, к чему его относят авторы, какова его структура, чем выражается и т. п.» [Прохоров 2009: 14]. Вслед за Ю. Н. Прохоровым считаем целесообразным оставить скобки открытыми, тем самым подчеркивая, что перед нами открытый ряд исследователей.

Таким образом, при всем разнообразии подходов к определению термина «концепт» представители различных направлений солидарны в признании того факта, что данные подходы не являются взаимоисключающими, но носят взаимодополняющий характер. Различия связаны в основном с принципом отбора единиц исследования и методикой их описания. Подходы различаются векторами по отношению к индивиду: «лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик 2002: 139].

Взаимосвязь данных подходов при исследовании способствует более глубокому изучению такого сложного явления, как концепт, пониманию его природы и функционированию в когнитивной лингвистике.

В нашем диссертационном исследовании мы вслед за представителями семантико-когнитивного направления под термином "концепт" понимаем «глобальную мыслительную единицу, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга,

всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 92].

Наряду с теоретическим плюрализмом в определении концепта как базового понятия когнитивной лингвистики остается дискуссионным вопрос о методике изучения и описания концептов. На сегодняшний день существует многообразные методики. Перечислим вслед за З. И. Комаровой факторы, их определяющие: «во-первых, наличие различных целей и задач исследования; во-вторых, различные типы концептов как объектов исследования; в-третьих, предмет исследования, т.е. тот аспект концепта, который изучается; в-четвертых, тип концептосферы, картины мира, языковой картины мира, концептуальной системы и менталитета лингвиста – исследователя; в-пятых, способ языковой объективации концепта; в-шестых, тип значений, объективирующих объем концепта; в-седьмых, методологическая установка исследователя (принцип анализа концептов); в-восьмых, приемы и процедуры, которыми владеет исследователь, в первую очередь – типы моделей и экспериментальные методики» [Комарова 2013: 465].

Концептуальный анализ представляет собой аналог семантического в связи с использованием в обоих случаях метода толкования значения слов, но цель концептуального анализа состоит в выявлении авторской картины мира, ведущей читателя к познанию действительности через категории, характеризующие познавательную деятельность человека [Чернова 2015: 4].

За основу методологии исследования концептов считаем необходимым взять полевое описание концепта – в терминах ядра и периферии. Отметим, концепт не может быть выражен в речи в полном объеме, ибо является результатом индивидуального познания, нечетко структурированной объемной единицей, к тому же в процессе языковой и речевой репрезентации кое-что остается незафиксированным [Попова, Стернин 2001: 38].

Превалирование семантического поля «Человек», выявленного при анализе индивидуального лексикона Котика Летаева, стало основанием для выбора на роль «вершины» тезауруса личности концепта «Котик Летаев»,

являющегося значимой составляющей концептуальной области семантического поля «Человек». Включающие развернутые самохарактеристики говорящего фрагменты дискурса персонажа выступают основным объектом анализа; изучение лексического состава и структуры текстовых фрагментов разной субъектной отнесенности позволит найти материал для воссоздания модели индивидуальной картины мира, если ее вершиной является концепт «Котик Летаев». Реконструкция данного концепта предоставит возможность обратиться к истолкованию мировоззрения ЯЛ «Котик Летаев».

Прагматикон – высший уровень в структуре организации ЯЛ – «многогранен и многосложен по своему устройству» [Караулов 2007: 211], «играет главенствующую роль в иерархии уровней» [Там же], «наиболее труднодоступен для исследователя» [Там же], как следствие этого малоизучен и малоосвещен. Отличающая его индивидуализация обуславливает трудности описания его структуры, как и отсутствие полного перечня коммуникативно-деятельностных потребностей личности, также невыясненным остается содержание и характер относящихся к нему стереотипов.

Коммуникативно-деятельностные потребности личности служат основными единицами мотивационного уровня, представляющего собой систему целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей.

К приоритетным направлениям исследования, целью которого является реконструкция мировоззрения персонажа как ЯЛ, относятся:

1) реконструкция ассоциативно-семантических полей «Мыслительная деятельность», «Пространство», «Время», «Котик Летаев» как лексических эквивалентов соответствующих концептов;

2) создание модели «индивидуальная картина мира персонажа», отражающей связи и отношения, складывающиеся между «вершиной» концептосферы личности и другими ее элементами – концептуально значимыми единицами индивидуального лексикона и соответствующими ассоциативно-семантическими полями;

3) определение коммуникативно-деятельностных потребностей личности на основании анализа совокупности лексических средств, служащих языковой объективации особенностей поведения персонажа в процессе коммуникации.

§ 3.2. Концепт «Мыслительная деятельность» и средства его репрезентации

Предпринятый во второй главе нашего исследования анализ индивидуального лексикона Котика Летаева позволил выявить концептуально значимое семантическое поле «Мыслительная деятельность», которое может быть рассмотрено в качестве одноименного концепта. Мыслительная деятельность выступает важным звеном в характеристике ЯЛ персонажа романа, композиционно состоящего из шести глав, каждая из которых представляет собой ступень становления личности Котика Летаева: «Миг, комната, улица, происшествие, деревня и время года, Россия, история, мир – *лестница моих расширений*; по ступеням ее восхожу: это рост; я – расту». ²² [Белый 2011: 1112].

Ступени становления личности Котика Летаева можно изобразить графически следующим образом (шесть ступеней условно обозначают обозначенный в шести главах процесс):

Ступени становления личности Котика Летаева

²² Выделено нами.

В романе представлена лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» с ядром и системой периферийных средств.

Цель параграфа состоит в выявлении и последующем анализе средств репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» и его функционирования в романе А. Белого «Котик Летаев».

Концепт «Мыслительная деятельность» участвует в организации двух уровней ЯЛ персонажа – тезауруса и прагматикона, в связи с этим считаем целесообразным в рамках данного параграфа обратиться к экспликации прагматических установок, мотивов, определяющих мировоззрение и коммуникативные стратегии ЯЛ.

Репрезентативная структура концепта «Мыслительная деятельность» представлена лексико-семантическими средствами – преимущественно глаголами интеллектуальной деятельности и глагольными выражениями. Ядро концепта составляет глагол *думать*, встречающийся в тексте в речи Котика Летаева 40 раз, и его корневые дериваты, характеризующие особенности мыслительного процесса, – *подумать*(1), *раздумывать*(1), а также глаголы *вникать*(1), *вообразать*(1), *изучать*(2), *мыслить*(2), *созерцать*(1), для которых общим лексическим значением является значение глагола *думать* – «направлять мысли на что-нибудь». Подтвердим сказанное примерами из текста: «*Думаю*, что они – мое тело» [Белый 2011: 1087]; «*Думаю*, что погоня и грохоты: пульсация тела» [Белый 2011: 1081]; «И *думаю*» [Там же]; «*Думаю*, что «старуха» – какое-либо из вне телесных моих состояний» [Белый 2011: 1078]; «*Думаю* я, что «крылья» подобия импульсов» [Белый 2011: 1091]; «О королевне я *думаю*; и лучики лампы расширились мне в белоснежные блески развернутых крышей» [Белый 2011: 1163]; «...*думаю*: вот – профессор Макеев, лейб-медик, когда-то старался, чтоб мне его видеть; кабы не он, мне бы его не увидеть; я его узнаю; а он – нет» [Белый 2011: 1103]; «Или я смиренно сядил на креслице: мне *подумать* на креслице; свои руки сложив в ручках креслица, – *думал* на креслице: – «Почему это так: вот я – я; и вот –Котик Летаев... Кто же я? Котик Летаев?.. А – я? Как же так? И почему это так, что –

я – я?..» [Там же]; «*Думаю*: вот – профессор Макеев, лейб – медик, когда – то старался, чтоб мне его видеть; кабы не он, мне бы его не увидеть» [Белый 2011: 1103]; «Полосатое – *думал* я – и есть образ жизни: по статистическим данным» [Белый 2011: 1117]; «*Думал* я: вот идет теперь Помпул: и глухо бубукали звуки – из мировой пустоты» [Там же]; «Я увидевши Помпула, сзади стучащего желтой палкой, все-то *думаю* о извозчике Прохоре – о лихаче» [Там же]; «И я *думал*: о небылицах, об оси пролетов, о Помпуле, о костромском мужике и о пророке Магди» [Белый 2011: 1118]; «*Думал* я – за стеною, как бомба, разорвался тресками Помпул – пробивая в стене нам огромные дыры» [Белый 2011: 1122]; «Нянина голова мне появится; я *подумаю*, что мне страшно» [Белый 2011: 1123]; «И я *думаю*» [Белый 2011: 1124]; «Что-то такое я *думаю*: но кишит бестолковица» [Белый 2011: 1126]; «*Думал* я: – из лекционных тетрабочек «иксики» прорастают ростком: зеленеющим, лепечущим листиком – из набухающей» [Белый 2011: 1133]; «И я *думаю* – Окружной суд – окружность; окружность и шар суть гармонии; полуэллипсис – ваза ...» [Белый 2011: 1135]; «*Думаю*: дядя Ерш повынимает теперь свои диски (гармонии сферы)» [Там же]; «*Думаю* – будет пляска» [Там же]; «И я *думал*: хорошо ли стирают пыль под диваном» [Белый 2011: 1138]; «И *думал* я, что губастые рожи, арапы, уж там: учреждают «вертеп»» [Белый 2011: 1141]; «И вот *думаю*, что он, и свора извозчиков будут скоро низвергнуты – в никуда – за «Безбардисом»» [Белый 2011: 1142]; «*Думал* я: – «Вот оно наступило: преждевременное развитие» [Белый 2011: 1145]; «И любил я *подумать*; вот только – *подумать* нельзя: -Ни –ни – ни... Кувыркался я для себя: и еще больше... для мамочки» [Белый 2011: 1147]; «И я *думаю*: об Адаме, о рае, об Еве, о древе, о древней змее, о добре и о зле; и мне ясно уже: шерстяная змея моя – «Яккэ» [Белый 2011: 1148]; «И вот – *думаю*: бабушка это ...» [Белый 2011: 1163]; «И – *думаю*: – о дыхании, духовенстве, духовности, духовниках и о духах; духовник – это дух, у престола подъемлющий руки [Там же]; «Но, бывало, во мне все сожмется: становится точкою; не умею высказать ничего; все-то *думаю*: что бы такое *придумать*: – слова – кирпичи: что-

бы выразить, нужно упорно работать мне в поте лица над сложением тяжко каменных слов» [Белый 2011: 1171]; «Кадило ... моя голова, когда начинаю *раздумывать* я обо всем о духовном» [Белый 2011: 1167]; «Я внимательно *изучаю* дома» [Белый 2011: 1116]; «Нечего ее *изучать*: надо *вспомнить* – в себе» [Белый 2011: 1103]; «Я внимательно *изучаю* дома; и московская улица передо мной *возникает* стенами; и – орнаментной лепкою» [Белый 2011: 1122]; «*Мыслю* пульсом без слова; слова бьются в пульсы; и каждое слово я должен расплавить в текучесть движений; в жестикуляцию, в мимику» [Белый 2011: 1110]; «И я – *мыслю* без мысли» [Белый 2011: 1150]; «И поэтому я – с опасением *созерцаю*» [Белый 2011: 1139]; «Я *вникал* в те значенья: являлась не наша вселенная, где и был когда-то: как знать – до рождения?» [Белый 2011: 1155]; «...*воображаю* впоследствии я себя стоящим среди них; и мне видится жест мой» [Белый 2011: 1174]; «Начинаю *мечтать*» [Белый 2011: 1148].

Другие единицы располагаются на разном расстоянии от ядра, что обусловлено их семантической близостью к общему значению поля. Отсюда следует, что границы между ядром, центром и периферией условны, т. к. «резкого перехода от ядра к центру и от центра к периферии быть не может в силу специфики семантических связей между составляющими поле лексическими единицами» [Богомолов 2005: 83].

Средствами вербализации концепта «Мыслительная деятельность» выступают другие группы глаголов:

1. *Открываться*(10), *понимать*(7), *не понимать*(4), *выясняться* (1), *осознавать*(1) – с общим основным значением «познать, постигнуть, обнаружить, появиться»: «И *возникали* на накипях мне: – предметы и мысли» [Белый 2011: 1076]; «А каким-то туманом она *возникла* безмолвно» [Белый 2011: 1089]; «Тронься – начиналось, *слагалось* – более всего за спиной» [Белый 2011: 1078]; «Позднее *возникло* подобие» [Белый 2011: 1075]; «В месте тела же ощущался громадный провал: сознания в нашем смысле, где еще мысли не было, где еще *возникали* мне: первые кипения бреда» [Белый 2011:

1076]; «Лилии *возникали* мне; и лилии ли из меня вырастали, в меня ли врас-
тали – не знаю; казалось: я иногда в лепестках» [Белый 2011: 1170]; «В голо-
ве я *слагаю* храм мысли, его уплотняя» [Белый 2011: 1079]; «Тетя Дотя в то
именно время *слагалась*» [Белый 2011: 1089]; «Очень скоро *открылось* мне:
детская комната» [Белый 2011: 1079]; «И – *открылось* мне: – все, везде: ни-
чего!» [Белый 2011: 1136]; «В эту пору впервые мне и *открылись* закаты...»
[Белый 2011: 1152]; «Я однажды увидел, как старый настройщик снял чер-
ную крышку пьянино; *открылись* – миры молоточков» [Белый 2011: 1136];
«И *открылся* мне путь – идеальному миру Платона!» [Там же]; «*Понял* я до
конца: бреды – факты; и сны суть действительность» [Белый 2011: 1085]; «А
почему – *этого не могу я понять*» [Белый 2011: 1080]; «И *слагалась* она в ве-
личавой суровости и в спокойнейшей пустоте» [Белый 2011: 1089]; «И уже
значительно позже: видя черные рожи индейцев с продетыми в носу кольца-
ми, *понимал* я отчетливо: все они...» [Белый 2011: 1101]; «*Понимаю* я пере-
сыпь поколений – из эпохи в эпоху» [Белый 2011: 1115]; «Я впоследствии
понимал: заводился он среди очень громких предметов» [Белый 2011: 1117];
«Там – возжение блесков; там – блески над блесками; я – ничего *не пойму*»
[Белый 2011: 1133]; «*Не понимаю* и тут: смысл всего темен мне» [Белый
2011: 1139]; «Но *понимаю* я жесты движения горластого дымогара» [Белый
2011: 1139]; «*Ничего не пойму*» [Белый 2011: 1140]; «*Не пойму*: хорошо!»
[Там же]; «*Понимаю* одно я – «Тамара!» [Белый 2011: 1154]; «Я *понял*: вот
что – Клоун Клеся давно уговаривал Поликсену Борисовну дать свиданье
Огневу» [Белый 2011: 1159]; «Метафоры *понимаю* я точно: упал в обморок –
значит: упал...» [Белый 2011: 1096]; «И *возникнет* в закрытых глазах моих
центр; и исходят из центра мне трепеты молний» [Белый 2011: 1098]; «Све-
тослужение – начинается; – свои глазки закрою я; их потру кулочками; и *воз-
никнет* в закрытых глазах моих – желто-лиловый» [Белый 2011: 1109]; «Папа
там на мгновение *возникает*» [Белый 2011: 1110]; «И Валериан Валериано-
вич Блещенский *возникает* в глазах» [Белый 2011: 1112]; «*Осознавалось*:
Петровича уже нет, а есть ломти мяса, малиновеющего под точеным ножи-

ком Афросиньи» [Белый 2011: 1145]; «Яккэ», «Яккэ» – какое-то: шерстяное, змеевое; ничего *не пойму* – хорошо!..» [Белый 2011: 1148]; «Окончательно выясняется мне, что таимая комната – Церковь» [Белый 2011: 1099]; «Мне в младенческих ужасах *открывались* миры древних гадов» [Белый 2011: 1102]; «По вечерам мне Раиса Ивановна все читает – о королях, лебедях; ничего *не пойму*: хорошо!» [Белый 2011: 1106].

2. *Вспоминать* (23), *помнить* (10), *напоминать* (6), *не помнить* (6), *забыться* (4), *не запомнить* (1), *припоминать* (1), *проясниться* (2) – с общим лексическим значением глаголов «*помнить*», «*забыть*» (сохранять, удерживать в памяти, не забывать; не сохранять в памяти, забыть): «*Помню* комнатку: в ней предметов *не помню*; но – беспорядок во всем; все – раскидано, разворочено, взрыто, как... в душе моей – затрепетавшей, встревоженной, испугнутой» [Белый 2011: 1080]; «У доктора Дорионова, *помню* я, – были огромных размеров калоши, подбитые чем-то твердым: и, попадая в переднюю, производил ими грохот он» [Белый 2011: 1081]; «...это мама иль няня проводят меня из коридора... в мою детскую комнатку...; *вспоминаю* я это шествие; мне казалось оно бесконечным; *напоминало* оно: шествие по храмовым коридорам в сопровождении быкоголового мужчины с жезлом» [Белый 2011: 1084]; «Я отчетливо *помню*, что – линии блестящих лавочек, солнце и желтая суша – куда-то отъехали перед львом; лев растет; и – заслоняет мне все; ужасаюсь я: рухнули все преграды меж нами; все, что пряталось, появилось – под солнцем» [Белый 2011: 1085]; «Я впоследствии, четырех-пяти лет, проходил по кружку; и тогда *вспоминал* уже я, что мне снилось когда-то (когда – *я не помню*) – вот здесь встретил Льва я...» [Там же]; «Я любил рассказывать сны: пояснять свои миги сознания; и первые миги я *вспомнил* в то время; я любил погружаться в их темное, грозное лоно; научился я плавать в забытом; извлекать темнодонное: изучать его» [Там же]; «*Помню* я: уж весна; на носу экзамены; жарко; лаборатория опустела; темнеет; уж весенний вечер в окне; угасает жужжание электрической печи; бросаем реторты; в прожженных тужурках идем к подоконнику; на-

чинаются разговоры о снах» [Там же]; «Этого "Льва" *помню* я..." [Там же]»
 «Разумеется, *помню*...» [Белый 2011: 1086]; «*Вспомни* же: это я – старая страница...» [Белый 2011: 1087]; «*Помню*: – я выращивал комнаты; я налево, направо откладывал их от себя; в них откладывал я себя: средь времен; времена – повторения обойных узоров: миг за мигом – узор за узором; и вот линия их упиралась мне в угол» [Белый 2011: 1088]; «У доктора Дорионова, *помню* я, – были огромных размеров калоши» [Белый 2011: 1081]; «*Помню*: я выращивал комнаты» [Белый 2011: 1088]; «*Помню* я: самозвучные половицы скрипели» [Белый 2011: 1141]; «И я *забываю* про рыбок» [Там же]; «*Помню* раз: поднималась на кухне возня выбегала Дуняша из кухни поведавать нам с плачем, что Афросинья Петровича душил» [Белый 2011: 1145]; «Мое новое платье – жмет; и мне грустно; и я – *вспоминаю*: погибшего зайчика; *вспоминаю* и то, что нам у нас расставлены сундуки, что туда уложено очень многое; что-то нам приготовлено» [Белый 2011: 1173].

Дательный субъекта указывает на то, что процесс запоминания, хранения и воспроизведения информации носит произвольный характер и не зависит от волевых усилий Котика: «Смутно *помнится*» [Белый 2011: 1084]; «Правда, *помнятся*: тетя Дотя и бабушка» [Белый 2011: 1085]; «И тут *вспомнилось* мне, что поступил еще хуже» [Белый 2011: 1101].

3. *Знать* (43) – иметь сведения о ком-чем-нибудь; обладать какими-нибудь познаниями; иметь о ком-чем-нибудь понятие, представление: «*Знаю* я – скверновато: даже совсем скверновато» [Белый 2011: 1080]; «И я *знаю* объятия» [Белый 2011: 1085]; «Да я *знал* ее прежде: я ждал ее» [Белый 2011: 1084]; «И я *знал* очень твердо, что сегодня» [Белый 2011: 1102]; «Но *знаю* – прогнали мою молчаливую нянюшку» [Там же]; «Я внимательно изучаю дома: по косяковскому дому я *знаю*, что все это – тайны» [Белый 2011: 1116]; «Дифференциал, интеграл! – я их *знал*: до рождения!» [Белый 2011: 1113]; «*Знаю* я: – математику чистится сюртучок» [Белый 2011: 1114]; «Я *знал*, есть ландо (ландо видели мы на Арбате)» [Белый 2011: 1117]; «Я впоследствии *знал* его комнату» [Там же]; «Впрочем, я *знал* один город (о нем говорилось,

что мы туда едем); и этот город есть «Клин»» [Белый 2011: 1118]; «Подозрительно я встречаю гостей профессоров и директоров казенных гимназий, потому что я *знаю* про них: – все они – Украшения» [Белый 2011: 1119]; «Мрктич Аветович, *знаю*, – добряк; Мрктич Аветович – весельчак» [Белый 2011: 1129]; «*Знаю* я – завывают собаки под дачами» [Белый 2011: 1130]; «Разве я виноват, что я – *знаю*: – папа мой в переписке с Дарбу» [Белый 2011: 1132]; «*Знаю* я: – придет Притатаенко» [Там же]; «Пятилетний, я *знал* уже: – земля – шар; гром – скопление электричества; американец гуляет под нами; и кверху ногами» [Там же]; «За Арбатом кончается все (*знаю* я, что не так это, и все-таки верится)» [Белый 2011: 1142]; «В платьице одевали меня; да, я *знал*: если мне наденут штаны – все кончено: разовьюсь преждевременно» [Белый 2011: 1147]; «*Знаю* я, что – Раиса Ивановна плачет в кроватке» [Белый 2011: 1160]; «Где Раиса Ивановна? Затерялась, исчезла она; *знаю* я, что прошла – мимо стен, коридоров, передней» [Белый 2011: 1162]; «Я лезу под стол: да, я *знаю*, что *знаю*; и – никому не скажу: – как она жует ртом; и как смотрит она очень злыми глазами» [Белый 2011: 1]; «Я *знаю*, что бабушка ... это... это... старуха» [Белый 2011: 1163].

Первая глава с символичным названием «Бредовый лабиринт» есть миг, своеобразный «документ сознания», показывающий стихийный процесс его зарождения на рубеже третьего года персонажа. Обобщенный смысл названия главы раскрывается постепенно, семантика слова «лабиринт» расширяется и обогащается. Его первичное значение «запутанная сеть дорожек, ходов, сообщающихся друг с другом помещений» [Ожегов, Шведова 2010:317] заменяется вторичным, переносным значением – «сложный, запутанный поток мыслей, поток сознания» [Там же]. Здесь представлена уникальная зарисовка проблесков сознания Котика Летаева в условиях заболевания корью и scarlatinного жара, поэтому первостепенными являются его ощущения, т. е. первые миги, возникающие в большей степени в результате его лихорадочного состояния. Чувственную основу мыслительной деятельности составляют ощущения, восприятия и представления, на базе которых происходит ее

формирование. Ощущения Котика пронизывают повествование первой главы от начала и до конца, накладывая субъективное восприятие на все происходящее.

Вторая глава «Нянюшка Александра» – комната – иллюстрация постепенного становления ЯЛ Котика Летаева в условиях профессорской квартиры и ее обитателей. Формы и способы мыслительной деятельности трехлетнего персонажа претерпевают изменения, содержание мыслей углубляется, познавательные интересы активизируются. Объектами мысли персонажа становятся следующие предметы, события, персонажи: первая прогулка с няней в пределах профессорской квартиры, предметы интерьера, посещение Троице-Арбатской церкви, профессор Макеев, лейб-медик, живущий по соседству академик Христофор Христофорович Помпул, извозчики, дядя Ерш, герои рассказанных профессором Летаевым небылиц. Мыслительная деятельность Котика направлена на получение результата: он изучает предметы, сравнивает их, абстрагирует отдельные свойства с тем, чтобы выявить общее в них, раскрыть управляющие их развитием закономерности. Средства репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребенка. Возникновение различных образов наводит персонажа на размышления, отсюда закономерно появление номинаций, представляющих собой мыслительные действия Котика Летаева в виде глагольных языковых единиц, в которых выражаются его мысли относительно воображаемых картин: «Мне думалось: может быть, это он, перегибаясь по трубам, меня выхватил из дыры; и – пронес над огнем...» [Белый 2011: 1093]; «Мне всё думалось после: Фундаменталиков-Чемодаников – ай, ай, ай – поступил, т.е. позволил себе своевольно тяжелую поступь: нарочно гремел по паркету» [Белый 2011: 1101].

Дательный субъекта в указанных примерах (*мне думалось*) актуализирует мыслительную деятельность Котика Летаева как не связанный с волей субъекта произвольный процесс.

Третья глава «Блески над блесками» – улица и происшествие – охватывает период четырёхлетия Котика Летаева, в котором мысль персонажа по-

гружена в процесс обретения «я – самосознающего» как активного деятеля: «Четырехлетие перечертило жизнь надвое: я как бы пересыпался из эпохи в эпоху – понимаю я пересыпь поколений – из эпохи в эпоху» [Белый 2011: 1115]. Эпиграф, представляющий собой отрывок из стихотворения А. А. Фета, акцентирует наше внимание на отношении ЯЛ к мыслительной деятельности, являющейся для нее своеобразным прозреньем, приближающим его к забвенью Макрокосма.²³ Процесс становления мысли отдаляет Котика Летаева от Макрокосма, связь же позволяет сохранять открытый няней Раисой Ивановной мир сказок:

И этих грез в мировом дуновеньи
 Как дым несусь я и таю невольню,
 И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
 Легко мне жить и дышать мне не больно.

Обращают на себя внимание названия глав, которые теперь указывают не только на находящиеся рядом с Котиком Летаевым персонажей романа («Папа», «Валериан Валерианович Блещенский сгорает от пьянства», «Мамочка едет на бал»), но прежде всего на него самого и связанные с ним события («Котик Летаев», «День Котика Летаева», «Синий глаз – добрый глаз», «Четырехлетие», «Пассаж»). Особое место здесь занимают представляющие собой психический феномен два наименования – «Впечатление» и «Самосознание». Развитие самосознания Котика Летаева поразительно по своей скорости, ибо формирование способности оценивать себя (самооценки) в тексте романа приходится на четырехлетний возраст, традиционно же данная способность приобретается к семи годам. Под самосознанием мы понимаем осознание субъектом самого себя, т. е. состояний своего тела, фактов сознания, своего Я (внешнего вида, особенностей личности, системы ценностей, предпочтений и стремлений), целостную оценку самого себя как чувствующего и мыслящего существа, главным образом как деятеля [Философский энциклопедический словарь

²³ Е. А. Миронова

1083:153]. Здесь мы уже говорим о разнообразных мыслительных операциях, таких как: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, сравнение.

В третьей главе впервые представлен автопортрет Котика Летаева: «Я ходил – *тихий* мальчик, – обвисший кудрями: в пунсовеньком платице; *капризничал очень мало*; <...> слушал речи других <...> и, отвечая на *ласки*, я терся головкой о плечи; прогнанный, отходил в *уголок*, чтобы оттуда мне медленно *подбираться* к коленям: поспать на коленях. Или я *смирно* садился в креслице» [Белый 2011: 1103].

Лексемы *тихий*, *капризничал очень мало*, *ласки*, *уголок*, *подбираться*, *смирно* связаны с объективацией прагматического уровня ЯЛ персонажа – его тихим нравом, скромностью, потребностью в ласке со стороны родителей. В то же время лексемы *прогнанный*, *отходил* указывают на диаметрально противоположную коммуникативную установку ЯЛ – стратегию вынужденного отчуждения, – которая зарождается в этой главе и эволюционирует на протяжении всего повествования.²⁴

Четвертая глава «Ощупи космосов» – деревня и время года – представляет особый период в жизни персонажа: отъезд из Москвы в Касьяново позволяет расширить его картину мира, познать неведомое. Объектами мыслей Котика Летаева становятся пейзажи Касьянова, животные, птицы и насекомые, обитатели деревни, грусть по Москве, природные явления (гроза), кажущаяся загадочной, непонятной, а потому и опасной жизнь на лоне ранее неизвестной природы: «Миг, комната, происшествие, город – четыре ступеньки, мной пройденных; я взошел на них; и *расширился мир* мне деревней; и вместо стен мне открыты: *проглядные дали...*» [Белый 2011: 1124].

В персонажной речевой сфере вновь эксплицируется ведущая поведенческая стратегия Котика Летаева: «А над крышами в окна восходит огромная черная туча; тучею набегают – титан; *тихий мальчик*, я плачу <...> И я, *ти-*

²⁴ Подробно об этом будет сказано в § 3.5.

хий мальчик, увидев носимое – там, над нами, – бежал в темный угол; а папа бежал вслед за мною» [Белый 2011: 1126].

В четвертой главе обнаруживается еще одна особенность прагматикона Котика Летаева – стыд, воспринимаемый самим персонажем как нечто неловкое и нуждающееся в сокрытии от окружающих: «Мне от чего-то их *стыдно*; меня им не стыдно... И, *скрывая свой стыд*, я кричу: – Ах, какие вы все...» [Белый 2011: 1128].

В пятой главе «Ренессанс» – Россия и история, – охватывающей пятилетие персонажа, его интеллектуальная деятельность сосредоточена на важных событиях и их участниках: на встрече со студентом, посещающим кабинет профессора Летаева; на именинах отца Котика Летаева и многочисленных приглашенных интеллигентах, именуемых в тексте «украшением Российской Империи; проведенном празднике Рождества и подаренной кукле по имени Рупрехт; играх с няней Раисой Ивановной; университетских людях и их интересах; маминых рассказах о детстве и родственниках.

Реконструкция обозначенной концептом «Мыслительная деятельность» понятийной сферы дает возможность представить важную сторону ментальных процессов Котика Летаева – его понимание собственного интеллектуального развития, стремительного, воспринимаемого самим персонажем как нечто аномальное. В роли лексических репрезентантов концепта «Мыслительная деятельность» выступают неоднократно повторяемые персонажем лексемы *преждевременно, ненормально, ненормальный, развит, развилось, развиваемый, математик*: «<...> всё *развилось преждевременно: развилось – ненормально... – и ненормально я развит...* Пятилетний, я знал уже: – земля – шар; гром – скопление электричества; американец гуляет под нами; и кверху ногами...» [Белый 2011: 1132]; «Это кажется мне *ненормальным*: и – странный мир поднимается во мне – из меня <...> Кто тут «Я»? Я – не я: я – не Котик Летаев! – это-то вот и есть *преждевременно развиваемый математик*: второй математик...» [Белый 2011: 1133]; <...> папа водится – с очень странной компанией: *преждевременно развитой*; угрожает она разви-

вать и меня: и мне кажется: – «*преждевременное развитие*» уж со мною случилось» [Белый 2011: 1144].

Мыслительная деятельность персонажа проходит достаточно активно: Котик Летаев «умеет показывать в зоологическом атласе цепкохвостую обезьяну и двуутробку с ленивцем»; знает фамилии выдающихся ученых, с которыми состоит в переписке отец: Дарбу, Пуанкарэ, Вейерштрассе, Идеалов; слышит разговоры отца о диссертациях с коллегами из университета, узнает названия математических терминов и понятий (*дифференциал, интеграл, конгруэнты, иксики, игреки, зетики*).

Высказываемое матерью мнение о противоестественности развития мыслительной деятельности Котика Летаева наводит его на пессимистичные размышления о своем месте и роли в мире. Используемое в четвертой главе «Ощупи космосов» наименование «*тихий мальчик*» заменяется в пятой главе «Ренессанс» словосочетанием «*немой мальчик*». Персонаж в прямом смысле слова теряет возможность открыто говорить о своих мыслях, переживаниях, чувствах. Его мыслительная деятельность теперь вынужденно протекает незаметно для окружающих (в первую очередь, матери и разделяющих ее взгляды родственников), а содержание мыслей отмечено скептицизмом и связанными с «*преждевременным развитием*» опасениями. Эта позиция персонажа представлена во фрагментах его внутренней речи: «Под руладой сижу: *немой мальчик*; и – плачу; и пытаюсь все ручкой поймать мою свободу» [Белый 2011: 1136].

Нарочитое отстранение персонажа от окружающих, уничижительная самооценка являются коммуникативными стратегиями ЯЛ персонажа и имеют целью сохранить «свой тихий мир», угодить имеющим противоположные взгляды относительно его воспитания родителям. В этом смысле не случайно пятой главе предпослан эпиграф из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Ему и больно, и смешно, А мать грозит ему в окно» [Белый 2011: 1131]. Выбирая сознательное одиночество, Котик Летаев получает возможность тайно совершенствовать свой духовный мир, свои личностные качества, т. е. заниматься становлением собственной личности. Лексическими ре-

презентантами данной стратегии выступают следующие единицы: *одиночество, опасения, сиротливо, мое бытие, один, одиноко, жить*: «Я же тут, уличенный в провинности, начинаю дрожать; *одиночество* нападает. <...> *Опасения*, как бы я не стал «вторым математиком», – одолевают меня; мне ужасно. <...> *сиротливо мое бытие*: в беспредельности я – *один*. <...> *Одному* мне зажить: я – не папин, не мамин; а *жить* – *одиноко*...» [Белый 2011: 1144].

Шестая глава «Гностик» представляет собой мир, включающий в себя все вышеперечисленные пространственные уровни: *миг, комнату, улицу, происшествие, деревню, время года, Россию, историю*. Здесь персонаж восходит на высшую ступень «Мир», возвышаясь над ним, смотрит под другим углом зрения на каждую ступень своего становления. Объектами мысли Котика Летаева выступают следующие предметы и факты: знакомство с красивой девочкой Соней Дадарченко; конфликт между Серафимой Гавриловной и профессором Летаевым, именуемый персонажем лексемой «нелады»; домашнее чтение Библии отцом, наводящее Котика на размышления о смыслах Бытия; воспоминания о проведенных с любимой няней прекрасных днях; вынужденный уход няни и ее поиски на улицах Москвы; встреча с «блестящей личностью» Владимиром Соловьевым; поездка в Касьяново, где все уже знакомо, привычно, поэтому оставляет «бледные впечатления» о ней.

Персонажу свойственно неприятие открывшегося ему на пороге шестилетия мира, в котором «все – *трудно и сложно*». Вербализаторами данной прагматической установки ЯЛ персонажа являются лексемы *не в пору, теснят, жмут, без слов, странно, не нравится, грустно*: «Штанишки *не в пору*: *теснят* они, *жмут* меня; хожу я матросом – с огромным и розовым якорем, но ... *без слов*; и отвечая на ласки, я трусь головой о плечи; из-под бледно-каштановых локонов дозирую я мир: о, как *странно!* Нет, *не нравится* мир. <...> *Мое новое платье – жмет*; и мне *грустно*» [Белый 2011: 1171].

Содержание концепта «Мыслительная деятельность» обогащается понятийной категорией, связанной с религиозной сферой. Возникающий в финале романа навеянный чтением Библии образ распятия связан с пониманием

Котика Летаева себя как жертвы мира, в котором мыслящая личность не находит места. Персонаж видит себя точкой пересечения на линии отца и линии матери: «Взрослые говорят обо мне; теть Дотя и Серафима Гавриловна представляются мне очень злыми: они ненавидят огромное Слово, которое спустится в слово мое (я не знаю, когда это будет); распнут меня. <...> Старика окружают меня ласкою, вынуждая меня преждевременно развиваться» [Белый 2011: 1174].

Таким образом, проведенный анализ концепта «Мыслительная деятельность» позволяет нам выявить построение номинативного поля концепта, установить и описать систему языковых средств, объективирующих концепт (основным средством репрезентации служат глаголы интеллектуальной деятельности) и его характерные признаки в каждой главе романа, изображающей ступень становления личности персонажа. Средства репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребенка.

Данный концепт участвует в организации двух уровней ЯЛ персонажа – тезауруса и прагматикона, в связи с чем считаем целесообразным сделать выводы относительно экспликации прагматических установок, мотивов, определяющих мировоззрение и коммуникативные стратегии ЯЛ:

Котик Летаев – склонная к рефлексии ЯЛ, ведущая насыщенную внутреннюю жизнь, наделенная способностью *думать, понимать, помнить, знать* в разнообразных способах проявления этих процессов.

Котика Летаева отличает тихий нрав, скромность. Стремительное интеллектуальное развитие воспринимается им как нечто противоестественное и нуждающееся в сокрытии от окружающих. Это приводит к формированию уничижительной самооценки и как следствие – возникновению у персонажа чувства вины и стыда.

Особенностями коммуникативной стратегии персонажа являются:

вынужденное уединение, нежелание вступать в процесс коммуникации с целью сохранения способности тайно совершенствовать собственную личность, т. е. расти духовно;

социальное поведение ЯЛ определяется стремлением занять позицию созерцателя и наблюдать за происходящим в мире.

Таким образом, в рамках данного параграфа нашли свое подтверждение выдвинутые ранее ²⁵ предположения относительно своеобразия прагматического уровня организации ЯЛ Котик Летаев.

§ 3.3. Концепт «Пространство» и средства его репрезентации

Рассмотрение входящих в лексико-семантические группы «Пространство» и «Время» лексических единиц позволяет определить категории пространства и времени в качестве моделируемых компонентов индивидуальной картины мира ЯЛ персонажа романа. Данные лексико-семантические объединения служат основой для формирования одноименных концептов. В рамках данного параграфа обратимся к исследованию концепта «Пространство».

Средства репрезентации данного концепта отражают субъективные особенности восприятия этого феномена Котиком Летаевым и объективируют его индивидуальную картину мира. Пространственные отношения в данном произведении связаны с внутренним миром героя, его мироощущением. Пространство изменяется так же, как и жизнь Котика Летаева: по мере становления мысли расширяется пространство в романе.

В тексте А. Белого представлена лингвокогнитивная модель концепта «Пространство» с ядром и системой периферийных средств.

Цель данного параграфа состоит в выявлении и последующем анализе средств репрезентации концепта «Пространство» и его функционировании в романе А. Белого «Котик Летаев».

Считаем целесообразным обратиться к рассмотрению данного концепта, последовательно анализируя его структуру в каждой главе романа.

В первой главе «Бредовый лабиринт» обнаруживается ядро концепта «Пространство» – лексемы «лабиринт», «комнаты», «коридор» – с общим

²⁵ Речь идет о § 2.2.

значением – сложный, запутанный поток мыслей, поток сознания [Ожегов, Шведова 2010: 317]. Фантасмагория бреда, вызванная заболеванием, приводит героя в «лабиринт снов», в котором происходит «дикая погоня» за младенцем: *«Первое "ты – еси" схватывает меня безобразными бредами: и – какими-то стародавними, знакомыми искони: невыразимости, небывалости лежания сознания в теле, ощущение математически точное, что ты – и ты, и не ты, а... какое-то набухание в никуда и ничто, которое все равно не осилить»* [Белый 2011: 1075]. Так автор передает специфику жарового состояния героя.

Восприятие пространства Котиком Летаевым двойственно: с одной стороны, он находится в ином мифологическом мире – мире «праматери», с другой стороны, – в сущем мире – действительности. Первый мир обозначим как Макрокосм, второй мир – Микрокосм [Миронова 2010: 92]. Ребенок обнаруживает тесную взаимосвязь данных миров: *«Строилась – мысль-ковчег; по ней плыли сознания от ушедшего под ноги мира до... нового мира. Роковые потоки бушуют в нас (порог сознания – шаток): берегись, – они хлынут»* [Белый 2011: 1076].

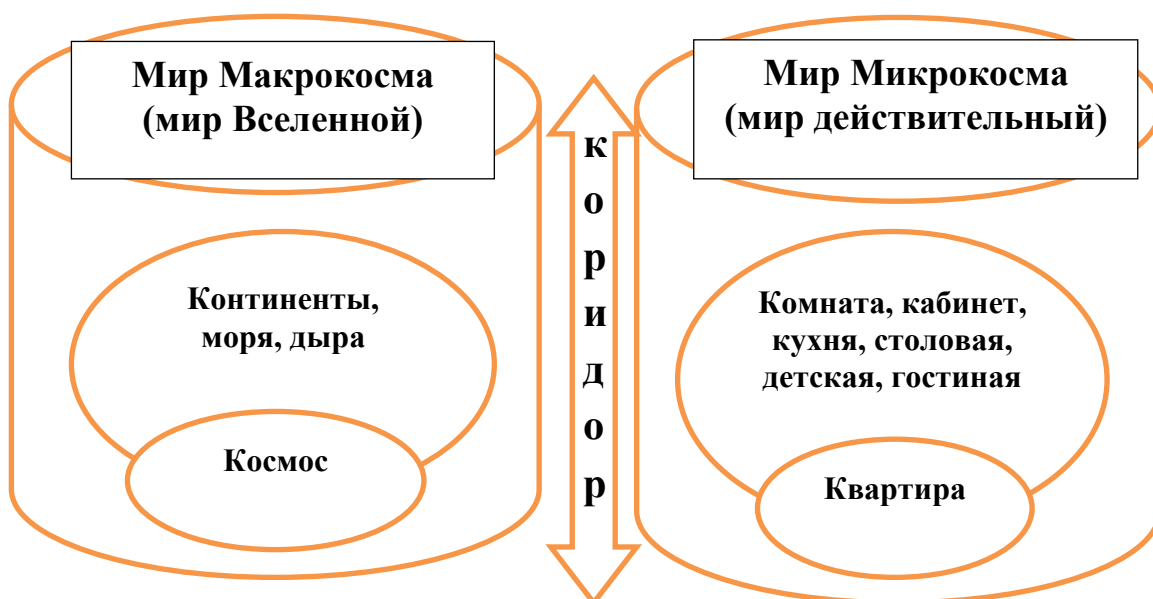
Первое представление о пространстве связано с образом бесконечного коридора: *«...таково нам пространство; мое первое представленье о нем, что оно – коридор...»* [Белый 2011: 1079]. Именно он служит своеобразным связующим звеном между двумя полярными мирами: *«Вот мой образ вхождения в жизнь: коридор, свод и мрак; за мной гонятся гады – этот образ родственен с образом странствия по храмовым коридорам в сопровождении быкоголового мужчины с жезлом...»* [Там же].

В первой главе представлено двухмерное пространство: мир Макрокосма (мир Вселенной) и мир Микрокосма (мир действительный). Основными средствами вербализации концепта «Пространство» здесь являются именные лексемы *«лабиринт», «комнаты», «коридор»*. В формировании Макромира участвуют отвлеченные лексемы, характеризующие фантастичный мир, недоступный для сознания и ощущения: *континенты, моря, космос, красный мир колесящих карбункулов, пропасть, неизмеримые глубины, да-*

ли, континенты, бездна мрака, тьма, рдяный мир, черная мировая дыра. Они насчитывают 27 словоупотреблений. Микромир создается автором при помощи конкретных имен существительных – *квартира, комнаты, детская комната, переходы, кухня, кабинет* – и субстантивированных прилагательных – *передняя, столовая, гостиная*. Они насчитывают 43 словоупотребления. Лексической доминантой здесь является конкретное существительное *комнаты*. Становление категории пространства в сознании персонажа происходит прерывисто в силу его жарового состояния. Автором постоянно подчеркивается текучесть этих противопоставленных друг другу пространств.

Котик Летаев пребывает одновременно в двух мирах, рубежом между которыми выступает *коридор*, а постоянное движение, их сменяемость напоминает *лабиринт*. Макромир – это мир, из которого якобы пришел персонаж, он отсылает нас к «мирам изначальной змеи», с которыми связано наличие значительного количества мифологических аллюзий в тексте. Жаровое состояние младенца позволяет ему сохранять тесную связь с этим миром. Действительный мир (мир квартиры) не оформился в полной мере для него, он пугает его обилием чуждых комнат и бесконечным коридором. Считаю целесообразным представить вышесказанное графически следующим образом:

Пространство в 1 главе

Во второй главе «Нянюшка Александра» пространство расширяется, становясь трехмерным. Теперь оно включает в себя «мир мистерии» (мир Макрокосма), мир действительный (мир Микрокосма), мир «иной вселенной» (мир за пределами квартиры). Базовыми средствами репрезентации концепта «Пространство» здесь выступают лексемы: «дыра» (мир Макрокосма), «квартира» (мир Микрокосма), «иная вселенная» (мир за пределами квартиры).

Основным местом действия является действительный мир, представленный профессорской квартирой. Пространство микромира формирует лексическая доминанта «квартира» и вспомогательные лексемы: *коридор, детская, комнаты, кабинет, столовая, гостиная, кухня, миры дальних комнат*. Они насчитывают 37 словоупотреблений.

В результате активной мыслительной деятельности Котика Летаева, происходящей скрыто от окружающих, его познавательные интересы усиливаются, происходит постепенное упорядочивание категории пространства.

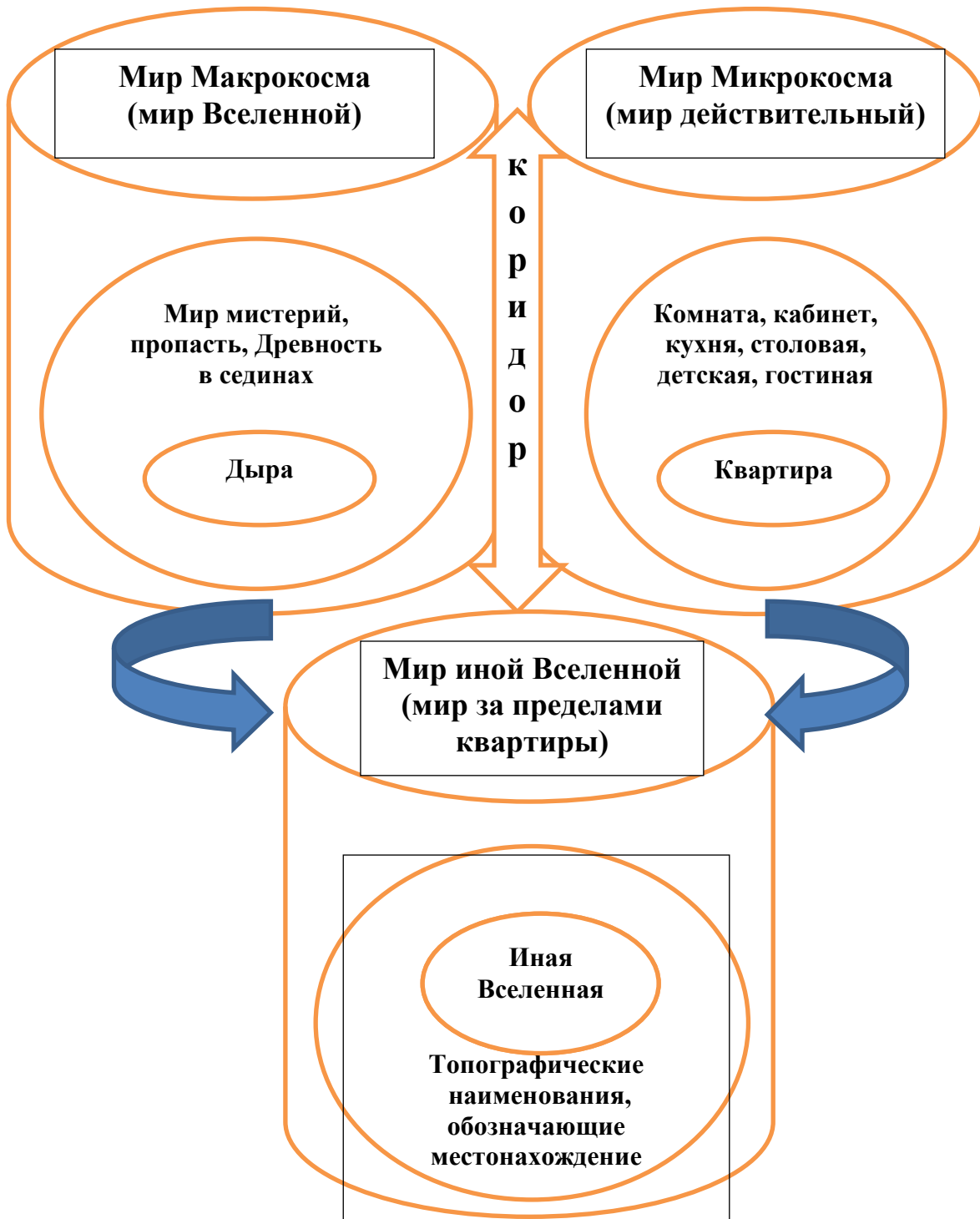
Вербализаторами концепта «Пространство» (мир Макрокосма) выступают лексические единицы: *дыра, небо, багряная завеса, мир мистерий, пропасти колесящих карбункулов, Древность в сединах*. Они насчитывают 15 словоупотреблений. Фантазируя, персонаж перемещается в загадочный мир Макрокосма.

Находящееся за пределами квартиры пространство воспринимается Котиком Летаевым как чуждое – «иная вселенная». Его открывают окружающие, в частности, нянюшка Александра во время совместных ежедневных прогулок по городу.

Репрезентанты концепта «Пространство» («иная вселенная») имеют топографические наименования – *Косяковский дом, Арбат, Троице-Арбатская церковь* – и обозначают местонахождение предметов, лиц – *Университет, Совет, Клуб, аптека, балаганный угол*. Они насчитывают 16 словоупотреблений.

Представленное во второй главе романа пространство изобразим графически:

Пространство во 2 главе

В третьей главе «Блески над блесками» четырехлетнему Котику Летаеву открыты три мира: мир Макрокосма (Вселенная), мир действительный (мир квартиры), внешний мир (мир города). Ядро концепта «Пространство» здесь составляют лексемы: «иной мир» (мир Макрокосма), «дом» (мир действительный), «улица» (внешний мир – мир города).

Связь с миром Макрокосма постепенно ослабевает, что обусловлено характером мыслительной деятельности Котика Летаева, которая носит антропоцентрический характер. Его путь от прозренья к забвенью подразумевает то, что, становление мысли в нем приводит к утрате связи с миром пра-матери. Постепенно дыра, т. е. проход в мир Вселенной, зарастает, и образуется «суша сознания»: «...на вновь образованной суше приподнялся я со дна океанов, где виделись гады; но суша сознания простиралась: моря отступали» [Белый 2011: 1116]. Открытый няней мир сказок переносит его в тот «иной мир».

Средствами вербализации концепта «Пространство» (мир Макрокосма) являются лексические единицы: *волны, моря, страна незабудок, золотые сады, многкрышие домики, небо, тьма, бесподобный космос, млечный путь, прежняя бездна* (20 словоупотреблений).

Находясь большую часть времени в локально ограниченном пространстве (квартире), персонаж изучает его. Вербализаторами концепта «Пространство» выступают именные лексемы: *дом, коридор, комнаты – ковши, уголок, гостиная, столовая – денница, столовая – утренница, кухня, кабинет* (16 словоупотреблений).

Котик Летаев активно осваивает новое пространство – мир города, т. е. мир за пределами квартиры. Основным средством языковой объективации концепта «Пространство» (мир города) является конкретное существительное «улица».

Пространственные репрезентанты имеют географические и топографические наименования, обозначают местонахождение предметов, лиц, место их перемещения в пространстве. Большая их часть представлена составными наименованиями с предложно-падежными словоформами в основе: *Поповский пассаж, Розовый дом Старикова, Кремль, кремлевские башенки, переулки, улицы, дома; в колониальном магазине Выгодчикова, с угла Арбата, на Пречистенский бульвар, на Смоленский бульвар, в церкви Тихона-на Тупичках, по косяковскому дому, в булочной Савостьянова, в Клубе, в Университет, в Совет, на бульвар, на бульваре, на улицах, с мостовой* (26 словоупотреблений).

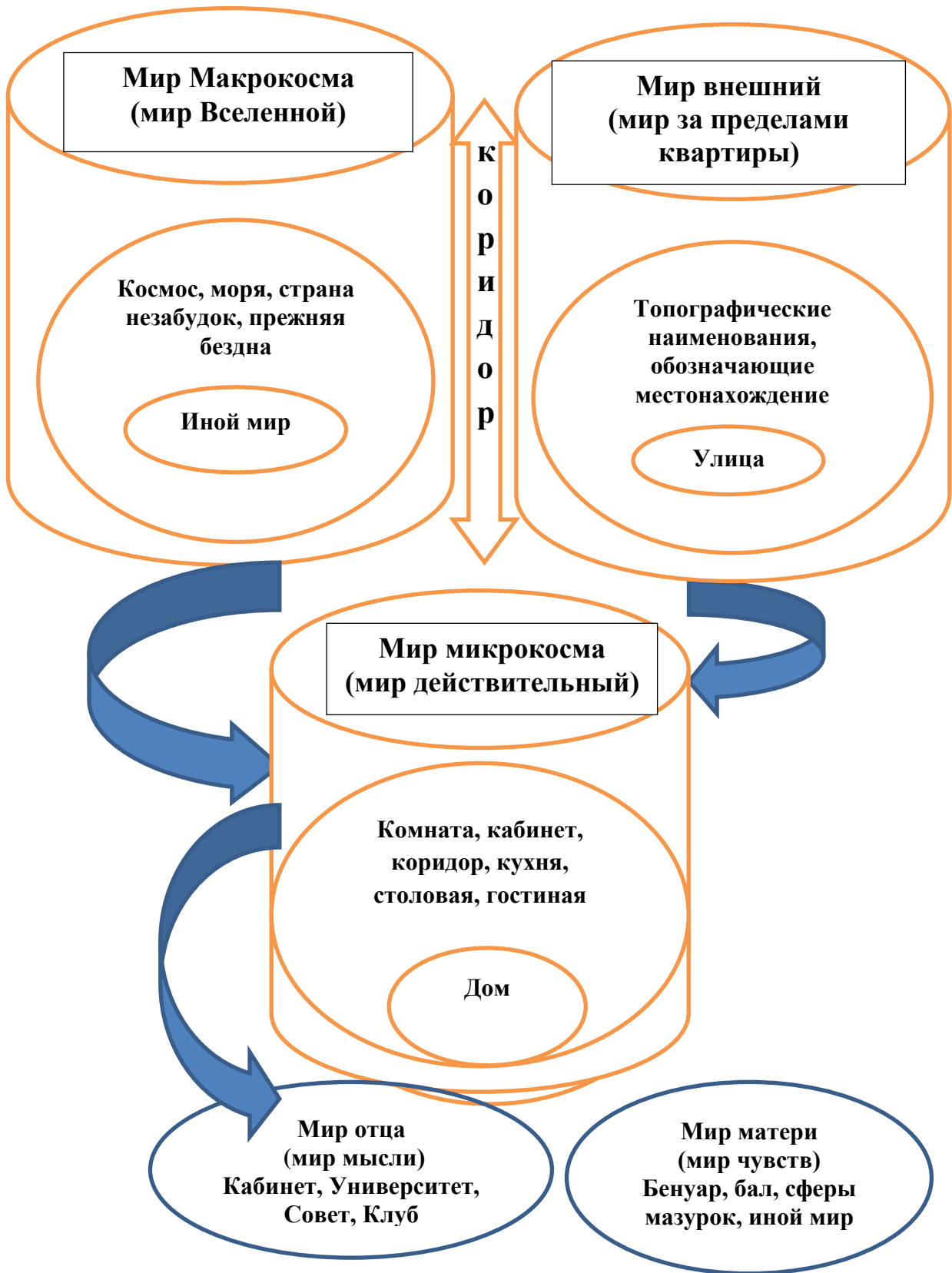
Произошло окончательное становление образов отца и матери, что привело к рождению в сознании персонажа двух совершенно противоположных миров – мира отца и мира матери. Мир отца тесно связан с внутренним миром (квартира Летаевых), мир матери – с внешним миром (роскошным городом).

Два новых мира, открывшихся Котику Летаеву, ему неведомы, поэтому он вновь именуется их «иным миром», т. е. миром чуждым, незнакомым.

Кабинет, Университет, Совет, Клуб – лексемы, формирующие пространство отца, – мир мысли (храм науки). Они насчитывают 6 словоупотреблений.

Бенуар, предводительский бал, блестящий бал, сферы мазурок, иной мир – лексические единицы, участвующие в создании пространства матери, – мир чувств (храм искусства, царство музыки) (6 словоупотреблений).

Считаем необходимым изобразить сказанное выше графически:

В четвертой главе «Ощупи космосов» пространство расширяется, теперь оно включает в себя четыре мира: мир Макрокосма (Вселенная), мир Микрокосма (мир квартиры), мир «Москва» (мир города), мир «Касьяново» (мир деревни). Ядро концепта «Пространство» составляют лексемы: «космос» (мир Макрокосма), «комнаты» (внутренний мир – мир квартиры), «Москва» (внешний мир – мир города), «Касьяново» (мир деревни).

Основным вербализатором концепта «Пространство» (мир Макрокосма) выступает конкретное существительное «космос» (6 словоупотреблений). Средствами репрезентации данного концепта являются также лексемы и предложно-падежные словоформы – *Вселенная, над раскаленной бездною, на старинную яму, в никуда, в бездну, из мировой пустоты, в красный мир колесящих карбункулов* (7 словоупотреблений). Такое соотношение лексических единиц указывает на то, что связь с миром Макрокосма почти утрачена, для персонажа «мир бесподобного космоса рухнул». Активная мыслительная деятельность и понятия, как ее результат, служат своеобразной защитой от «ужаса мира мистерий», отделяют его от этого пространства.

В начале данной главы представлена зарисовка мира города, названная героем как мир «Москва». Напомним, что ранее внешний мир был чужд Котику Летаеву, поэтому он его именовал «иной вселенной». Ежедневно прогуливаясь по городу, персонаж знакомится с миром зданий, улиц и переулков: *«Тротуары, асфальты, паркеты, брандмауэры, тупики – образуют огромную кучу; эта куча есть мир; и его называют «Москва»; на асфальтах, паркетах, брандмауэрах повисает «Москва» посредине пустого, огромного шара»* [Белый 2011: 1117]. Произошло окончательное становление городского пространства – мира «Москва». Вербализатором концепта «Пространство» (мир города) здесь является собственное имя существительное «Москва» (8 словоупотреблений). Пространственные репрезентанты представлены географическими и топографическими наименованиями, наземными – *Арбат, Моховая улица, Империя, Криво-Борисовский тупик, кусочек Арбата, дом Косякова, дом Серафимы Гавриловны, Пречистенская часть –*

обозначают местонахождение предметов, лиц, место их перемещения – *переулки, улицы, московская улица, тупик, угол, город, городские ночные чайные, казенные гимназии, кирпично-красный дом, тротуары, мостовая, соседняя квартира, чердак, дома, Университет, Совет, Клуб*. Лексемы представлены именными словосочетаниями и предложно-падежными словоформами (*на асфальтах, паркетах, брандмауэрах, на Арбате, на улице, по улице, из-за угла, за углами, к углу перекрестка, к углу дома, по Арбату, под тротуар, в Университет, в Совет, в Клуб*) (57 словоупотреблений).

Впервые в романе дан деревенский пейзаж. Котик Летаев отправляется вместе с семьей на дачу в Касьяново. Процесс познания нового мира – мира «Касьяново» – позволил расширить пространственные ориентиры в сознании персонажа. Теперь ему открыт новый мир, «проглядные дали». Средствами языковой объективации концепта «Пространство» (мир «Касьяново») являются следующие лексические единицы: *неизвестная мне комната, черно-родные жирные земли, проглядные дали, поля, куца листьев, мрачный парк, чащи, сочноствольный лесок, терраса, глубокая яма, лужок, колючие поросли, воды болота, грустный пруд, кусты, сено, гора, берега, недымная деревня, лавочка, холмик, дачи, жаровни, касьяновский парк* (50 словоупотреблений).

Просторы Касьянова противопоставлены состоящему из тесных комнат, т. е. локально ограниченному пространству профессорской квартиры. Огромный мир московских комнат рухнул. Доминантная лексема, формирующая его, – *квартира*. Вербализаторами концепта «Пространство» (внутренний мир – мир квартиры) выступают именные лексемы: *комнаты, гостиная, тесненький коридорчик, тесная детская*. Количество их словоупотреблений невелико – 8.

На наш взгляд, выход персонажа за пределы известного, привычного пространства (в данном случае – внешнего мира – мира «Москва» – и внутреннего мира – мира комнат квартиры), т. е. зоны комфорта – путь роста сознания, активизации его мыслительной деятельности: *«Миг, комната, происшествие, город – четыре ступеньки, мной пройденных; я взошел на них; и*

расширился мир мне деревней; и вместо стен мне открыты: проглядные дали...» [Белый 2011: 1122].

В пятой главе «Ренессанс» находит место эпоха Возрождения – рухнувший прежде древний мир (мир Макрокосма) вновь встает перед персонажем. В этом смысле символично название главы.

Здесь представлено трехмерное пространство: мир Макрокосма (Вселенная), мир действительный (квартира), внешний мир (город). Ядро концепта «Пространство» образуют лексемы «иной мир» (мир Макрокосма), «наша квартира» (мир действительный), «Москва» (внешний мир).

Знакомство Котика Летаева с миром «Касьяново» в четвертой главе романа изменило его взгляд на мир квартиры: он обнаруживает тесноту комнат, нахождение в пределах квартиры становится своеобразным испытанием для него.

В качестве средств вербализации концепта «Пространство» (мир квартиры) выступают преимущественно предложно-падежные словоформы: *в квартиру, на кухню, на кухне, в кухню, в кухне, чрез столовую, в коридор, в коридоре, в комнаты, в комнатах, в комнате, по комнатам, в спальне, в столовую, в гостиную* (27 словоупотреблений).

Ощущая дисгармонию нахождения в мире профессорской квартиры, Котик Летаев возвращается в забытый в ходе активной мыслительной деятельности мир Макрокосма, именуемый здесь как «иной мир». Мир музыки обеспечивает свободный проход туда. Ключевое словосочетание «иной мир» представляет собой ядро номинативного поля концепта «Пространство» (мир Макрокосма) и употребляется в пятой главе 4 раза. Репрезентатами концепта «Пространство» (мир Макрокосма) являются существительные *Вселенная, тьма*; именные словосочетания: *древний мир, страна жизни ритмов, бесподобный космос, трепещущий, блестящий мир* и другие единицы – *страны, где я был до рождения, страна танцев ритма, Древность, в седирах* (15 словоупотреблений).

Мир предновогодней Москвы, как и мир Макрокосма, позволяет Котику Летаеву уйти из тесного дисгармоничного мира комнат и абстрагироваться от привычной действительности.

Вербализаторами концепта «Пространство» (мир города) являются географические и топографические наименования, обозначающие местонахождение предметов, лиц, место их перемещения в пространстве. Они представлены именными лексемами (*Москва, Арбат, дом Старикова, «Безбардис», Окружной суд, Университет, кариакиды подъездов*) и большим количеством предложно-падежных словоформ: *над улицей, за крышами, на перекрестке Арбата, по Арбату, в кондитерской Флейша, в булочной Бартельса, на Арбате, за Арбатом, с Арбата, за Арбатской площадью, у Безбардиса, из-за Безбардиса, за Безбардисом, под тротуарами, с углов, переулков, на бульваре, при Университете, в Университете* (34 словоупотребления).

В шестой главе «Гностик» категория пространства представлена также, как и в четвертой главе. Перед героем мир Макрокосма, действительный мир (мир квартиры), мир города (Москва), мир деревни (Касьяново). Ключевые слова «Древность» (мир Макрокосма), «комнаты» (мир квартиры), «Москва» (мир города), «Касьяново» (мир деревни) представляют собой ядро номинативного поля концепта «Пространство».

Повторное посещение деревенских просторов порождает «бледные воспоминания» об увиденном когда-то, все знакомо Котику Летаеву и совсем его не пугает, как прежде. Вербализаторами концепта «Пространство» (мир Касьяново) являются предложно-падежные словоформы: *в Касьяново, о Касьяново, в изумрудные, кипящие кущи, к изумрудному пруду, с огромной террасы, по огромной аллее, в кустах, на Касьяновский парк, в старый парк* (10 словоупотреблений).

Персонаж знакомится с другим миром Москвы. Отсюда появление новых номинаций – *розовый дом на Кисловке, Никитская, Столешников переулок, Сивцев Вражек*. Изменение привычного маршрута связано с уходом няни Раисы Ивановны из семьи Летаевых.

Котик Летаев отчаянно пытается найти свою любимую няню, отправляясь на прогулку то с мамой, то с бабушкой. Перед ним снежным вихрем проносятся другие улицы, переулки, станции. Средства вербализации концепта «Пространство» (мир Москвы) – лексические единицы, служащие географическими и *топонимическими* наименованиями, а также обозначением мест нахождения лиц, их перемещения в пространстве. Они в большей степени представлены предложно-падежными словоформами: *Москву, под арку, в театр, в оперетку, в бенуар, в Гавриков переулок, с коричневый особняк, из Трубниковского переулка, в переулок, Арбат, на Арбат, за Арбат, в переулки и улицы, в город, в Пассаж, в этом розовом доме, на Кисловке, Никитская, Столешников переулок, на Пречистенский бульвар, Сивцевым Вражском, по бульвару, на железном мосту, на Брестской железной дороге, на станцию, из церкви, в церкви* (42 словоупотребления).

После прогулок персонаж возвращается в привычный мир комнат. Вербализатор концепта «Пространство» (мир квартиры) – существительное «комнаты», которое употребляется здесь 5 раз.

Средствами репрезентации концепта «Пространство» в шестой главе «Гностик» являются лексемы: *коридор, столовая, гостиная*.

Пределы квартиры давно изучены Котиком Летаевым, ничто его там не удивляет, следовательно, не представляет особого интереса. Связанные с уходом любимой няни мысли персонажа стремительно влекут его за пределы входной двери с целью дальнейшего поиска близкого человека.

Взрослея, приобретая опыт, он все больше отдаляется от мира мистерий. Не случайно, в шестой главе мир Макрокосма назван существительным *Древность*. Ключевые лексемы, являющиеся средством вербализации концепта «Пространство» (мир Макрокосма), – *Древность* и *космос* (6 словоупотреблений).

Таким образом, анализ концепта «Пространство» позволил выявить построение номинативного поля концепта, установить и описать систему языковых средств, номинирующих концепт и его характерные признаки, а также

наименования различных отдельных признаков концепта, свойственных ему в изображаемой ситуации. Средства репрезентации концепта «Пространство» отражают субъективные особенности восприятия этого феномена Котиком Летаевым и объективируют его индивидуальную картину мира. Пространственные отношения находятся в тесной связи с внутренним миром героя и его мироощущением. Последовательный анализ структуры данного концепта в каждой главе романа позволил прийти к выводу о том, что пространство изменяется так же, как и жизнь Котика Летаева: по мере становления мысли расширяется пространство в романе.

В первой главе представлено двухмерное пространство: мир Макрокосма (мир Вселенной) и мир Микрокосма (мир действительный). Котик Летаев пребывает одновременно в двух мирах, рубежом между которыми выступает *коридор*, а постоянное движение, их сменяемость напоминает *лабиринт*. Жаровое состояние младенца позволяет ему сохранять тесную связь с миром Макрокосма и в то же время не позволяет оформиться миру Микрокосма.

Во второй главе пространство расширяется, становясь трехмерным: «мир мистерии» (мир Макрокосма), мир действительный (мир Микрокосма), мир «иной вселенной» (мир за пределами квартиры). Нахождение персонажа в мире действительном, представленном профессорской квартирой, и его изучение приводят к упорядочиванию мира Микрокосма; фантазия позволяет держать связь с миром Макрокосма; выход за пределы квартиры – открывает новый мир, воспринимаемый здесь как чуждый.

В третьей главе «Котику Летаеву открыты три мира: мир Макрокосма (Вселенная), мир действительный (мир квартиры), внешний мир (мир города). Активизация мыслительной деятельности приводит к утрате связи персонажа с миром Макрокосма и в то же время освоению городского пространства. Окончательное становление образов отца и матери обусловило возникновение двух совершенно противоположных миров – мира отца (мира мыс-

ли) и мира матери (мира чувств). Мир отца тесно связан с внутренним миром (квартирой Летаевых), мир матери – с внешним миром (городом).

В четвертой главе пространство расширяется, становясь четырехмерным: мир Макрокосма (Вселенная), мир Микрокосма (мир квартиры), мир «Москва» (мир города), мир «Касьяново» (мир деревни). Связь персонажа с миром Макрокосма почти утрачена; городское пространство окончательно оформилось; посещение Касьянова привело к открытию деревенских просторов, противопоставленных локально ограниченному пространству, представленному миром Микрокосма.

В пятой главе дано трехмерное пространство: мир Макрокосма (Вселенная), мир действительный (квартира), внешний мир (город). Ощущение дисгармонии в мире Микрокосма возвращает рухнувший прежде древний мир (мир Макрокосма), а выход за пределы Микрокосма позволяет детально изучить внешний мир (город).

В шестой главе категория пространства представлена так же, как и в четвертой главе: мир Макрокосма, действительный мир (мир квартиры), мир города (Москва), мир деревни (Касьяново). Взрослея, приобретая опыт, персонаж все больше отдаляется от мира Макрокосма, теряя интерес к другим мирам в силу их изученности ранее.

§ 3.4. Концепт «Время» и средства его репрезентации

Исследование индивидуального лексикона ЯЛ Котик Летаев позволило определить особенности организации лексических средств объективации смысловых доминант индивидуально-семантических полей, выступающих языковыми эквивалентами полей концептуальных. Концептуально значимой среди высокочастотных имен существительных признана лексема *время*, служащая основой для формирования одноименного концепта.

Спецификой мировосприятия Котика Летаева является ощущение категории времени как неотъемлемой составляющей категории пространства:

«Пространственное восприятие онтологически предшествует его временному постижению» [Яковлева 1994: 4]. В романе обнаруживаются такие виды времени, как: *автобиографическое* (характеризует автобиографию персонажа), *историческое* (характеризует смену эпох), *космическое* (представляет Вечность), *календарное* (смена времен года), *суточное* (смена времени суток).

В тексте романа А. Белого представлена лингвокогнитивная модель концепта «Время» с центральным лексическим средством – словом *время* (ИЧ–17) и системой периферийных средств – темпоральных лексем, выраженных именами существительными и наречиями.

Цель данного параграфа заключается в обнаружении и последующем анализе лексических средств репрезентации концепта «Время» и их функционировании в романе А. Белого «Котик Летаев».

Динамичная характеристика времени передается соотношением лексемы *время* с глагольными формами: «под линией линия; и под днем – новый день; я копил времена; отлагал их пространством; здесь – в огромных обойных букетах – *время мчалось галопом*; а у той стены разрывался мне пульс его; я *пульсировал временем*; я пульсировал коридором, столовой, гостиной: коридорные, столовые *времена!*» [Белый 2011: 1088].

В качестве средств вербализации концепта «Время» нами были выделены следующие группы лексем с темпоральной семантикой:

Лексемы, обозначающие отдельные периоды жизни персонажа: *рождение* (10), *трехлетие* (2), *четырёхлетие* (2), *младенчество* (1), *детство* (1), *треченто* (1), *кватроченто* (1), *ренессанс* (1), *пятилетие* (1).

Лексемы, обозначающие неопределенные отрезки времени: *тысячелетия* (14), *древность* (9), *вечность* (7), *эпоха* (6), *период* (2).

Лексемы, обозначающие предельно краткий временной отрезок: *миг* (25), *мгновение* (4), *молниеносность* (1).

Лексемы, связанные с суточным циклом: *день* (25), *ночь* (22), *вечер* (21), *сумерки* (8), *утро* (8), *будни* (4).

Лексемы, служащие наименованиями времен года: зима (1), весна (1), лето (2), осень (2).

Считаем целесообразным обратиться к рассмотрению каждой из выделенных групп.

Лексемы *рождение, младенчество, детство, треченто, трехлетие, кватроченто, четырехлетие, ренессанс, пятилетие*, обозначающие отдельные периоды жизни персонажа, объединяются общим лексическим значением «*период детства, в течение которого что-нибудь происходит (начинается, развивается, заканчивается)*». Данные темпоральные единицы функционируют как оригинальные репрезентанты концепта «Время», т. к. они обладают индивидуализированным смыслом, определяющимся самим контекстом романа: лексемы объективируют периоды постепенного становления размышляющей, активно познающей действительность личности и выступают объектами рефлексии ЯЛ. Они представляют соотношение времени *исторического* (характеризует смену эпох) и времени *автобиографического* (характеризует автобиографию персонажа).

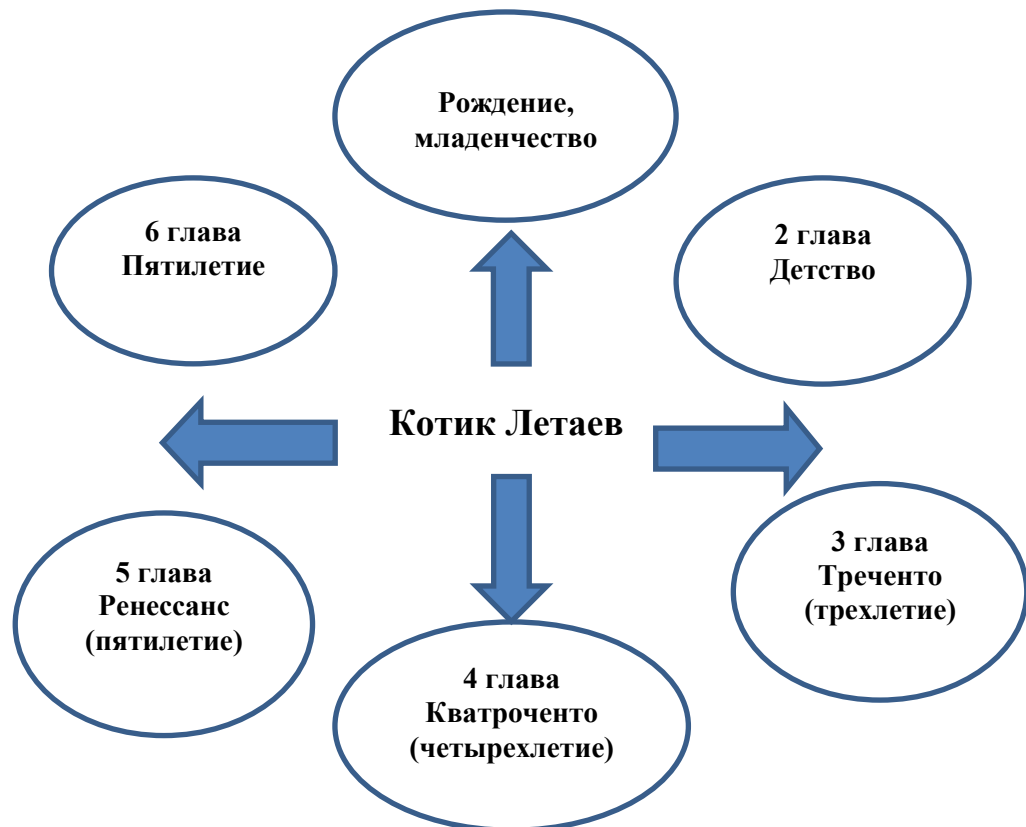
Первая глава романа представляет период рождения и младенчества Котика Летаева; вторая глава есть иллюстрация детства (двухлетие); третья глава есть время треченто (трехлетия); четвертая глава – зарисовка кватроченто (четырёхлетия); пятая глава именуется временем Ренессанса (пятилетие); шестая глава представляет собой пятилетие персонажа. Наименование периодов детства по аналогии с общепринятыми обозначениями итальянского искусства – эпохи Возрождения, пришедшей на смену эпохе Средневековья (*треченто, кватроченто, Ренессанс*), символично и обусловлено следующими причинами: во-первых, принципами гуманизма и антропоцентризма – показать становление ЯЛ персонажа; во-вторых, – попыткой обнаружить связь и единство времени автобиографического со временем историческим, характеризующим постепенную смену периодов жизни персонажа.

Котику Летаеву свойственно перцептуальное восприятие времени, т. е. сквозь призму собственной жизни: «*Я – художник действительности: в*

трехлетии я художник «треченто»: копирую строи; четырехлетие – «кватроченто»; и новые опыты жизни встают» [Белый 2011: 1131].

Вышесказанное графически можно представить следующим образом (шесть кругов есть шесть периодов жизни Котика Летаева):

Периоды жизни Котика Летаева

Группа лексем, обозначающих неопределенные отрезки времени, тесно связана с группой лексем, обозначающих отдельные периоды жизни персонажа. Темпоральные единицы *тысячелетия* (14), *древность* (9), *вечность* (7), *эпоха* (6), *период* (2) объединяются общим лексическим значением «*длительный период времени, выделяемый по каким-нибудь характерным явлениям, событиям*».

Эпоха в сознании Котика Летаева представляется определенным периодом его детства, который последовательно сменяет другой и несет персонажу что-то новое, нуждающееся в дальнейшем познании: «Повалихинский,

Помпул и Усов – еще мне не люди, а ошупи: космосов... Гуманизма; приоткрывают завесу" они; указуют они... на зарю; оттого-то они предстают мне впервые *в эпоху*, когда от меня отступают куда-то: мои стародавние бреды; и начинает блистать – *ренессанс...*» [Белый 2011: 1139].

Восприятие новой эпохи может быть наполнено и отрицательной коннотацией и связано с апокалиптическим представлением о будущем (*иная эпоха, будто ночь, мрачный бык*): «Четырехлетие перечертило жизнь надвое: я как бы пересыпался *из эпохи в эпоху* – понимаю я пересыпь поколений – *из эпохи в эпоху*: за сквозным людолетом времен проясняется явственно – ангел эпохи – *иная эпоха* мне светит: – *будто ночь, мрачный бык*, бодал стены столовой» [Белый 2011: 1115].

Лексемы *древность, период, тысячелетия* ассоциируются в сознании Котика Летаева с далеким прошлым и связаны с представлением о космическом времени, воссозданные в первой главе романа, представляющей омраченный болезнями период рождения и младенчества персонажа. Состояние жара и обморока приводило к возникновению мифологических аллюзий, погружало в мир Макрокосма: «...переходы, комнаты, коридоры, мне встающие в первых мигах сознания, переселяют меня в древнейшую *эру* жизни: в пещерный период; переживаю жизнь выдолбленных в горах чернотных пустот с бегущими в черноте и страхом объятами существами, огнями» [Белый 2011: 1081]; «...там, оттуда, – на миг показалась та самая *Древность в сединах*; и пышные руки свои развела: из Золотого Горба» [Белый 2011: 1099]; «Комнаты – части тела; они сброшены мною; и – висят надо мной, чтоб распастся мне после и стать: чернородом земли; *тысячелетия* строю я внутри тела; и бросаю из тела: мои странные здания» [Белый 2011: 1079]; «И – подкрадутся: *тысячелетия* древнего мира – в тихий час, за спиной; как хотелось бы мне обернуться - подсматривать: *тысячелетия* древнего мира; у меня за спиной – все, бывало, дрожит; и, как будто, грохочет: провал в иной мир; и миры меня найдут, – у меня за спиной; *тысячелетия* древнего мира подкрались; – повертываюсь: – вместо пролома в стене – этаже-

рочка (та же!) стоит себе; и на ней строй солдат: оловянные гренандеры мои серебрятся мне лицами... васильковые стены – за ними: – *тысячелетия* древнего мира гремят за стеной; все предметы смещаются; и – удивляюсь я, что я – "Я": все вывернуто наизнанку; и – я сместился с себя; все» [Белый 2011: 1131].

Мыслительная деятельность персонажа оказывает влияние на формирование временных ориентиров: по мере становления мысли персонаж отдаляется от космического времени, от мистических картин далекого прошлого; связь сохраняется на уровне музыки, сказок о королевне, игр, переносящих в тот период детства. Лексемы *стародавний*, *седины* реализуют ретроспективное восприятие времени: «После я присел в уголок: и смотрел на алмазную куколку, Рупрехта; <...> мне казалось, что на миг явилась та самая *Древность*, в *сединах*» [Белый 2011: 1141]; «А кто-то стоит и глядится из полосатых закатов, чтобы уйти в *стародавнюю*, *черную*, *зонную Древность*» [Белый 2011: 1166]; «Уже ширятся огромные очи ночи; и восстает она, ночь; и – страшное, роковое решение, – улыбался, – томной тайной приходит: – и мне кануть с ним: отблестать в серной *Древности*» [Там же]; «странствие по храмовым коридорам ведомого египтянина в сопровождении космоголового духа с жезлом – до таимой комнаты блеска, откуда показывается сама *Древность в сединах* и пышные руки разводит свои из Золотого Горба» [Белый 2011: 1165]; «"Мы" же – "мы"! – тысяче-светием в *тысячелетиях времени* мы неслись; появлялся Наставник и неся за нами: *стародавними* пурпурами; и ты, ты, ты, ты – нерожденная королева моя – была с нами; обнимал тебя я – в моих снах – до рождения» [Белый 2011: 1169].

Вечность предстает *бесконечностью*, так Котик Летаев ощущает себя частью времени – одной из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи: «Мне *Вечность* – *родственна*; иначе – переживания моей жизни приняли бы другую окраску» [Белый 2011: 1088].

Лексемы *миг* (25), *мгновение* (4), *молниеносность* (1), обозначающие предельно краткий временной отрезок, объединяются общим значением «*очень короткий промежуток времени*». Большинство единиц данной группы используется в первой главе «Бредовый лабиринт», представляющей рубеж третьего года Котика Летаева, трудный период детства, отсылающий ко времени болезни и жара, возникающим вследствие этого мифологическим аллюзиям. Персонажное восприятие мига раскрывает количественное числительное *первый* в значении «*первоначальный, самый ранний, действующий раньше всех других*», постоянно используемое в представленных текстовых фрагментах: «*Первый сознательный миг мой есть – точка; пронизает бессмыслицу он*» [Белый 2011: 1079]; «Ничто, что-то, и опять ничто; снова что-то; все – во мне, я – во всем... Таковы мои *первые миги*...» [Там же]; «<...> на обертке полезнейшей книжки "Вымершие чудовища"; называется он "динозавр"; говорят – они вымерли; еще я их встречал: в *первых мигах* сознания» [Белый 2011: 1080]; «переходы, комнаты, коридоры, мне встающие в *первых мигах* сознания, переселяют меня в древнейшую эру жизни: в пещерный период» [Белый 2011: 1081]; «После *первого мига* сознания предстают: коридоры и комнаты – все комнаты, комнаты, комнаты!» [Белый 2011: 1083]; «<...> мутные, мощные, мрачные, переменные *миги* мои мне рисуют события, со мною не бывшие *вовсе*» [Белый 2011: 1084]; «Я любил рассказывать сны: пояснять свои *миги* сознания; и *первые миги* я вспомнил в то время» [Белый 2011: 1085]; «<...> все – грозно; все – пусто; действительность – дыра в древнем мире; *миг* – и снова они: лабиринты из комнат» [Белый 2011: 1087].

Лексемы, обозначающие предельно краткий временной отрезок, ассоциируются в сознании персонажа с вереницей неприятных ощущений и бредовых состояний: *миг, мгновение* есть своеобразное совмещение различных временных пластов, в частности, времени жара и времени проблесков сознания. Время проблесков сознания представляется персонажу быстротечным, на лексическом уровне это подтверждается его антропоморфной характери-

стикой за счет использования глаголов движения *кидалось, утечет, улетел* и наречий *опрометью, прочь*: «Из сумятицы жизни, в толпе, среди делового собрания, сколько раз я повертывался назад, к *первому мигу* сознания; и – глаза мои расширились; изумление, смятение, страх овладевали мной» [Белый 2011: 1091]; «*Первые мои миги* – рой; и – "рой, рой, – все роится" – первая моя философия»; лежащее рядом и откровенно старушечье, – *опрометью кидалось прочь*; на мгновение становилось мне зримо: – будто таяла сама тьма огневыми прорезьями»; не все еще стало мне; многое установится на *мгновение*; и потом – *утечет*» [Белый 2011: 1081]; «*Мгновение* – я забылся: и с открытыми глазками протянул свои ручки навстречу: – изпод моргающих вен *улетел* космос света» [Белый 2011: 1110].

Лексемы *день* (25), *ночь* (22), *вечер* (21), *сумерки* (8), *утро* (8), *будни* (4), связанные с суточным циклом, объединяются общим лексическим значением – «*определенная часть суток*». Данные темпоральные единицы включают как объективное восприятие суточного времени, так и субъективное, т. е. свойственное конкретному персонажу.

Темпоральная лексема *утро* помимо базового номинативного значения «*часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день*» эксплицирует контекстуальные значения:

– *утро* является единицей физического времени, тесно связанного с жизнью отца Котика Летаева: «*Утром* встает с золоченого кресла мой папа» [Белый 2011: 1096]; «*Утро*: девять часов; а не то – половина десятого; само-сыпной искрой трещит самовар. Я – и папа. Он едет на лекции» [Белый 2011: 1092]; «А *утром*: – с папой мне легко и просто; перед уходом на «лекции» обнимаю меня» [Белый 2011: 1144].

– *утро* является единицей физического времени, тесно связанного с жизнью няни Раисы Ивановны: «*Детская. Девять*: не двигаюсь... *Десять!*» [Белый 2011: 1153]; «Довольно. Там, бывало, Раиса Ивановна заволнится сквозной рубашонкой; белеет босою ногою» [Белый 2011: 1154]; «*Девять часов; а не то - половина десятого*; и Раиса Ивановна в ясенькой красенькой

кофточке разливает чай (мама спит: она встанет к двенадцати)» [Белый 2011: 1104].

Ночь является для Котика Летаева не только частью суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром, но и временем космическим, обнаруживающим связь с ирреальным, что обуславливает появление оригинальных окказиональных метафорических номинаций: «*Черный бык – ночь – мычит на меня...*» [Белый 2011: 1123]; «*Чернорогая ночь забодает его*» [Белый 2011: 1147]; «*Уже ширятся огромные очи ночи; и восстает она, ночь*» [Белый 2011: 1152].

Ночь воспринимается как мрачное время суток, способное уничтожить человека. Лексема *людоедное* дает антропорфную характеристику времени: «... за каретой ряды огней: ряды убегающих дней – в рой теней; – *людоедное время* хоронится там, в туманных роях; *людоедное время* погонится на чернойрых конях...» [Белый 2011: 1112].

День предстает в тексте в качестве основной единицы физического времени, тесно связанного с размеренной жизнью Котика Летаева. Лексемы *светлоногий*, *кружевные* указывают на положительное, связанное с ожиданием чего-то доброго, светлого, восприятие дня: «*Светлоногий день* идет в ночь» [Белый 2011: 1147]; «*Кружевные дни* – на ночи: повторяют себя – на ночи» [Белый 2011: 1145]; «*Каждый день* мы идем: на Пречистенский бульвар погулять (на Смоленский бульвар мы не ходим: там дурно воспитаны дети)» [Белый 2011: 1162].

Лексема *день* употребляется также в узком контекстуальном значении «*календарное число месяца, Михайлов день, именины отца*», – время активной мыслительной деятельности персонажа, пытающегося узнать ближе окружение профессора, осмыслить происходящее и понять разговоры: «Помпул захаживал редко, являясь в *папины именины: в Михайлов день*, в ноябре. Я впоследствии вспоминал *этот день*: многоугольная вешалка наполнилась шубами: грохотала столовая, туго набитая профессорами и члена-

ми всевозможнейших обществ; поминутно звонили – входили: седые и молодые сюртучники» [Белый 2011: 1137].

Таким образом, контрастное восприятие персонажем *ночи* и *дня* создает оппозицию «*свет – тьма*».

Восприятие *вечера* Котиком Летаевым также неоднозначно:

– *пограничная часть суток, сменяющая день и переходящая в ночь (основное номинативное значение)*: «Огромные краснороги заогневели за крышами – под *вечер*» [Белый 2011: 1172]; «*Вечер*: мне – пора спать» [Белый 2011: 1104]; «*По вечерам*, над столом, под открытым окном: мы сидим; и – молчим» [Белый 2011: 1123]; «*В этот вечер* гуляли; блистали нам слякоти» [Белый 2011: 1124]; «*С вечера* громыхал Христофор Христофорович Помпул за нашей стеною» [Белый 2011: 1122]; «*Это было под вечер*» [Белый 2011: 1140]; «*К вечеру* собирались к нам гости» [Там же]; «*Уж весенний вечер* в окне» [Белый 2011: 1085].

– *время активной мыслительной деятельности персонажа, рефлексирующего по поводу происходящих событий*: «... *по вечерам* мне никто не читает – о милой моей королевне; о королевне я думаю; и лучики лампы расширились мне в белоснежные блески развернутых крылий» [Белый 2011: 1163]; «*Невыразимое чувство*: я его впоследствии узнавал, неоткрытым в своей остроте, но мне глухо звучащим под образами и событиями жизни – в произведениях искусства, в грохоте городов, между двух подъездных дверей; более всего – на ребре хеопсовой пирамиды, *в час тихий вечера*» [Белый 2011: 1166].

– *переносящее в сказочный мир время*: «*По вечерам* мне Раиса Ивановна все читает» [Белый 2011: 1106].

Будни осмысляются Котиком Летаевым как повседневная, обыденная жизнь, т. е. календарное время: «... а... кашка... откушана... мною; я кушал – *в будни*; откушал: и – *те же все будни*» [Белый 2011: 1095]; «сидим: никакого события нет; да и нет – ничего; *те же будни*; перемогается в лепете ка-

пелек время; Раиса Ивановна, милая, – с перемученным, мертвенно-бледным лицом, тут сидит» [Белый 2011: 1158].

Представление о *буднях* в сознании пятилетнего Котика Летаева претерпевает значительные изменения: уход няни Раисы Ивановны позволяет понять ценность проведенных с нею дней, которые сам персонаж именует *«алмазными праздниками»*. Теперь его будни темны, грустны, не наполнены содержанием, и их нельзя назвать праздничным временем: *«Вспоминаю утекшие дни: дни – не дни, а – алмазные праздники; дни теперь – только будни: – дни текли вереницами в тени, которые свесились с потолков, от углов, сопрягаясь в огромное многорожие, которое есть теперь: не таимая пустота; и она мне темна; и она мне грустна!»* [Белый 2011: 1162].

Лексемы *зима* (1), *весна* (1), *лето* (1), *осень* (2), служащие наименованиями сезонов, объединяются значением *«определенное время года»* и представляют календарное время в романе (идею цикличности времени), психологически воспринимаемое персонажем.

Лето ассоциируется у Котика Летаева со временем пребывания семьи на даче в Касьяново. В главах *«Ощупи космосов»* и *«Гностик»* представлено контрастное восприятие персонажем этого времени года: в главе *«Ощупи космосов»* он впервые видит летние пейзажи Касьянова, которые оставили яркие воспоминания о времени, где каждый день становится открытием²⁶: *«Все-то воздуха веяли; где-то близко за окнами: самозвучные кущи кипели: то липы; и – лето ходило по липам; и рушились космосы: липовых листьев; и чащи кипели листьями; и сочноствольный лесок кипел тоже...»* [Белый 2011: 1128].

В заключительной главе *«Гностик»* повторное посещение летнего Касьянова оставляет бледные воспоминания, т. к. все уже известно и изучено, следовательно, не представляет интереса для Котика Летаева и не может стать объектом его рефлексии: *«Воспоминание о Касьянове в это лето мне*

²⁶ Необходимо обратить внимание на неоднократное использование глагола кипеть, образующего метафору «жизнь кипела».

бледно; оно связано более всего с игрою в крокет офицера, с отплясыванием им лезгинки по вечерам, пред зажженным огнем» [Белый 2011: 1174].

Осень в представлении Котика Летаева есть время переезда из Касьянова в Москву, время, связанное с наступлением изменений в природе, в частности, желтым окрасом листьев,²⁷ дождей, и как следствие этого – сырости и холода. Природные метаморфозы оказывают влияние на состояние человека, поэтому *осень* ассоциируется у персонажа, прежде всего, со временем болезни: «Знал ли я: – что *под самую осень*, когда по дорожкам *закружит, шурша желтолистие* и красноглавый осинник зареет на небе стеклянном, когда – проступают холодные пятна под окнами каменной дачи и цокает красная белочка, – офицер с эполетами *прихворнет* – и уедет от нас, вдруг на что-то надувшись, *с болезнью седалищных нервов...* в свой Витебск; и мы переждем за ним: на Арбат» [Белый 2011: 1173]. «*Дни летели в дожди, в желтолистие*. Залетали синицы; красногрудая пташка, тиликая, перестала метаться за мошкой на стене белой дачи; трещали сороки; пироги с грибами пошли; у камина гляделись в огни – в смолянистые трески ветвей; *отсырели углы нашей дачи; пооткрывались болезни желудка; пооткрывались болезни седалищных нервов*» [Белый 2011: 1130].

Зима и *весна* представлены преимущественно с помощью слов, составляющих лексико-семантическое поле «Природа». Традиционными деталями пейзажа в зимнее время являются лексемы *снег, метелица, снегометы, снеготпись, серебреет, вьюны*.

Зима для Котика Летаева есть благоприятное время для мечтаний, надежд, размышлений: персонаж созерцает красоту прекрасного зимнего пейзажа за окном профессорской квартиры: «Видывал трубочиста я после: *в окошке...* Как он там, – на трубе, далеко-далеко, выдается изогнутым контуром; солнце блещет слепительно; *снег на крыше – глазастый алмазник; присвистнет метелица*» [Белый 2011: 1094]; «и – *взлетят снегометы: снегометы бело и неяро* летят переносными стаями; *легколистая снеготпись*

²⁷ С этим связано появление другого наименования осени - *желтолистие*.

серебреет на окнах» [Там же]; «*Рассыпаются снеговые вьюны; рассыпаются неосыпные свисты; пахнет трубами в воздухе; золотою ниточкой фонарей многоочитое время уже побежало по улицам: предвечерним дозором; все на небе расколото; кто-то блистает: Я каждое утро жду встречи. В окне – снегометы бело и неяро летят переносными стаями: легколистая снеготись серебреет на окнах»* [Белый 2011: 1131].

Весна наделена положительной оценкой персонажа и представляет собой не только время года, следующее за зимой и предшествующее лету, но время пробуждения природы и обновления, ожидания чего-то нового и светлого: «*Прослякотился и Арбат; уже он обсыхал; отколотили палками мебель; ножичком отскоблили замазку, вынули стаканчики с ядом и валики с ватой; вымыли нам окошко, и солнце заширилось блесколетней за стеклоглазым окошком; огромные краснороги заогневели за крышами – под вечер. Погрохатывало. Раз прошел дождичек: позеленели все крыши, а тугонучные почки открылись»* [Белый 2011: 1172].

Таким образом, анализ концепта «Время» в романе А. Белого «Котик Летаев» позволил выявить построение номинативного поля концепта, установить и описать систему его лексических репрезентантов, представленных темпоральными лексемами, дифференцированными по группам. Когнитивное содержание временных ориентиров в тексте шире словарной дефиниции, т. к. темпоральные единицы реализуют оригинальные образно-ассоциативные значения, формируемые самим контекстом.

Лексемы, обозначающие отдельные периоды жизни персонажа, обладают индивидуализированным смыслом и объективируют периоды постепенного становления активно познающей действительность личности, выступают объектами рефлексии ЯЛ. Перцептуальное восприятие времени персонажем представляет единство времени *исторического* и времени *автобиографического*, характеризует постепенную смену периодов его жизни.

Группа лексем, обозначающих неопределенные отрезки времени, тесно связана с группой вышеуказанных лексем. Временные ориентиры связаны с

мыслительной деятельностью Котика Летаева: ее активизация способствует отдалению персонажа от космического времени и от далекого прошлого; связь сохраняется на уровне музыки, сказок и игр. Будущее представляется эпохой, связанной с Апокалипсисом.

Лексемы, обозначающие предельно краткий временной отрезок, ассоциируются в сознании персонажа с вереницей неприятных ощущений и бредовых состояний. Восприятие времени персонажем ретроспективно: своеобразная отсылка к картинам прошлого, где представлено совмещение различных временных пластов – времени жара и времени проблесков сознания.

Темпоральные единицы, связанные с суточным циклом, содержат как объективное восприятие суточного времени, так и субъективное, т. е. свойственное конкретному персонажу. Контрастное восприятие персонажем *ночи и дня* формирует оппозицию «*свет – тьма*».

Лексемы, служащие наименованиями сезонов, представляют календарное время в романе (идею цикличности времени), которое порождает различные ассоциации: зима – благоприятное время для мечтаний, надежд, размышлений; весна – время пробуждения природы и обновления, ожидания чего-то нового и светлого; *лето* есть время пребывания на даче в Касьяново; *осень* – время переезда из Касьянова в Москву, время сырости и холода, время болезней.

Лексические вербализаторы концепта «Время» отражают субъективные особенности восприятия этого явления Котиком Летаевым и объективируют его индивидуальную картину мира. Семантическое наполнение темпоральных лексем отражает специфику представлений Котика Летаева о единстве времени *автобиографического, исторического, космического, календарного, суточного*, представляющего динамичную модель времени – «*Время – движение*», «*Время – становление*», «*Время – круговорот*». Мыслительная деятельность персонажа оказывает влияние на формирование временных ориентиров: по мере становления мысли персонаж отдалается от космического

времени, от мистических картин далекого прошлого и устремляет взгляд в будущее.

§ 3.5. Текстовый концепт «Котик Летаев» как вершина концептосферы языковой личности «Котик Летаев»

Роман А. Белого «Котик Летаев» представляет собой внутренний монолог главного персонажа, который изображает его как человека, ведущего интенсивную внутреннюю жизнь, наполненную интеллектуальной и эмоциональной рефлексией. Ранее нами было выдвинуто предположение о принадлежности Котика Летаева к типу монологических героев, что обусловлено особенностями функционирования и индексом частотности эгоцентрического местоимения *Я* в индивидуальном лексиконе персонажа.

«Персонажная лексическая тема представляет собой внутритекстовое объединение слов, функционально связанное с созданием индивидуального образа, или «модели человека»: с презентацией субъекта внутритекстовой действительности и актуализацией элементов информации о различных ипостасях этого субъекта» [Чурилина 2017:10]. Л. Н. Чурилина считает «правомерным рассматривать в качестве лексического эквивалента персонажной лексической темы специальный текстовый концепт «Персоналия», представляющий собой «воплощенную в тексте «модель ЯЛ» во всей совокупности ее характеристик» [Там же]. Своеобразие данного концепта определяется «его безусловной уникальностью»: «Сферой формирования и бытования концепта «Персоналия» является только текст; комбинация лексических средств, служащих его объективации (персонажная лексическая тема), не имеет аналогов в стандартном тезаурусе» [Там же].

Принимая во внимание вышесказанное, считаем целесообразным рассматривать лексическую тему «Котик Летаев» в роли аналога текстового концепта «Котик Летаев». На наш взгляд, рассмотрение данного концепта позволит более детально представить образ художественного персонажа и

особенности его внутреннего мира, отражающие иерархию ценностей, дать представление об индивидуальной картине мира и прагматиконе ЯЛ. Цель анализа текстового концепта «Котик Летаев» состоит в выявлении и описании языковых средств, направленных на создание образа художественного персонажа как ЯЛ.

По мнению Ю. Н. Караулова, «писатель не может создать полноценный речевой портрет, а значит, и художественный образ в целом, опираясь лишь на вербализованную часть лексикона своего персонажа, лишь на те слова, которые он вкладывает в уста своего героя» [Караулов 2010: 92]. Особенностью анализа текстового концепта «Котик Летаев» является выход за пределы индивидуального лексикона персонажа и обращение к текстовым фрагментам разной субъектной отнесенности: во-первых, к фрагментам, содержащим оценку со стороны других персонажей романа («третья» субъектно-речевая сфера «другого» – персонажа, выступающего в определенной текстовой ситуации в роли субъекта оценки анализируемой личности [Чурилина 2017: 17]); во-вторых, не обращенным к какому-либо адресату текстовым фрагментам (внутренняя речь персонажа), представляющим физический и духовный облик героя, его оценку, особенности речевого поведения, восприятие окружающей действительности. В ходе анализа указанного концепта необходимо рассмотреть понятийные сферы «*Физический портрет*», «*Интеллектуальные способности*», «*Эмоционально-психологический портрет*», «*Речевой портрет*».

Физический портрет

Средством языковой объективации данной сферы являются лексемы, представленные как во фрагментах речей других персонажей романа (в частности, матери персонажа), так и в речи самого Котика Летаева. Ключевыми лексическими единицами являются *маленький, громадная голова, кудри, локны, большелобый, летаевский лоб, выпуклость, раскосо поставленные глазки, платье*. Обратимся к текстовым фрагментам: «Мама проснулась – зовет нас: –меня берет на постель; треплет *кудри*; и я – перед ней кувырка-

юсь: – Котик, *маленький ...*» [Белый 2011: 1105]; «Мамочка, бывало, целует; вдруг заплачет она; и – откинет меня: – «Он *не в меня: он в отца...*». Начинается про меня разговор; и – разгорается *спор*: говорят *о летаевских – лбах, носах, подбородках, раскосо поставленных глазках*; мне *позор*: у меня – *летаевский лоб*; – все Летаевы светлонравные, благородные люди: – *позор*: у меня *раскосо поставлены глазки*» [Белый 2011: 1143–1144]; «Самое страшное начинается: мамочка, разгасяся, меня оттолкнет от себя; и со слезами в глазах обращается к бабушке: «*Большелобый ребенок ... Мало мне математики: вырастет мне на голову тут второй математик...*» [Там же]; «... из-под *бледно-каштановых локонов* дозирую я мир» [Белый 2011: 1171]; «...*поменьше бы лобик мне*; хорошо еще, что мне *локоны* закрывают глаза; их откинуть – все кончено, а *страшная, ненормальная выпуклость – лоб* – выдается упорно; и *лоб* – расширяется: – у меня *громадная голова*; она – шар [Белый 2011: 1144]; «И поднялся бы у нас разговор *о большом моем лбе*. Этот "*лоб*" закрывали мне: *локоны* мне мешали смотреть; и *мой лобик* был потный; в *платьице* одевали меня» [Белый 2011: 1147].

Принадлежащие матери Котика Летаева фрагменты отмечены отрицательной коннотацией; они представляют портрет персонажа наиболее эмоционально. Усматриваемое ею внешнее сходство сына с отцом (математиком Летаевым), заключающееся в наличии *большого выдающегося лба, раскосо поставленных глаз, носа и подбородка*, вызывает у нее чувство гнева, даже ярости (обращают на себя внимание лексемы, представляющие особенности ее поведения: *вдруг заплачет, разгорается спор, разгасяся, откинет, оттолкнет, со слезами, самое страшное начинается*). Возникновение подобных чувств и аффективного поведения матери связано с отсутствием черт сходства Котика Летаева с ней («*Он не в меня*») и страхом за будущее ребенка, который может повторить путь отца, став «*вторым математиком*».

Принадлежащие самому Котику Летаеву фрагменты чаще всего представляют собой пессимистичные размышления о своей внешности (неоднократное повторение слов *мне позор, ненормальная выпуклость*), которые по-

являются после вынесенной матерью оценки. Услышанное со стороны близкого человека мнение, сопровождаемое эмоциональной реакцией со стороны матери, формирует уничижительную самооценку персонажа. Наличие лексем *кудри, локоны, закрывающие большой лоб и мешающие смотреть, платице* свидетельствует о создании внешнего сходства Котика Летаева с девочкой, инициатором такого преобразования выступает желающая завуалировать черты отца в сыне мать.

Объективное представление портрета персонажа обнаруживается в сцене его пребывания в деревне, где Котик Летаев внимательно наблюдает за своим отражением: «Сребрится изливами пруд: а из него на меня смотрит *маленький мальчик; он – в платице, с кружевом; беспокойные кудри упали на плечики*» [Белый 2011: 1125].

Здесь вновь усматривается внешнее сходство персонажа с девочкой, но стоит отметить, что в представленном фрагменте отсутствует чувство страха и переживания относительно своего внешнего вида, что Котик Летаев всегда испытывает после услышанных слов матери.

«Интеллектуальные способности»

Необходимость рассмотрения понятийной сферы «Интеллектуальные способности» обусловлена тем обстоятельством, что мыслительная деятельность выступает важным звеном в характеристике ЯЛ «Котик Летаев». Обращает на себя внимание взаимодействие концептов «Мыслительная деятельность» и «Котик Летаев», принципиально значимых для понимания ЯЛ персонажа в связи с ее становлением.

Лексические репрезентанты данной сферы обнаруживаются в текстах других персонажей романа и во внутренней речи самого Котика Летаева. К ключевым словам относятся лексемы *второй математик, преждевременное развитие, преждевременно развитой, придумывал, скрыть, глупый, дурачок, талантливый мальчик*.

Исходящая от окружающих оценка интеллектуальных способностей персонажа весьма противоречива: для одних он отождествляется с образом

смышленного ребенка («он – развит», «талантливый мальчик»), менее знакомым кажется неразвитым, даже глупым («он – глуп», «глупый», «дурачок»):

«Про меня говорили одни:

– Вот *талантливый мальчик*...

– *Он – развит*...

Другие уже говорили:

– *Он – глуп*...

– *Дурачок*...

И слышу: – "*Да он не имеет суждений*..."

– *Глупый мальчик: не развит!*» [Белый 2011: 1171].

Уникальность оценки интеллектуальных способностей Котика Летаева, принадлежащей его матери, заключается в том, что интенсивное развитие, живой интерес к познавательной деятельности признается ею недопустимым, «*преждевременным*» и даже опасным для его эволюции как личности. Так, мать выступает противницей активной мыслительной деятельности сына и считает необходимым возложить процесс его воспитания исключительно на себя: «Самое страшное начинается: мамочка, разгасяся, меня оттолкнет от себя; и со слезами в глазах обращается к бабушке: «Тоже с Котом вот: *преждеременно развивает ребенка*²⁸; воспитание ребенка – это *дело мое*: знаю я, как воспитывать... Накупает все английских книжек – о воспитанье ребенка ... Ерунда одна ... Нет, подумайте: *пятилетнему* показывать буквы ...». Мамочка тут заплачет; и – скажет: "*Мой Кот: сюда!*"

Если бы я ее расспросил, что такое "оно", что встает в уголке, и что такое там "мыслится", – то она бы сказала: "Нет, *он – математик*" [Белый 2011: 1144].

Постоянно повторяющаяся в речи матери фраза «*преждевременное развитие*» прочно входит в сознание Котика Летаева и оказывает влияние на его мысли и в первую очередь на самооценку: «*Опасения, как бы я не стал*

²⁸ Здесь имеется в виду отец Котика (профессор Летаев), который занимается развитием интеллектуальных способностей сына.

"вторым математиком", – *одолевают меня; мне ужасно, что я – большелобый*» [Там же]; «...там живут – "математики": папа водится – с очень странной компанией: *преждевременно развитой; угрожает она развивать и меня: преждевременно*» [Там же]; «... *сиротливо мое бытие: в беспредельности я – один, окруженный печами, отдушиной, трубами, из которых за мною ползут: меня взять от мамочки*» [Там же]; «...да, я знал: если мне наденут штанишки – *все кончено: разовьюсь преждевременно*» [Белый 2011: 1147]; «А как мне развиться? *Мамочка запрещает развиться; развитие – страшно; быть – глупеньким мне. Я поплачу*» [Там же].

Преждевременное развитие персонажа обусловлено не только наследственностью, но и его окружением: он постоянно находится в среде взрослых, представителей интеллигенции, профессорской среды; дети на страницах романа появляются всего два раза. Котик Летаев слушает разговоры знакомых отца, пытается вникнуть в них. Таким образом, развитие высокоинтеллектуальной личности предопределено необычным для ребенка окружением.

Навязываемая матерью оценка интеллектуальной сферы персонажа заставляет его начать поиск той стратегии поведения, которая будет гарантированно безопасной для него и в то же время одобряемой со стороны матери. Персонаж надевает маску игривого послушного ребенка, напоминающего по своим действиям домашнюю болонку Альмочку; маску человека, не отягощенного какими-либо мыслями. Ключевыми лексемами языковой объективации избираемой персонажем стратегии поведения являются *кувыркаться, поползу, нюхать, лукаво, вилять, маленький хвостик, подумать нельзя*: «С папочкой говорить мне нельзя: а то мамочка скажет: – «Да он преждевременно развит...» Ну-ка – буду-ка я *кувыркаться!* И ну-ка: на мамочку *поползу*, как болонка, прямо к плюшевой туфельке – ее *нюхать*; и, приложив ручку к спинке, *лукаво виляю я маленьким хвостиком. Кувыряться* я очень любил: и любил я *подумать*; вот только – *подумать нельзя*: – "Ни-ни-ни...". *Кувыряться* я для себя: и еще больше... для мамочки» [Белый 2011: 1144].

Позже аналогичную привычную стратегию поведения Котик Летаев использует в ситуации общения с другими персонажами, что приводит их в недоумение (не случайно появление сравнения Котика с *обезьяной*, которой свойственно кривляние и подражание): «И я становлюсь на карачки: виляю им хвостиком, - к спинке приложенной ручкой. И слышу:

– Вот видите?

– Я говорю...

– *Обезьянка какая-то.*

Мне так больно! [Белый 2011: 1171].

Таким образом, неодобрительная оценка интеллектуального развития Котика Летаева, вынесенная его матерью и навязываемая ему против воли, приводит персонажа к возникновению уничижительной самооценки. Выход из трудной жизненной ситуации он видит в изменении стратегии собственного поведения: вынужденном ношении маски, удобной для окружающих и тем самым оказывающейся безопасной для него самого. В этом смысле вполне закономерна склонность персонажа к проявлению скрытности и расчетливости. Подтвердим сказанное фрагментами из текстов Котика Летаева: «Я – себе на уме» [Белый 2011: 1124]; «...и оттого-то я *скрыл свои взгляды...* до очень позднего возраста; оттого-то и *в гимназии я прослыл "дурачком"*; для домашних же был я *"Котенком"*, – *хорошеньким мальчиком...* в платице, становящимся на карачки: *повилять им всем хвостиком*» [Белый 2011: 1147].

Эмоционально-психологический портрет

Эмоционально-психологический портрет персонажа воссоздается в тексте подробно, в большей степени средства его вербализации представлены во внутренней речи самого Котика, в меньшей – в текстах других персонажей.

Под термином *внутренняя речь* мы вслед за А. И. Соколовым понимаем «речь про себя, или скрытую вербализацию, с помощью которой происходит логическая переработка чувственных данных, их осознание и понимание в определенной системе понятий и суждений, <...> важный и универсальный

механизм умственной деятельности и сознания человека» [Соколов 1968:3]. Кроме того, исследователь после проведенных экспериментов оговаривает тот факт, что «...обычная характеристика внутренней речи как «беззвучной» справедлива только с точки зрения стороннего наблюдателя; для самого же думающего внутренняя речь остается связанной со слуховыми речевыми раздражениями даже при максимальном торможении речедвижений» [Соколов 1968: 47].

Душевные переживания, чувства и ощущения Котика Летаева присутствуют в его внутреннем монологе от начала и до конца, оказывая влияние на все происходящее.

В рамках рассмотрения данной стороны ЯЛ персонажа неизбежно обращение к сфере «Самооценка», вербальным выражением которой становятся лексемы *нервный, виноват, грешить, грех, грешник*, содержащие преимущественно неодобрительную, отрицательную оценку: «Полиевкт Андреевич, из-за книги прояснись, ко мне наклонялся подчас с великаньим лицом с преогромною лысиной: – *"Нервный мальчик какой..."* [Белый 2011: 1155]; «*Разве я виноват, что умею показывать я цепкохвостую обезьяну в зоологическом атласе: и двуутробку с ленивцем?*»; «*Разве я виноват, что я слышу от папы: – «Дифференциал, интеграл?»*»; «*Разве я виноват, что я – знаю: – папа мой в переписке с Дарбу?*» [Белый 2011: 1132-1133].

Ведущей эмоцией данной сферы является тесно связанный с чувством вины страх, Котик Летаев оказывается в центре конфликтных отношений, складывающихся между матерью и отцом, которые представляют два противоположных мира: мир матери, т. е. мир чувств, мир отца – мир разума, храм научной мысли: «Я люблю очень папочку; а вот только: он – учит; *а грех мне учиться (это знаю от мамочки я)*... Как же так? *Кто же прав?..* С мамочкою мне легко: хохотать, кувыркатся; с папочкой мне легко: затвердить "Отче наш"; с мамочкою оба боимся мы: придут "математики"; с папочкою выручаем мы "молодых людей"²⁹ и прислугу. *Грешник я: грешу с*

²⁹ Так Котик Летаев называет посещающих кабинет отца студентов.

мамочкой против папочки; *грешу*, с папочкой против мамочки. Как *мне* быть: не грешить? *Одному мне зажить*: я – не папин, не мамин; а жить – *одиноко...*» [Белый 2011: 1144].

В приведенном текстовом фрагменте, изображающем внутренний диалог Котика Летаева с самим собой по поводу семейной конфликтной ситуации, он предстает как личность сомневающаяся, двойственная, мечущаяся между двумя дорогими его сердцу людьми. С вербальной точки зрения его сомнение подчеркивается использованием риторических вопросов: «*Как же так?*», «*Кто же прав?..*», «*Как мне быть: не грешить?*» [Там же].

Персонаж, во избежание страшных последствий этого конфликта, отказывается от принадлежности к чьему-либо миру и сознательно выбирает одиночество и непохожесть на кого-либо из своих родителей: «*Одному мне зажить*: я – не папин, не мамин; а жить - *одиноко...*» [Там же].

Чувство одиночества формирует у него пессимистичный взгляд на мир, непонятный, противоестественный (одиночество персонажа при постоянном нахождении рядом с близкими), тем самым отталкивающий от себя: «Нет, *не нравится мир*: в нем все – *трудно и сложно*. *Понять ничего тут нельзя*. *Плачу я под окном*» [Белый 2011: 1171].

Таким образом, в вербальном представлении «*Эмоционально-психологического портрета*» персонажа задействованы лексемы, связанные с репрезентацией отрицательных эмоций и состояний: *боль, бред, волнение, гнев, грустины, грусть, опасения, опасность, переживания, слезы, смятение, страх, тоска, ужас, утрата*; вербальными репрезентантами самооценки становятся лексические единицы с отрицательной коннотацией (*нервный, виноват, грешить, грех, грешник*). Ведущими эмоциями являются чувство страха и чувство вины; персонаж же предстает как личность восприимчивая, с тонкой душевной организацией, личность сомневающаяся и одинокая.

Речевой портрет

Мыслительная деятельность, о значимости которой неоднократно было сказано выше, неразрывно связана с речевыми механизмами: облакаясь в словесную форму, мысль Котика Летаева реализуется в речевом акте. Анализ

особенностей данной персонажной сферы направлен на подтверждение ранее высказанных нами предположений о своеобразии коммуникативного поведения персонажа.³⁰

Средства языковой объективации рассматриваемой понятийной сферы содержатся в текстах других персонажей романа и во внутренней речи самого Котика Летаева. К числу ключевых лексических репрезентантов относятся слова *немел, невнятица, говорить не умел, не умею высказать, без слов, молчит, слова – кирпичи, сложение тяжкокаменных слов*: «Штанишки не в пору: теснят они, жмут меня; хожу я матросом – с огромным и розовым якорем, *но... без слов*; и, отвечая на ласки, я трую голову о плечи; из-под бледно-каштановых локонов дозирую я мир: о, как странно!» [Белый 2011: 1144].

«Про меня говорили:

- *Все молчит...*
- *Не имеет суждений своих...*
- Ну, Котик, скажи что-нибудь...
- Отчего ты *молчишь?*» [Там же].

Содержание представляющих собой речь других персонажей текстовых фрагментов показывает их взгляды на Котика Летаева как на не вступающего в коммуникацию ребенка; причину этого они ошибочно усматривают в отсутствии суждений и недостаточном развитии интеллектуальных способностей персонажа («*Не имеет суждений своих*»).

Разгадка выбранной Котиком Летаевым стратегии коммуникативного поведения находится в текстовых фрагментах самого персонажа (в его внутренней речи) и заключается в сознательном нежелании вступать в коммуникацию, предпочтении созерцания и уединения этому процессу. Одним из средств языковой реализации данной стратегии является повтор словосочетания *тихий мальчик*: «И я – *тихий мальчик* – бегу» [Белый 2011: 1120]; «*..тихий мальчик, я – плачу: мне страшно*»; «*...а я, тихий мальчик, прислушиваюсь*»; «И я, *тихий мальчик*, сидел перед нею» [Белый 2011: 1151].

³⁰ Речь идет о предположениях, высказанных в рамках § 2.2.

Выбор типа персонажа обусловлен несколькими причинами, среди которых:

1. Сложные конфликтные отношения между родителями, суть которых скрывается в различии взглядов двух взрослых людей на воспитание ребенка. Котик Летаев находится в замешательстве и не знает, какие слова будут одобрены обеими сторонами конфликта. Поэтому молчание здесь представляется безопасным и удобным для самого персонажа: *«Мне не нравились разговоры: о воспитании ребенка; пересекались на мне тут две линии (линия папы и мамы): пересечение линий есть точка; математической точкою становился от этого я: я – немел; все – сжималось; и – уходило в невнятицу; говорить – не умел и придумывал, что бы такое сказать»* [Белый 2011: 1147].

2. Возрастные особенности: неспособность персонажа (ребенка) к вербальным манипуляциям: ему весьма трудно придумывать слова, применимые к разным коммуникативным ситуациям в отношении других людей: *«Но, бывало, во мне все сожмется: становится точкою; не умею высказать ничего; все-то думаю: что бы такое придумать: – слова – кирпичи: чтобы выразить, нужно упорно работать мне в поте лица над сложением тяжскокаменных слов; взрослые люди умеют проворно сложить свое слово»* [Белый 2011: 1171].

3. Появление возможности вести втайне от других лиц (в первую очередь, от матери) активную мыслительную деятельность, познавать окружающую действительность, результатом этого процесса являются думы, понятия, образы: *«... и мне кажется: – «преждевременное развитие» уж со мною случилось, когда-то; я откуда-то «развивался»; и «преждевременно» выгнался»* [Белый 2011: 1144].

Таким образом, в результате анализа особенностей речевого портрета были подтверждены ранее высказанные нами предположения о своеобразии коммуникативного поведения персонажа, в частности, о его замкнутости и сознательном нежелании вступать в процесс коммуникации, представляю-

щийся ему опасным; а также были выявлены причины, обусловившие выбор коммуникативной стратегии отчуждения.

На основании вышеизложенного подведем итоги параграфа.

В ходе анализа текстового концепта «Котик Летаев» мы обращались к текстовым фрагментам разной субъектной отнесенности: фрагментам других персонажей романа и фрагментам внутренней речи самого персонажа.

Рассмотрение понятийных сфер «*Физический портрет*», «*Интеллектуальные способности*», «*Эмоционально-психологический портрет*», «*Речевой портрет*» в совокупности позволило детально представить ЯЛ персонажа и сформировать представление о его мировоззрении. Считаем целесообразным представить схематически соотношение выявленных в ходе анализа понятийных сфер ЯЛ Котик Летаев следующим образом:

Понятийные сферы ЯЛ Котик Летаев

Лексические репрезентанты понятийной сферы «Физический портрет» являются отправной точкой в развитии семейного конфликта, жертвой которого стал Котик Летаев. Усматриваемое матерью внешнее сходство персонажа с отцом признается ею недопустимым, вредным и нуждающимся в сокрытии. Навязываемая матерью негативная оценка оказывает влияние на изменение внешнего облика ребенка (появление черт девочки) и на эмоционально-психическую сферу персонажа, в частности, формирование у него уничижительной самооценки.

Интеллектуальные способности Котика Летаева и его мыслительная деятельность, составляющие почву для дальнейшего развития обозначенного выше конфликта, представляют важную понятийную сферу для понимания ЯЛ персонажа и его индивидуальной картины мира. Котик Летаев характеризуется развитым интеллектом, что обусловлено генетическим фактором и его окружением, в котором преобладают представители интеллигенции. Отрицательное отношение матери к «преждевременному развитию» ребенка, вступившего на путь «второго математика», способствует дальнейшему формированию крайне низкой самооценки персонажа и изменению стратегии собственного поведения, заключающейся в ношении маски, способной защитить его от гнета матери. Здесь начинается эволюция концепта «Котика Летаев» в сторону обогащения дополнительным смыслом. Котик – имя маски, которую носит главный персонаж; данное наименование дано в связи с аналогией действий, сходных с поведением ручного домашнего животного, и связано с матерью персонажа. Летаев – унаследованная от отца фамилия, которая отсылает к научной мысли и процессу когниции.

Эмоционально-психологический портрет персонажа представляет его душевные переживания и чувства, пронизывающие его внутренний монолог на протяжении всего повествования. Котик Летаев предстает обладающей тонкой душевной организацией личностью, неуверенной в себе и одинокой.

Рассмотрение понятийной сферы «Речевой портрет» позволяет сделать вывод о коммуникативном поведении персонажа: его замкнутости и созна-

тельном нежелании вступать в процесс коммуникации. В рамках описания данной сферы были выявлены причины, обусловившие выбор персонажем коммуникативной стратегии отчуждения.

Выводы по третьей главе

1. В третьей главе диссертационного исследования, посвященной реконструкции тезауруса и прагматикона ЯЛ «Котик Летаев», представлен анализ концептуальной структуры художественного текста.

2. Текст романа А. Белого «Котик Летаев» представлен поликонцептуальной структурой, включающей концепты «Мыслительная деятельность», «Пространство», «Время», «Котик Летаев», которые служат средством репрезентации ЯЛ персонажа, построения его индивидуальной картины мира и дают представление о специфике коммуникативно-деятельностных потребностей личности.

3. Превалирование выявленного при анализе индивидуального лексикона Котика Летаева семантического поля «Человек» стало основанием для выбора на роль «вершины» тезауруса личности уникального текстового концепта «Котик Летаев», являющегося значимой составляющей концептуальной области семантического поля «Человек». Реконструкция данного концепта позволила обратиться к организации прагматикона ЯЛ «Котик Летаев».

4. Средства репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребенка. Мыслительная деятельность задействована в формировании пространственных ориентиров: по мере становления мысли расширяется пространство, пространственные отношения связаны с внутренним миром Котика Летаева, его мироощущением.

5. Когнитивное содержание временных ориентиров в тексте шире словарной дефиниции, т. к. темпоральные единицы реализуют оригинальные

образно-ассоциативные значения, формируемые самим контекстом. Лексические вербализаторы концепта «Время» отражают субъективные особенности восприятия этого явления Котиком Летаевым, семантическое наполнение темпоральных лексем отражает специфику представлений Котика Летаева о единстве времени *автобиографического, исторического, космического, календарного, суточного*, представляющего динамичную модель времени – «Время – движение», «Время – становление», «Время – круговорот». По мере становления мысли персонаж отдаляется от космического времени, от мистических картин далекого прошлого и устремляет взгляд в будущее.

6. В рамках третьей главы нашли свое подтверждение выдвинутые во второй главе диссертационного исследования предположения относительно своеобразия прагматического уровня организации ЯЛ Котик Летаев. В ходе анализа уникального текстового концепта «Котик Летаев» мы обращались к текстовым фрагментам разной субъектной отнесенности: фрагментам других персонажей романа и фрагментам внутренней речи самого персонажа. Рассмотрение понятийных сфер «Физический портрет», «Интеллектуальные способности», «Эмоционально-психический портрет», «Речевой портрет» в совокупности позволило детально представить образ художественного персонажа как ЯЛ и дать понятие о его мировоззрении:

- Котик Летаев – склонная к рефлексии ЯЛ, ведущая насыщенную внутреннюю жизнь, наделенная способностью *думать, понимать, помнить, знать* в разнообразных способах проявления этих процессов. Котик Летаев предстает обладающей тонкой душевной организацией личностью, не уверенной в себе и одинокой.

- Котика Летаева отличает тихий нрав, скромность. Стремительное интеллектуальное развитие воспринимается им как нечто противоестественное и нуждающееся в сокрытии от окружающих. Это приводит к формированию уничижительной самооценки и как следствие этого возникновению у персонажа чувства вины и стыда.

- Особенности коммуникативной стратегии персонажа являются:
вынужденное уединение, нежелание вступать в процесс коммуникации с целью сохранения способности тайно совершенствовать собственную личность, т. е. расти духовно;

социальное поведение ЯЛ определяется стремлением занять позицию созерцателя и наблюдать за происходящим в мире. Нами были выявлены причины, обусловившие выбор персонажем коммуникативной стратегии отчуждения:

сложные конфликтные отношения между родителями, суть которых скрывается в различии взглядов двух взрослых людей на воспитание ребенка;

возрастные особенности: неспособность персонажа (ребенка) к вербальным манипуляциям: ему весьма трудно придумывать слова, применимые к разным коммуникативным ситуациям в отношении других людей;

появление возможности вести втайне от других лиц (в первую очередь, от матери) активную мыслительную деятельность, познавать окружающую действительность, результатом этого процесса являются думы, понятия, образы.

Заключение

В представленной работе впервые было осуществлено изучение языковой личности центрального персонажа автобиографического романа А. Белого «Котик Летаев» с лингвокогнитивных позиций.

Мы изучили основные теоретические исследования, посвященные рассмотрению персонажа как языковой личности – наиболее актуального и наименее однозначно дефинируемого термина лингвистической персонологии.

Опираясь на многократно апробированную методику трехуровневого изучения языковой личности, предложенную Ю. Н. Карауловым, и методику анализа языковой личности художественного произведения, выдвинутую Л. Н. Чурилиной, а также результаты собственного исследования, мы убедились, что рассмотрение персонажа художественного произведения как модели языковой личности с лингвистических позиций является продуктивным в рамках лингвоперсонологии. Отдельный персонаж текста как автономная языковая личность может служить такой определенной моделью для лингвистического исследования самостоятельного субъекта речевого действия.

Реконструкция языковой личности персонажа с опорой на концепцию Ю. Н. Караулова определила алгоритм исследования языковой личности «Котик Летаев». На *первом этапе* в ходе аналитического чтения романа выбрана совокупность концептов как элементов картины мира персонажа; на *втором этапе* методом сплошной выборки произведен отбор текстовых фрагментов для анализа персонажной и неперсонажной субъективных речевых сфер; на *третьем этапе* воссоздан вербально-семантический уровень языковой личности; на *четвертом этапе* – сформированы и проанализированы тезаурус и прагматикон языковой личности «Котик Летаев»

Реконструкция индивидуального лексикона персонажа как единицы вербально-семантического уровня организации языковой личности была основана в большей степени на анализе лексической структуры персонажного дискурса. В целях комплексной реконструкции языковой личности «Котик Летаев» путем исследования его персонажной и неперсонажной субъективных

речевых сфер на основе трехуровневой модели языковой личности нами были выделены все текстовые фрагменты, составляющие содержание персонажного дискурса (в большей степени его внутренней речи), а также другие фрагменты (речь других персонажей и авторские комментарии о персонаже).

Нами были составлены три словника. На основе метода сплошной выборки однозначных слов из текстовых фрагментов, содержащих внутреннюю и внешнюю речь персонажа. Мы убедились, что индивидуальный лексикон персонажа представляет собой строго организованную лексическую систему. Последовательное рассмотрение единиц разного уровня данной системы легло в основу нашего исследования.

В диссертационном исследовании создана и проанализирована семантическая классификация единиц индивидуального лексикона персонажа. Описание «слов указующих» как элемента индивидуального лексикона позволило определить их роль в процессе познания персонажем окружающей действительности. Распределение слов-указателей на предмет по группам «уверенное знание», «неуверенное знание» и «незнание» позволило сделать вывод о высоком уровне уверенности Котика Летаева в предмете его речи. Анализ функционирования группы личных местоимений в дискурсе Котика Летаева выявил его особенности познания мира, который в представлении персонажа делится на три неравные части: «МИР Я», включающий только одного субъекта – самого персонажа, и связан с внутренней жизнью индивида, насыщенной рефлексией; «МИР МЫ», который подразделяется на четыре части, каждая из которых включает няню, маму, отца и домочадцев; «МИР ОНИ» – все остальные, посещающие нас (чужие).

Исследование лексико-грамматического класса «Имена существительные», выполненное с учетом семантических и частотных характеристик слов, позволило определить ряд наиболее объемных и частотных семантических объединений: «Человек / люди», «Мыслительная деятельность», «Время», «Пространство».

Анализ «слов именуемых» (имен существительных и глаголов) в виде иерархически организованных семантических подмножеств был направлен на обнаружение смысловых доминант индивидуального лексикона персонажа, выявление специфики содержания отдельных тезаурусных областей.

Анализ концептуальной структуры художественного текста показал, что роман А. Белого «Котик Летаев» представлен поликонцептуальной структурой, включающей концепты «Мыслительная деятельность», «Пространство», «Время», «Котик Летаев», которые служат средством репрезентации языковой личности персонажа, построения его индивидуальной картины мира и дают представление о специфике коммуникативно-деятельностных потребностей личности.

Средства репрезентации концепта «Мыслительная деятельность», участвующего в организации двух уровней ЯЛ персонажа – тезауруса и прагматикона, позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребенка, его прагматические установки, определяющие мировоззрение и коммуникативные стратегии ЯЛ. Пространственные отношения находятся в тесной связи с внутренним миром героя и его мироощущением. Последовательный анализ структуры концепта «Пространство» в каждой главе романа позволил прийти к выводу о том, что пространство изменяется так же, как и жизнь Котика Летаева: по мере становления мысли расширяется пространство в романе.

Лексические вербализаторы концепта «Время» отражают субъективные особенности восприятия этого явления Котиком Летаевым и объективируют его индивидуальную картину мира. Семантическое наполнение темпоральных лексем отражает специфику представлений Котика Летаева о единстве времени *автобиографического, исторического, космического, календарного, суточного*, представляющего динамичную модель времени – «*Время – движение*», «*Время – становление*», «*Время – круговорот*».

Превалирование выявленного при анализе индивидуального лексикона Котика Летаева семантического поля «Человек» стало основанием для выбо-

ра на роль «вершины» тезауруса личности уникального текстового концепта «Котик Летаев», являющегося значимой составляющей концептуальной области семантического поля «Человек». Реконструкция данного концепта позволила обратиться к организации прагматикона языковой личности «Котик Летаев».

В соответствии с тезаурусом и прагматиконом языковой личности «Котик Летаев» анализируемые единицы вербально-семантического уровня и доминантные концепты позволяют представить его как склонного к рефлексии персонажа, обладающего тонкой душевной организацией; личностью, не уверенной в себе и одинокой. Социальное поведение Котика Летаева определяется стремлением занять позицию созерцателя и наблюдать за происходящим в мире. Нами также были выявлены причины, обусловившие выбор персонажем коммуникативной стратегии отчуждения: сложные конфликтные отношения между родителями; возрастные особенности, в частности, неспособность персонажа (ребенка) к вербальным манипуляциям; возможность вести втайне от других лиц активную мыслительную деятельность.

Таким образом, данное диссертационное исследование представляется как часть проекта по изучению творчества А. Белого с лингвистических позиций, которое не теряет актуальности благодаря оригинальной манере художественного письма.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Протовербальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация / Н. Ф. Алефиренко // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 72-81.
2. Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации: сборник. – М.: Советский писатель, 1988. – 834 с.
3. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 218 с.
4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 508-534.
5. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136-137.
6. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
7. Архипов, И.К. О взаимодействии когнитивных и языковых структур / И. К. Архипов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. Вып. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – С. 48-59.
8. Архипов, И. К. Язык и языковая личность / И.К. Архипов. – СПб.: Книжный дом, 2008. – 248 с.
9. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 266-279.
10. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 330 с.

11. Базарова, Л.В. Различные подходы отечественных лингвистов к исследованию термина «концепт» / Л. В. Базарова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – №1. – С. 215-218.

12. Байбулатова, Е.Н. Лексическая структура текста и проблема языковой личности (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. Н. Байбулатова. – Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1998. – 18 с.

13. Барсукова, Е.В. Языковая личность как категория исторической культурологии (на материале «Архива князя Воронцова»): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Е. В. Барсукова. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2007. – 22 с.

14. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.

15. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 121-290.

16. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.

17. Белый, А. На рубеже двух столетий / А.Белый. – М.: Художественная литература, 1989. – 543 с.

18. Беспмятнова, Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Беспмятнова. – Воронеж: ВГУ, 1994. – 19 с.

19. Бобрикова, Е. «Средства связности текста в литературе "потoka сознания" (на материале романа Джеймса Джойса "Улисс")» / Е.Бобрикова. – URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/sredstva-svyazannosti-teksta.htm> (дата обращения: 12.11.2016).

20. Богин, Г.И. Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

21. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 01 / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 31 с.

22. Богомоллов, А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопоэтики (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»): дис. канд. филол. наук: 10. 02. 01 / А. Ю. Богомоллов. – Череповец, 2005.

23. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – №1 (42). –С. 5-12.

24. Болдырев, Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – С. 23-33.

25. Болдырева, Е. М. «Котик Летаев» А. Белого как модернистская версия традиционной автобиографии / Е.М. Болдырева // Русская классика: Между архаикой и модерном: сборник научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 156-159.

26. Бороденко, М.В. «Языковая» личность / М.В. Бороденко // Культурно-историческая психология развития. – М.: МГППУ, 2001. – С. 211-214.

27. Бородина, Н. А. Синтаксическая реализация концепта «мыслительная деятельность» в русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10. 02.01 / Н. А. Бородина. – Елец, 2010. 22 с.

28. Вафина, А. Х. Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе Андрея Белого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. Х. Вафина. – Казань, 2011. – 20 с.

29. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

30. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
31. Виноградов, В.В. Избранные труды: о языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
32. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 84-166.
33. Винокур, Т. Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция / Т.Г. Винокур // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 11-23.
34. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 61-72.
35. Воркачев, С. Г. Наполнение концептосферы / С.Г. Воркачев // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 8-93.
36. Воркачев, С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках / С.Г. Воркачев // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 16-25.
37. Ворожбитова, А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие / А.А. Ворожбитова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 367 с.
38. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – 352 с.
39. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А.Н. Гвоздев. – СПб, «Детство – Пресс», 2007. – 472 с.
40. Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1979. – 220 с.
41. Годунова, С. Ю. Педагогические условия развития языковой личности студента технического вуза: автореф.дис. ...канд. пед. наук: 13. 00. 08 / С. Ю. Годунова. –М., 2008. – 24 с.

42. Гронская, О.Н. Языковая картина мира и языковая личность сказки: пути реконструкции / О.Н. Гронская // Языковая картина мира. – Кемерово: Издательство: Кемеровский государственный университет, 1995. – С. 126-127.
43. Грузберг, Л. А. Антиномия / Л. А. Грузберг // Филолог: науч.-метод. культурно- просветительский журнал Перм. гос. пед. ун-та. – Выпуск № 2. – 2003.
44. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
45. Демьянков, В. З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. Вып. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – С. 36-45.
46. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научной языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – №1. – С. 35-47.
47. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606-622.
48. Долгополов, Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л.К. Долгополов. – Л.: Советский писатель, 1985. – 351 с.
49. Дубова, М.А. Стилевой феномен символистского романа в контексте культуры Серебряного века: проза В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Белого: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 01. 01 / М. А. Дубова. – М., 2005. – 45 с.

50. Еремеева, О.А. О понятии «языковая личность» / О.А. Еремеева // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков: ХИМЭСХ, 1991. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 434.

51. Ермачихина, В. А. К вопросу о способах создания пространственно-временной модели мира в повести А. Белого «Котик Летаев» / В. А. Ермачихина // Русский язык и литература: история и современность (вып. II): сб. научн. ст. по материалам докладов и сообщений конференции, посвященной 75-летию юбилею профессора Л. Ф. Копосова. – М.: МГОУ, 2015. – С. 288-293.

52. Ерошенко, А.Р. Концепт «Человек» в антропологической лингвистике: особенности интерпретации / А.Р. Ерошенко // Антропоцентрическая парадигма в филологии. – Ставрополь: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. – Ч. 2. – С. 18–20.

53. Залевская, А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1977. – 83 с.

54. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

55. Зелепуго, Д. В. Концепт «время» в художественной картине мира В. Распутина / Д. В. Зелепуго // *Lingua mobilis*. – №1 (27) Челябинск. 2011. – С.14-23.

56. Зусман, В. Г. Концепт в культурологическом аспекте / В.Г. Зусман // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – С. 38-53.

57. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №4 (12). – С. 24-32.

58. Казин, А.Л. Андрей Белый: начало русского модернизма / А.Л. Казин // Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2-х тт. – Т. 1; вступ. ст., сост. А. Л. Казин, коммент. А. Л. Казин, Н. В. Кудряшева. – М.: Искусство, 1994. – 478 с.

59. Карасик, В. И. Лингвоконцептология: учеб. пособие / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2014. – 104 с.

60. Карасик, В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт / В.И. Карасик // Филология и культура: материалы 3-й Междунар. науч. конф. – Часть 2. – Тамбов, 2001. – С. 98-101.

61. Карасик, В.И. Языковая личность: аспекты изучения / В.И. Карасик // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17-21 сентября 2003 г.: тез. докл. – М., 2003. – С. 362-363.

62. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2015. – 384 с.

63. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

64. Караулов, Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности / Ю.Н. Караулов // Литература. Язык. Культура. – М.: Наука, 1986. – С. 222-234.

65. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

66. Караулов, Ю.Н. Что же такое «языковая личность»? / Ю.Н. Караулов // Этническое и языковое самосознание: материалы конференции (Москва, 13-15 декабря 1995 г.). – М.: Мин-во РФ по делам национальностей и региональной политике. Ин-т народов России, 1995. – С. 63-65.

67. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УрСС, 2002. – 261 с.

68. Караулов, Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 671–672.

69. Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126-139.

70. Клобукова, Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики / Л.П. Клобукова // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 70-72.
71. Клюканов, И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования / И.Э. Клюканов // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Тверской государственный университет, 1990. – С. 69-73.
72. Кожевникова, Н. А. Андрей Белый как филолог и художник: (О факторах формирования идиостиля) / Н. А. Кожевникова // Формирование семантики и структуры худ. текста. – Куйбышев: КГПИ, 1984. – С. 163-176.
73. Кожевникова, Н.А. Язык Андрея Белого / Н.А. Кожевникова. – М.: Институт русского языка РАН, 1992. – 256 с.
74. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
75. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / З. И. Комарова. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 820 с.
76. Котюрова, М. П. Языковая личность / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта, Наука. – 2006. – С. 660-661.
77. Кочеткова, Т. В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) / Т. В. Кочеткова // Вопросы стилистики. – Вып. 26. Язык и человек. – Саратов, 1996. – С. 14-24.
78. Краев, В.Л. Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание / В.Л. Краев. – М.: Наука, 1991. – 350 с.
79. Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02.19 / В. В. Красных. – М., 1999. – 72 с.
80. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

81. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сборник научных статей. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144–238.

82. Лавров, А.В. Андрей Белый в 1900-е годы / А. В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. – 336 с.

83. Лавров, А.В. Андрей Белый: разыскания и этюды / А.В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 520 с.

84. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / под ред. Н.В. Мельник. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2009. – 384 с.

85. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.

86. Ли Сяошуай. Мыслительная деятельность через призму концепта *ВРЕМЯ* в романе Дж. Барнса «A HISTORY OF THE WORLD IN 10 ½ CHARTERS» / Сяошуай Ли // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – С. 192-198.

87. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Серия лит. и яз. – Т. 52. –1993. – № 1. – С. 3-9.

88. Лихачев, Д. С. Логический анализ языка. Культурные концепты / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1991. – 204 с.

89. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю.М.Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

90. Ляпон, М.В. Картина мира: языковое видение интроверта / М.В. Ляпон // Русский язык сегодня: сборник статей. – Вып. 1. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 199-207.

91. Ляпон, М.В. Языковая личность: поиск доминанты / М.В. Ляпон // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность.* – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 260-276.

92. Манаенко, Г. И. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований языка: монография / Г.И. Манаенко. – Ставрополь: СКФУ, 2016. – 207 с.

93. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТеатраСистемс, 2004. – 256 с.

94. Миронова, Е.А. Модель мира в автобиографической прозе А. Белого: культурологическая интерпретация: автореферат дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Е.А. Миронова. – М., 2010. – 26 с.

95. Миронова, Е.А. Структурные доминанты хронотопа в автобиографических романах Андрея Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец» / Е.А.Миронова // *Вестник МГУ.* – Сер. 9. Русская филология. – 2008. – № 4. – С. 195-200.

96. Муллинова, Т.А. Эмотивная лексика в художественном тексте: функционально семантический аспект (на материале романов А.Белого «Котик Летаев» и «Крещеный китаец»): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А.Муллинова.– Краснодар, 2004. – 19 с.

97. Мурзин, Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке / Д.Н. Мурзин // *Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики.* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 11-12.

98. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // *Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр.* Мос. Гос. Ун-та. – Вып. № 426. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С. 112-116.

99. Никандрова, И. А. Глагол как средство репрезентации языковой личности персонажа (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. А. Никандрова. – Коломна, 2010. – 27 с.

100. Нильсен, Е. А. Уровни концептуализации времени в сознании языковой личности / Е. А. Нильсен // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – С. 414-424.
101. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2017. – 344 с.
102. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
103. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
104. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Восток-Запад, 2007. – 408 с.
105. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 176 с.
106. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
107. Пузырев, А.В. Общество, язык, текст и языковая личность в аспекте субстратного подхода к языку / А.В. Пузырев // Общество, язык, личность. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 20-23.
108. Родина, Ю. Д. Синтаксический концепт «мыслительная деятельность» и его реализация в романе А. Белого «Котик Летаев» / Ю. Д. Родина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград. – №3. – 2018. – С. 86-90.
109. Родина, Ю. Д. «Слова указующие» и их функционирование в организации вербально-семантического уровня языковой личности персонажа художественного произведения (на материале романа А. Белого «Котик Летаев») / Ю.Д. Родина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград. – №.7 – 2019. – С. 147-153.

110. Родина, Ю. Д. Средства лексической репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» в повести А. Белого «Котик Летаев» (на материале 4-ой главы «Котик Летаев») / Ю. Д. Родина // Русский язык и литература: история и современность (вып. XVI): сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. – М.: МГОУ, 2017. – С. 258 – 266.

111. Родина? Ю. Д. Средства репрезентации концепта «Пространство» в романе А. Белого «Котик Летаев» / Ю. Д. Родина // ФИЛОЛОГОС. – №2. – 2018. – С. 52-59.

112. Родина, Ю. Д. Структурные схемы, репрезентирующие синтаксический концепт «Мыслительная деятельность» во второй главе («Нянюшка Александра») романа А. Белого «Котик Летаев» / Ю. Д. Родина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – №2. – 2018. – С. 463-479.

113. Родина, Ю. Д. Текстовый концепт «Котик Летаев» и средства его репрезентации в одноименном романе А. Белого / Ю. Д. Родина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – Воронеж. – №3. – 2019. – С. 138-143.

114. Розина, Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка: культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 52-56.

115. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2004. – 80 с.

116. Самарина, М. А. Воплощение религиозно-философских и эстетических исканий А. Белого в его романах начала века: «Серебряный голубь», «Петербург», «Котик Летаев»: автореф. дис. .. канд. филол. наук: 10.01.01 / М. А. Самарина. – М., 2000. – 26 с.

117. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

118. Семенов, А. Т. Функционирование онимической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа

Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Т. Семенов. – М., 1996. – 16 с.

119. Сентенберг, И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте / И.И. Сентенберг // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 14-25.

120. Сидорова, Т. А. Особенности концептуализации времени в произведениях Т. Толстой / Т.А. Сидорова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. В. З. Демьянков. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016.

121. Слышкин, Г. Г. Концепты прецедентных текстов: классификация по степени опосредованности восприятия / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 73-79.

122. Смирнова, А. А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на материале произведений М. А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Смирнова. – М., 2011. – 22 с.

123. Смит, Дж. Тематическая структура и тематическая сложность / Дж. Смит // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 9. Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980. – 431 с.

124. Соколов, А. Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов. – М.: Просвещение, 1967. – 248 с.

125. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

126. Степанов, Ю.С. Слово / Ю.С. Степанов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 288-306.

127. Степанов, Ю. С. Язык и метод к современной философии языка. Языки русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
128. Степанова, В.В. Лексическая структура текста (парадигматика и синтагматика) / В.В. Степанова // Проблемы лингвистической семантики: материалы межвузовской научной конференции (18-19 октября 1996 г.). – Череповец: Изд-во Череповец. гос. пед. ин-та, 1996. – С. 51-63.
129. Степанова, В.В. Собственные имена в коммуникативном аспекте / В. В. Степанова // Язык. Функции. Жизнь: сб. статей. – СПб.: Наука, 2002.
130. Степанова, В.В. Субъектная организация художественного текста и анализ его лексической структуры / В.В. Степанова // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – С. 328-332.
131. Стернин, И. А. Описание концепта в лингвоперсонологии / И.А. Стернин // Лингвоконцептология. – Вып. 1. / науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 8-20.
132. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – М.: АСТ – Восток-Запад, 2007. – 314 с.
133. Сулименко, Н. Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики / Н.Е. Сулименко. – СПб.: Образование, 1994. – 86 с.
134. Сусов, И. П. Личность как субъект языкового общения / И.П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 9-16.
135. Сухих, С. А. Репрезентативная сущность личность в коммуникативном аспекте реализаций / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та, 1997. – 72 с.
136. Сухих, С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С.А. Сухих. – Краснодар, 1998. – 30 с.

137. Сухих, С. А. Личность в коммуникативном процессе / С.А. Сухих. – Краснодар: Изд-во Юж. Ин-та менеджмента, 2004. – 155 с.
138. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
139. Трофимов, В.А. Поэтика автобиографической прозы Андрея Белого: структура символического образа и ритмика повествования («Котик Летаев», «Крещеный китаец», «Записки чудака»): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / В. А. Трофимов. – М., 2008. – 23 с.
140. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108-140.
141. Фесенко, Т.А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений / Т.А. Фесенко // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сборник науч. трудов. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т имени С. А. Есенина, 2000. – С. 141-144.
142. Фесенко, Т. А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.А. Фесенко. – М., 1999. – 51 с.
143. Хазагеров, Г. Персоносфера русской культуры / Г. Хазагеров // Новый мир. 2002. №1. – С. 133-145.
144. Черемисина, Н.В. Языковые картины мира и их семантическое взаимодействие в художественном тексте / Н.В. Черемисина // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной): материалы Международной научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2002. – С. 12-24.
145. Чернова, Л. А. Концептуальное содержание рассказа А. П. Чехова «На подводе» / Л.А. Чернова, М.А. Дубова // Когнитивная лингвистика: мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX-XX вв.: сб. статей. – Коломна: МГОСГИ, 2015. – С.4-18.

146. Чернухина, И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И.Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С.76
147. Чудинов, В.А. Проблема языкового субъекта / В. А. Чудинов. – URL: <http://chudinov.ru/problema-yazykovogo-subekta> (дата обращения: 12.11.2019).
148. Чуковский, К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72192&p=1> (дата обращения: 12.11.2017).
149. Чурилина, Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л. Н. Чурилина. – СПб., РГПУ, 2002. – 513 с.
150. Чурилина, Л. Н. Языковая личность в художественном тексте: монография / Л.Н. Чурилина. – М.: Флинта, 2017. – 239 с.
151. Чурилина, Л.Н. Концепт как элемент картины мира языковой личности и текста: пути реконструкции / Л.Н. Чурилина // Проблемы лингвистической семантики: межвузовский сборник научных работ. – Вып. II. – Череповец: ЧТУ, 2001. – С. 82-97.
152. Шалыгина, О.В. Время в художественных системах А.П.Чехова и А.Белого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.В.Шалыгина. – М., 1997. – 21 с.
153. Шаховский, В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты / В. И. Шаховский // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С.80-90.
154. Шведова, Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова. – М.: ИРЯ, 1995. – 122 с.
155. Шведова, Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.

156. Ширина, Е.В. К характеристике понятий «личность», «языковая личность» и «языковой портрет» / Е.В. Ширина // Речевая деятельность. Текст. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2002. – С. 274-280.

157. Шмелев, А. Д. Функциональная стилистика и моральные концепты / А. Д. Шмелев // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – С.217-230.

158. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 279 с.

159. Штырлина, Е. К. Репрезентация художественного концепта «время» в поэтическом языке И. Бродского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 01.01 / Е. К. Штырлина. – Казань, 2013. – 22 с.

160. Юнина, Т. В. Поэтика хронотопа автобиографической прозы Андрея Белого: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.В. Юнина. – Волгоград, 2009. – 20 с.

161. Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 848 с.

162. Языковая личность в современном мире: материалы 1-ой Международной научно-практической конференции. – Ч. 1. Секции 1-3. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 206 с.

163. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

164. Elsworth, J. D. *Andrey Bely: A Critical Study of the Novels* / J. D. Elsworth. – Cambridge, 1983. – 263 p

Словари и справочная литература

1. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского язык / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

2. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. [КСКТ] – С. 90-91.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 2002. – 685 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 176-177.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», – 2010. – 874 с.
6. Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь / редкол.: П. А. Николаев (гл. ред.) и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989 – Сер. Биограф. словарей: Русские писатели. 11 – 20 вв. Т. 1: А- Г. – 198. – 672 с.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998. – Т. 1.
8. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой (МАС). – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. – 2984 с.
9. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М., 1999. – 694 с.
10. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

Источники

1. Белый А. Полное собрание сочинений: в 2 тт. – М.: «АЛЬФА – КНИГА», 2011. – 1279 с.

**Состав индивидуального лексикона языковой личности
«Котик Летаев»**

№	Слово	Индекс частотности
1.	Абжур	3
2.	Адам	8
3.	Азаринов	2
4.	Академик	1
5.	аквариум	2
6.	аккорды	5
7.	аксолотль	1
8.	Аллея	1
9.	алмазиться	1
10.	Альмочка	4
11.	алый	2
12.	ангел	3
13.	аптека	1
14.	Арбат	28
15.	Арбатская площадь	1
16.	арка	1
17.	архитравы	1
18.	аршин	1
19.	Атлас	1
20.	асфальт	2
21.	Афросинья	19
22.	ах	4
23.	Бабашкин	2
24.	бабушка	51
25.	багрец	1
26.	багровый	8
27.	багрянеть	1
28.	багряный	1
29.	балаган	2
30.	бал	2
31.	бархатея	1
32.	бархатный	3
33.	басы	1
34.	батюшка	1
35.	башмачок	2
36.	башни	1
37.	бежать	6
38.	беда	1
39.	Безбардис	6
40.	Безбардо Беатриса Павловна	2
41.	безвещие	1

42.	безглазо	1
43.	бездна	6
44.	безобразие	7
45.	безобразники	3
46.	безобразный	2
47.	бело	1
48.	белоглазый	1
49.	белолобый	1
50.	белоносный	1
51.	белоструи	2
52.	белоцветы	1
53.	белочка	1
54.	белояры	1
55.	белый	3
56.	бенуар	2
57.	березовик	1
58.	бесконечность	3
59.	бессмыслица	3
60.	бесподобия	1
61.	бесподобный	4
62.	беспредельность	1
63.	бессонница	2
64.	бестолковица	1
65.	бесстенный	1
66.	бесстроица	1
67.	библиотека	1
68.	бирюзеть	1
69.	бирюзеющий	3
70.	блага	2
71.	благородные	1
72.	бледноглазый	1
73.	бледный	1
74.	блеск	27
75.	блесколетня	1
76.	Блещенский Валериан Валерианович	20
77.	Блещенская Поликсена Борисовна	23
78.	блюдце	1
79.	боа	9
80.	Богаделенки	1
81.	Боженька	2
82.	болеть	1
83.	болонка	1
84.	боль	2
85.	больно	1
86.	большелобый	1
87.	большой	3
88.	борода	5
89.	бородатый	1
90.	бороться	2

91.	бояться	10
92.	Брабаго	12
93.	брандмауэры	2
94.	бред	14
95.	Бробековы	3
96.	Бродить	3
97.	бросаться	2
98.	брюхоногая	1
99.	бубенчики	2
100.	бубны	2
101.	бубукать	1
102.	бульвар	4
103.	будни	4
104.	будоражиться	2
105.	будущее	2
106.	букварик	6
107.	булочка	1
108.	булочная	2
109.	бульвар	2
110.	буря	1
111.	Буслаев Федор Иванович	7
112.	буфет	1
113.	бывало	26
114.	Бывшее	1
115.	былой	1
116.	быль	1
117.	быстроглазый	2
118.	быстродушие	1
119.	бытие	3
120.	бытность	1
121.	быть	35
122.	ваза	3
123.	вальс	2
124.	Василисимов	3
125.	вглядываться	1
126.	вдруг	6
127.	ведомо	2
128.	вежливый	2
129.	езде	2
130.	веки	1
131.	великан	1
132.	верить	1
133.	вероятно	1
134.	Веселовский Алексей Николаевич	1
135.	весело	2
136.	весельчак	1
137.	весенний	1
138.	весна	1
139.	весь	1
140.	Ветвиковы	1

141.	ветер	6
142.	ветка	2
143.	ветриться	2
144.	ветроплясы	1
145.	вечер	21
146.	вечерний	2
147.	вечность	7
148.	вечный	2
149.	вещи	2
150.	взгляды	3
151.	взирать	2
152.	взреветь	1
153.	взрослые	2
154.	видения	1
155.	видеть	29
156.	видывать	7
157.	вилять	1
158.	виноват	5
159.	вникать	1
160.	вместе	1
161.	внимательно	1
162.	вновь	1
163.	вода	1
164.	возврат	1
165.	возглас	1
166.	воздух	2
167.	возжаривать	1
168.	возжение	3
169.	возникать	10
170.	возраст	1
171.	вокруг	3
172.	волна	1
173.	волнение	1
174.	волосики	1
175.	волчок	1
176.	воображать	1
177.	воображение	1
178.	вопрос	2
179.	воскликнуть	1
180.	воспитание	1
181.	воспитанники	1
182.	воспоминание	25
183.	воссесть	1
184.	востренький	1
185.	вот	49
186.	впервые	2
187.	впечатления	22
188.	впоследствии	31
189.	времена	9
190.	время	17

191.	все	38
192.	всё	70
193.	всегда	2
194.	Вселенная	11
195.	вскричать	2
196.	вскоре	1
197.	вспоминать	23
198.	встающий	1
199.	встретить	3
200.	встреча	1
201.	всякий	2
202.	второй	4
203.	вулкан	2
204.	Выгодчиков	1
205.	вылагаться	1
206.	выпуклость	1
207.	выражение	1
208.	выразить	1
209.	вырастать	1
210.	выясняться	1
211.	вьюга	1
212.	Гавриков переулок	1
213.	Гады	3
214.	галопеды	1
215.	гаммы	3
216.	гардины	2
217.	гармония	8
218.	гарь	2
219.	где	14
220.	Где-то	5
221.	гексаграмма	1
222.	Гераклит	1
223.	Гефест	1
224.	гибель	2
225.	гиероглифы	2
226.	гимназист	1
227.	гимназия	1
228.	гирлянда	1
229.	глаза	22
230.	глупенький	1
231.	глядеть	2
232.	гнев	2
233.	говорить	8
234.	голова	15
235.	головастый	5
236.	гололедица	1
237.	голос	2
238.	горизонт	2
239.	горлышко	1
240.	город	13

241.	городовой	3
242.	горчица	1
243.	гости	17
244.	гостиная	8
245.	Граф Капнист	1
246.	гребни	1
247.	греметь	1
248.	греческий	1
249.	грех	2
250.	грешник	1
251.	грешить	1
252.	Гринеv	2
253.	гроб	1
254.	грозный	1
255.	гром	7
256.	Громко	4
257.	Громады	3
258.	громкий	1
259.	громоносный	1
260.	громороги	1
261.	гроыхать	1
262.	грохотно	1
263.	грохоты	14
264.	грохород	1
265.	грудка	2
266.	грудогорбая	1
267.	грустины	1
268.	грустнетъ	1
269.	грустно	8
270.	грусть	2
271.	губы	1
272.	гулять	3
273.	гусар	1
274.	Гутхейль	2
275.	давно	2
276.	Дадарченко	4
277.	Дадарченко Елена Кирилловна	1
278.	Дадарченко Полиевкт Андреевич	5
279.	далекий	1
280.	даль	6
281.	дама	3
282.	данность	1
283.	данный	5
284.	Дарбу	1
285.	дары	3
286.	дача	4
287.	два	9
288.	дверь	8
289.	двулучие	4
290.	девочка	3

291.	девять	2
292.	дедушка	9
293.	действие	1
294.	действительность	15
295.	денница	1
296.	день	25
297.	деревенеть	1
298.	деревня	3
299.	дети	9
300.	детская	15
301.	детский	4
302.	детство	1
303.	дивиться	1
304.	дизентерия	1
305.	директоры	1
306.	дифференциал	2
307.	добро	9
308.	добряк	1
309.	довременной	1
310.	дождь	2
311.	доктор	3
312.	домашние	1
313.	дом	19
314.	Дом Старикова	2
315.	Дорионов	10
316.	дорожка	1
317.	дотелесный	3
318.	дохленький	1
319.	дощечка	1
320.	древне	1
321.	древний	19
322.	древность	9
323.	древо	12
324.	дремотно	1
325.	дрожать	3
326.	другой	3
327.	думать	40
328.	думы	3
329.	Дуняша	10
330.	дурандал	3
331.	дурачок	1
332.	дух	15
333.	духовник	5
334.	духовность	1
335.	душа	10
336.	душевный	1
337.	дым	3
338.	дымнокипящий	1
339.	дыры	6
340.	дыхание	2

341.	дяди	5
342.	Дядя Вася	11
343.	Дядя Ерш	4
344.	Ева	7
345.	Египет	1
346.	его	1
347.	её	1
348.	Ежешехинский	2
349.	елка	7
350.	енотовый	3
351.	еще	1
352.	жалко	1
353.	жарко	1
354.	жар	3
355.	желание	2
356.	желтеть	1
357.	желтолистные	3
358.	желтороды	1
359.	желтый	12
360.	жерди	1
361.	жердисто	1
362.	жерло	2
363.	жест	6
364.	живоглядно	1
365.	живородный	1
366.	живот	1
367.	жизнь	49
368.	ждать	6
369.	жучок	1
370.	жутко	1
371.	забор	1
372.	забредить	1
373.	забыться	4
374.	завет	1
375.	зайчик	3
376.	закружить	1
377.	заогневеть	1
378.	закат	9
379.	законечное	5
380.	закон	1
381.	зареть	1
382.	заря	3
383.	занепапиться	1
384.	заогневеть	1
385.	Записи	3
386.	запомнить	2
387.	заросли	1
388.	засыпая	1
389.	затрястись	1
390.	Зачем-то	1

391.	зашершавить	1
392.	зашипать	1
393.	зашириться	1
394.	звезды	14
395.	звонкий	1
396.	звук	24
397.	звукоход	2
398.	звучно	1
399.	здесь	4
400.	Зевес	1
401.	зеленеть	1
402.	зеленоватый	1
403.	земляника	1
404.	земля	1
405.	зеркала	19
406.	зет	1
407.	зло	8
408.	злой	4
409.	змееногий	3
410.	змея	8
411.	знание	4
412.	знаки	2
413.	знакомо	2
414.	знать	43
415.	значение	5
416.	золотой	3
417.	зонт	1
418.	зорька	1
419.	иглилки	1
420.	иглочка	1
421.	игрек	1
422.	игрушка	2
423.	Идеалов	1
424.	идеальный	1
425.	идти	1
426.	иероглифы	2
427.	известный	5
428.	извозчик	10
429.	изгнан	5
430.	издавна	1
431.	издали	3
432.	издать	1
433.	изморщиться	1
434.	излиться	1
435.	Илёв Дима	1
436.	Изливы	1
437.	изумление	4
438.	изумрудный	1
439.	изучать	2
440.	икс	10

441.	именины	1
442.	именитый	1
443.	импульсы	1
444.	иногда	5
445.	иной	17
446.	интеграл	1
447.	интерес	2
448.	Иоанникий	1
449.	исжар	1
450.	искать	3
451.	испуганно	1
452.	иссиниться	1
453.	история	3
454.	исход	1
455.	их	5
456.	кабинет	4
457.	кадило	1
458.	кадриль	1
459.	каждый	4
460.	казаться	31
461.	Казенный дом	1
462.	как	7
463.	какой	2
464.	Какой-то	40
465.	Какой-либо	1
466.	калоши	1
467.	камзол	1
468.	каменный	1
469.	капли	2
470.	капризничать	1
471.	карбункулы	3
472.	каренький	1
473.	карета	13
474.	каркун	1
475.	картавенский	1
476.	картина	1
477.	Касьянов Иван Иванович	1
478.	Касьяново	8
479.	катакомбы	1
480.	катастрофа	2
481.	каша	3
482.	квартира	12
483.	кватроченто	1
484.	киот	3
485.	кипения	1
486.	кипящий	1
487.	клавиши	1
488.	Клёся	13
489.	Клин	2
490.	клинобороденький	1

491.	клоун	24
492.	клохтать	1
493.	клуб	3
494.	книга	5
495.	книксены	1
496.	коврик	1
497.	когда	1
498.	Когда-то	8
499.	Кое-что	2
500.	кожа	1
501.	колени	2
502.	колесить	1
503.	колесо	2
504.	колесащий	2
505.	колоколенка	1
506.	колонна	2
507.	колпак	1
508.	комар	1
509.	Комета	1
510.	Комната	111
511.	компания	1
512.	композитор	1
513.	конгруэнты	1
514.	кони	1
515.	контраст	1
516.	конус	1
517.	корешки	1
518.	корзина	1
519.	коридор	40
520.	коридорный	2
521.	королевна	2
522.	корь	1
523.	космос	20
524.	космический	1
525.	Костя	1
526.	косыночка	1
527.	Косяковский дом	6
528.	котел	2
529.	Котик Летаев	13
530.	который	5
531.	кофточка	1
532.	кошка	3
533.	красноглавый	1
534.	краснолеты	1
535.	краснопалый	1
536.	красноперый	1
537.	красноречивый	5
538.	краснороги	3
539.	красноярый	2
540.	красный	37

541.	крепкокостный	1
542.	Крепколобы	1
543.	кресла	39
544.	крест	1
545.	Крестная мать	2
546.	Криво – Борисовский тупичок	1
547.	Крик	1
548.	Кричать	7
549.	крававиться	1
550.	кроватька	6
551.	кровинка	1
552.	круг	2
553.	круглоты	1
554.	кругозор	1
555.	кружеветь	1
556.	кружевной	1
557.	кружево	2
558.	кружок	1
559.	круглоусый	1
560.	крылатый	1
561.	крылоногий	1
562.	крылорогий	2
563.	крулорукий	1
564.	крылышки	1
565.	крыша	6
566.	крючочки	2
567.	кряжистый	1
568.	кто	4
569.	Кто-нибудь	4
570.	Кто-то	14
571.	куда	3
572.	Куда-то	2
573.	кудри	6
574.	кудролобий	1
575.	кузен	1
576.	кузовок	1
577.	кукла	5
578.	кулачок	1
579.	кумачи	3
580.	курносый	1
581.	кусочек	2
582.	купанье	1
583.	кухарка	1
584.	кухня	9
585.	куча	2
586.	кущи	8
587.	лабиринт	2
588.	лавочка	1
589.	Лаврова Вера Сергеевна	2
590.	ладонь	3

591.	лампа	1
592.	лампада	1
593.	ласка	4
594.	ласкаться	2
595.	Лев	12
596.	Лев Толстой	9
597.	легколистая	2
598.	легкотенный	1
599.	леденица	1
600.	ледорогий	1
601.	Лейб-медик	1
602.	Лейпциг	1
603.	лекции	6
604.	ленточка	2
605.	лепестистый	1
606.	лепесток	3
607.	лестница	3
608.	Летаевский	2
609.	Летаевы	1
610.	летать	1
611.	летучий	1
612.	Лик	1
613.	лилия	5
614.	линейка	1
615.	линии	6
616.	листки	9
617.	листитесь	2
618.	личико	2
619.	Лоб	26
620.	локоны	8
621.	ломтик	1
622.	лоскут	2
623.	Луг	1
624.	лукаво	1
625.	Луч	4
626.	любить	15
627.	любовь	1
628.	любой	2
629.	любопытно	2
630.	Любопытство	1
631.	люд	1
632.	люди	7
633.	людолёт	1
634.	людоход	1
635.	магазин	3
636.	маленький	8
637.	малиноветь	3
638.	Малиновская Наталья Ивановна	1
639.	маловласый	1
640.	мало	1

641.	мальчик	15
642.	мама	100
643.	маски	2
644.	маслице	1
645.	математик	22
646.	математически	1
647.	материи	1
648.	материк	1
649.	матрос	1
650.	мгновение	4
651.	мелодии	4
652.	мелодический	1
653.	менять	2
654.	мерзленеть	1
655.	мерзость	1
656.	Мертвенький	1
657.	метаморфоза	6
658.	метафора	1
659.	метелица	1
660.	меховой	1
661.	мечтать	2
662.	миг	25
663.	миголеты	1
664.	милая	12
665.	мило	1
666.	Миловзорилов	2
667.	мимика	1
668.	минорный	1
669.	мир	68
670.	мистерия	3
671.	мистический	1
672.	митрополит	1
673.	миф	7
674.	Михайлов день	1
675.	младенческий	1
676.	младенчество	1
677.	многие	3
678.	многое	2
679.	многозубоколонный	1
680.	многокружие	2
681.	многообразие	2
682.	многоочитый	1
683.	многолетие	1
684.	многоносый	1
685.	многоорогая	1
686.	многоорожие	3
687.	множиться	2
688.	Может быть	15
689.	Мозгова Пелагея Семеновна	1
690.	мой	106

691.	молниеносность	1
692.	молния	3
693.	Молодой человек	2
694.	молоко	1
695.	молоточки	2
696.	молчать	1
697.	моргать	2
698.	мороз	1
699.	моря	1
700.	Москва	15
701.	московская	1
702.	мост	1
703.	мостовая	3
704.	мох	1
705.	мрак	19
706.	мрачнеть	1
707.	мрачный	2
708.	Мрктич Аветович	18
709.	мужчина	1
710.	мурашик	1
711.	музыка	9
712.	мучиться	4
713.	мы	190
714.	мыслечувствия	1
715.	мыслить	2
716.	мысль	29
717.	набухать	1
718.	навислость	2
719.	навсегда	1
720.	надежда	3
721.	назад	1
722.	называть	1
723.	неизвестный	1
724.	накипи	2
725.	наконец	1
726.	наперсточек	1
727.	напоминать	6
728.	напрасно	1
729.	настаивать	1
730.	настройщик	3
731.	натяжение	2
732.	наука	1
733.	научный	1
734.	находиться	5
735.	начинаться	4
736.	наш	32
737.	не	140
738.	небесный	1
739.	небо	40
740.	небывалость	5

741.	не бывшее	7
742.	небылица	4
743.	неведомый	1
744.	невнятица	1
745.	невозможность	1
746.	невыпазд	1
747.	невыразимость	3
748.	невыразимый	1
749.	недавно	5
750.	Не запомнить	1
751.	Не знать	4
752.	неизвестный	1
753.	неизмятый	1
754.	некогда	1
755.	нелады	2
756.	нелисто	1
757.	немой	1
758.	немыслимость	2
759.	Не мыслить	1
760.	ненормальность	7
761.	необъятность	1
762.	неосыпный	1
763.	непапа	4
764.	Не помнить	6
765.	Не понимать	4
766.	непонятно	2
767.	непонятный	2
768.	непробудность	2
769.	непроглядная	2
770.	нервный	1
771.	несколько	1
772.	несчастия	1
773.	нет	14
774.	Не уметь	1
775.	Нечисть	1
776.	неяро	1
777.	низринуть	1
778.	никакой	3
779.	никогда	9
780.	никто	4
781.	никуда	6
782.	ниточка	1
783.	ничей	1
784.	ничто	29
785.	ножик	1
786.	нос	17
787.	ночь	22
788.	ноябрь	1
789.	нрав	1
790.	ныне	1

791.	Нянюшка Александра	6
792.	няня	37
793.	обезвоздушиться	1
794.	обелоглавить	1
795.	обезьяна	1
796.	облако	11
797.	обман	1
798.	обморок	2
799.	обнимать	8
800.	обои	13
801.	образ	46
802.	образование	3
803.	образовываться	9
804.	обратно	1
805.	обстает	1
806.	обстать	1
807.	обстающий	1
808.	объяснения	7
809.	объятия	2
810.	Обычный	3
811.	Огнев	7
812.	огнедышащий	2
813.	огненность	1
814.	огнерод	1
815.	огнеротый	1
816.	огни	15
817.	огонь	5
818.	огромный	65
819.	одеяльце	1
820.	один	3
821.	одинок	1
822.	одиночество	1
823.	однажды	5
824.	одолевать	3
825.	ожидание	3
826.	океан	1
827.	окно	59
828.	окружение	1
829.	окружность	2
830.	омолниться	1
831.	он	114
832.	она	68
833.	они	24
834.	оно	9
835.	опасение	2
836.	опасность	1
837.	оперетка	1
838.	опустевший	1
839.	опыты	4
840.	опять	5

841.	орган	2
842.	орнаменты	1
843.	осветить	1
844.	осень	2
845.	осинник	1
846.	Осознавать	1
847.	Остороженка	1
848.	ответить	2
849.	открываться	10
850.	откуда	5
851.	откуда-то	3
852.	отражение	2
853.	отталкивать	1
854.	оттенок	1
855.	Оттого-то	3
856.	оттуда	28
857.	Откуда-то	1
858.	отсутствие	1
859.	отчетливо	3
860.	охватить	4
861.	охваченный	1
862.	очень	28
863.	очкастый	3
864.	очки	13
865.	ошупи	6
866.	ощущать	8
867.	ощущение	26
868.	пальчик	2
869.	память	46
870.	папа	150
871.	папоход	1
872.	парик	1
873.	парк	5
874.	паркет	5
875.	Парфюмерный магазин	1
876.	Пассаж	2
877.	пастушок	1
878.	паяцы	1
879.	пеклеванный	1
880.	пелеринка	1
881.	пена	1
882.	пентаграмма	1
883.	перевины	1
884.	первый	17
885.	переживания	4
886.	переживать	6
887.	пережития	2
888.	перекидной	1
889.	Перекресток	1
890.	переписка	1

891.	перепутать	1
892.	периферия	1
893.	переходы	9
894.	переулки	10
895.	период	1
896.	перспектива	2
897.	песик	3
898.	песок	2
899.	Петрович	6
900.	Петрушка	1
901.	печь	10
902.	пещерный	1
903.	Пифагор	1
904.	плакаты	8
905.	пламенеть	1
906.	пламена	10
907.	план	1
908.	Платон	1
909.	платье	9
910.	плечики	1
911.	Повалихинский	8
912.	повертываться	1
913.	повсюду	2
914.	повторения	2
915.	погрохатывать	1
916.	подарки	2
917.	подобия	4
918.	подозрительно	6
919.	подосинник	1
920.	подпирамидный	1
921.	подумать	1
922.	подчирикнуть	1
923.	позже	1
924.	Позор	2
925.	познания	2
926.	показаться	1
927.	полифония	1
928.	полниться	1
929.	полноумие	1
930.	полудневный	1
931.	полудремотно	2
932.	полукруг	1
933.	полулюди	1
934.	полуприсесть	1
935.	полчища	1
936.	помнить	10
937.	помниться	5
938.	Помпул Христофор Христофорович	32
939.	понимать	7

940.	понимание	3
941.	понятие	7
942.	попадя	1
943.	поп	2
944.	Поповский пассаж	1
945.	поражать	3
946.	порог	1
947.	портфель	4
948.	после	11
949.	посребреть	1
950.	постелька	10
951.	поступок	2
952.	поступь	1
953.	потом	10
954.	потоп	4
955.	потряся	1
956.	поусесться	1
957.	похрапыванье	1
958.	почему	3
959.	Почему-то	1
960.	почивать	1
961.	почки	1
962.	появиться	1
963.	пояснить	8
964.	прабабушка	2
965.	праздноглазо	1
966.	праматерь	1
967.	правда	5
968.	правило	2
969.	пребывание	1
970.	превратности	1
971.	превращение	1
972.	предметы	18
973.	представление	6
974.	представляться	9
975.	предчувствовать	1
976.	прежде	8
977.	преждевременно	1
978.	преждевременность	1
979.	прежний	7
980.	преодолевать	1
981.	Пречистенская часть	1
982.	примечательно	1
983.	прислуга	1
984.	Притатаенко	2
985.	приятно	2
986.	припоминать	4
987.	Провинность	1
988.	проглядные	3
989.	прогнанный	1

990.	происшествие	3
991.	прогулка	1
992.	проект	1
993.	пролетка	4
994.	пронизать	2
995.	пропасть	2
996.	прорезь	1
997.	просвирка	1
998.	просвирня	1
999.	прослякотиться	1
1000.	пространство	17
1001.	просфора	2
1002.	профессор	11
1003.	Профессор Макеев	1
1004.	профессорша	1
1005.	проход	4
1006.	Прохожие	3
1007.	проценты	3
1008.	проясниться	2
1009.	пруд	2
1010.	прошлое	6
1011.	Пуанкаре	1
1012.	пугаться	1
1013.	пугливо	1
1014.	пуговицы	1
1015.	Пудостопов	1
1016.	пузырь	2
1017.	пульс	6
1018.	пунцовый	6
1019.	пурпур	3
1020.	пурпуровый	2
1021.	пурпуриться	1
1022.	пустоглазый	1
1023.	пустой	4
1024.	пустота	1
1025.	путь	1
1026.	пучности	1
1027.	Пфеффер	2
1028.	пфуи	2
1029.	пьянино	5
1030.	пьянство	2
1031.	пылинки	1
1032.	пытаться	1
1033.	пяtilетие	1
1034.	пятна	3
1035.	раз	1
1036.	разве	7
1037.	развитие	5
1038.	разговаривать	1
1039.	разговор	5

1040.	размышления	3
1041.	разроиться	1
1042.	Раиса Ивановна	53
1043.	рай	11
1044.	раскаты	1
1045.	расколы	2
1046.	раскоряка	
1047.	распятие	2
1048.	рассказ	4
1049.	рассказывать	1
1050.	ребенок	1
1051.	рев	1
1052.	ревнуть	1
1053.	ректор	1
1054.	реликвия	1
1055.	Ремесленная школа	3
1056.	Ренессанс	1
1057.	ресницы	1
1058.	ретивый	1
1059.	речи	3
1060.	риза	3
1061.	рисунок	2
1062.	ритм	15
1063.	родственность	1
1064.	рождение	10
1065.	рождество	1
1066.	роиться	2
1067.	рой	16
1068.	роковой	2
1069.	романс	2
1070.	Россия	4
1071.	рост	3
1072.	рот	3
1073.	рояль	1
1074.	рубашка	2
1075.	рубин	3
1076.	рукавчик	1
1077.	руки	7
1078.	рулада	2
1079.	Рупрехт	11
1080.	рухнувший	2
1081.	рыбка	1
1082.	саночки	9
1083.	сам	3
1084.	самовар	1
1085.	самоводный	1
1086.	самодушие	1
1087.	самокрылый	1
1088.	самород	1

1089.	самосознание	1
1090.	самосыпный	1
1091.	самый	2
1092.	сапожок	1
1093.	свеситься	1
1094.	свет	2
1095.	светлоливный	1
1096.	светлонравный	1
1097.	свечи	4
1098.	свист	3
1099.	свобода	1
1100.	свой	15
1101.	свора	3
1102.	священник	1
1103.	себя	27
1104.	сегодня	1
1105.	седины	2
1106.	седопенный	1
1107.	Серафима Гавриловна	13
1108.	сердце	11
1109.	серебриться	4
1110.	сереть	1
1111.	сетка	1
1112.	синерод	1
1113.	синий	7
1114.	синиться	1
1115.	сиротливо	1
1116.	сзади	1
1117.	Сивцев вражек	2
1118.	сказка	8
1119.	скарлатина	2
1120.	скачущий	1
1121.	скверновато	2
1122.	скверный	1
1123.	сквознячок	1
1124.	Склифосовский Николай Васильевич	1
1125.	скрыть	1
1126.	слагать	3
1127.	слезы	1
1128.	слово	48
1129.	сложно	1
1130.	слоник	3
1131.	случай	1
1132.	слушать	4
1133.	слышать	8
1134.	смерзнуться	1
1135.	смещаться	3
1136.	смирно	1

1137.	смотреть	16
1138.	смутно	9
1139.	смысл	19
1140.	смятение	3
1141.	снега	2
1142.	снеголиты	1
1143.	снегометы	4
1144.	снегопись	1
1145.	снежинки	2
1146.	сначала	1
1147.	снова	3
1148.	собачка	1
1149.	собственный	2
1150.	событие	19
1151.	Совет	2
1152.	содержание	3
1153.	созвучия	1
1154.	созданице	1
1155.	созерцание	3
1156.	созерцать	1
1157.	сознание	38
1158.	солнце	5
1159.	Соловьев Владимир	9
1160.	сон	7
1161.	Сонечка	10
1162.	сопровождение	3
1163.	сопрягаясь	1
1164.	сосны	1
1165.	состояние	13
1166.	сосульки	1
1167.	Сперва	2
1168.	спирали	8
1169.	спокойствие	1
1170.	спор	1
1171.	способность	1
1172.	спутник	1
1173.	сребропевные	1
1174.	среброструйные	1
1175.	стаи	4
1176.	стакан	1
1177.	становиться	16
1178.	становление	1
1179.	старина	1
1180.	старичок	1
1181.	стародавний	16
1182.	Староста Святославский	2
1183.	старуха	12
1184.	старухинский	3
1185.	старушиться	1

1186.	Старый	4
1187.	стеклоглазый	1
1188.	стеклянный	1
1189.	стеклярус	1
1190.	стены	87
1191.	Столешников переулок	1
1192.	стол	10
1193.	столовая	11
1194.	сторона	2
1195.	странно	9
1196.	странный	5
1197.	странствие	3
1198.	страны	15
1199.	страх	1
1200.	страшно	6
1201.	страшный	2
1202.	стрекозящий	1
1203.	строи	20
1204.	стружка	1
1205.	студент	1
1206.	стул	1
1207.	ступеньки	1
1208.	стыдно	1
1209.	суд	3
1210.	сумерки	8
1211.	сундук	1
1212.	Сутуленький	1
1213.	суша	1
1214.	существа	2
1215.	сфантазировать	1
1216.	сфера	17
1217.	цена	1
1218.	счастье	2
1219.	сыроежка	1
1220.	сюртучники	1
1221.	та	5
1222.	табак	2
1223.	таймый	4
1224.	тайна	2
1225.	так	36
1226.	такой	16
1227.	таксы	2
1228.	Тамара	7
1229.	там	83
1230.	танцы	5
1231.	тарелка	3
1232.	твердь	1
1233.	твердыня	1
1234.	те	3
1235.	театр	2

1236.	Тезей	1
1237.	тело	1
1238.	тени	15
1239.	темени	1
1240.	темноводный	1
1241.	темнодонное	1
1242.	темнота	6
1243.	теперь	13
1244.	тепло	4
1245.	терраса	2
1246.	тесный	1
1247.	тети	1
1248.	тетрадь	2
1249.	Тетя Дотя	40
1250.	Титан	10
1251.	титанность	1
1252.	тихий	6
1253.	тихолазный	1
1254.	тихолюдный	1
1255.	тихонравная	1
1256.	тихохолмный	1
1257.	то	12
1258.	томик	8
1259.	тот	1
1260.	Тотчас же	2
1261.	тогда	4
1262.	Тогда - то	2
1263.	толенница	1
1264.	толстовство	1
1265.	толстяк	2
1266.	томик	4
1267.	топот	1
1268.	тоска	1
1269.	точка	3
1270.	трагедия	1
1271.	трепеты	3
1272.	трескучий	1
1273.	трехлетие	2
1274.	треченто	1
1275.	трещотка	1
1276.	Троице - Арбатская церковь	1
1277.	Троицкий Матвей Михайлович	1
1278.	тропинка	1
1279.	тротуар	8
1280.	труба	16
1281.	трубочист	13
1282.	Трубниковский переулок	5
1283.	тугопучный	2
1284.	туда	13
1285.	туман	1

1286.	тупик	1
1287.	тут	19
1288.	туфелька	1
1289.	туча	4
1290.	ты	7
1291.	тысячекрыло	1
1292.	тысячелетия	14
1293.	тьма	10
1294.	тяготить	2
1295.	угли	1
1296.	уголок	4
1297.	угрюмо	1
1298.	удивлять	1
1299.	удивляться	1
1300.	ужас	7
1301.	ужасаться	3
1302.	ужасно	4
1303.	ужасный	3
1304.	уж	52
1305.	узнать	10
1306.	указывать	2
1307.	улица	19
1308.	улыбаяся	1
1309.	ум	4
1310.	уметь	1
1311.	Умов Николай Алексеевич	1
1312.	умозрения	3
1313.	Университет	8
1314.	упражнения	1
1315.	ураган	3
1316.	Усов Сергей Алексеевич	7
1317.	уста	1
1318.	уставиться	1
1319.	усы	7
1320.	утрата	2
1321.	утренница	1
1322.	утро	8
1323.	ученик	1
1324.	учреждения	1
1325.	факт	1
1326.	фантазия	1
1327.	фартук	1
1328.	фигурка	10
1329.	философия	1
1330.	философ	1
1331.	фонтанчик	1
1332.	форменный	1
1333.	формочки	1
1334.	фрак	5
1335.	французский	1

1336.	Фундаменталиков-Чемодаников	3
1337.	функции	6
1338.	халат	1
1339.	хвостик	1
1340.	хлебик	1
1341.	хлопушки	1
1342.	хлопья	1
1343.	хлынуть	3
1344.	хлыстик	1
1345.	хляби	1
1346.	ход	3
1347.	ходить	10
1348.	хорошо	2
1349.	хотеть	7
1350.	храм	3
1351.	хрусталенки	1
1352.	хрусталеть	1
1353.	художник	2
1354.	целовать	1
1355.	ценности	3
1356.	церковь	2
1357.	чады	1
1358.	чай	3
1359.	Чайковский	1
1360.	часто	2
1361.	чашка	2
1362.	чаща	1
1363.	чепчик	1
1364.	червячок	3
1365.	череп	3
1366.	чернокосмый	2
1367.	чернорогий	2
1368.	чернород	1
1369.	черноярый	1
1370.	черный	19
1371.	четыре	1
1372.	четырёхлетие	1
1373.	что	1
1374.	Что бы ни было	1
1375.	Что-нибудь	1
1376.	Что-то	24
1377.	чувство	5
1378.	чувствовать	5
1379.	чудище	
1380.	чулок	2
1381.	чутко	1
1382.	Шар	7
1383.	шепоты	8
1384.	шерстяной	1
1385.	Шествие	7

1386.	шириться	1
1387.	шкапчик	7
1388.	шорох	2
1389.	штанишки	4
1390.	шуба	10
1391.	Шум	3
1392.	щеньята	1
1393.	щёчки	1
1394.	эллиптическая	1
1395.	Э-моль	2
1396.	эпоха	6
1397.	Эра	1
1398.	этажерочка	1
1399.	Это	70
1400.	юмор	1
1401.	юркость	1
1402.	Я	1120
1403.	Явь	2
1404.	язвительный	1
1405.	язвить	1
1406.	Яккэ	7
1407.	ярко	1
1408.	яснеть	1
1409.	ясновзорный	1
1410.	ясноглаво	1
1411.	ясноглазое	2
1412.	яснолапый	1
1413.	ясно	6
1414.	ясность	4
1415.	ясный	15
1416.	яснящий	1
1417.	яства	1

Высокочастотные единицы индивидуального лексикона языковой личности «Котик Летаев»

Слово	ИЧ	Слово	ИЧ	Слово	ИЧ
Арбат	28	Комната	111	Раиса Ивановна	53
Афросинья	19	Коридор	40	Рай	11
Бабушка	51	Космос	20	Ритм	15
Блеск	27	Котик Летаев	13	Рождение	10
Блещенский	20	Красный	37	Рой	16
Блещенская	23	Кресла	39	Рупрехт	11
Бояться	10	Кто-то	14	Свой	15
Брабаго	12	Лев	12	Себя	27
Бред	14	Лоб	26	Серафима Гаври- ловна	13
Бывало	26	Любить	15	Сердце	11
Быть	35	Мальчик	15	Слово	48
Вечер	21	Мама	99	Смотреть	16
Видеть	29	Математик	22	Смысл	19
Возникать	10	Миг	25	Событие	19
Воспоминание	25	Милая	12	Сознание	38
Вот	49	Мир	68	Сонечка	10
Впечатления	22	Может быть	15	Состояние	13
Впоследствии	31	Мой	106	Становиться	16
Время	17	Москва	15	Стародавний	16
Все	38	Мрак	19	старуха	12
Всё	70	Мрктич Аветович	18	Стены	87
Вселенная	11	Мы	190	Стол	10
Вспоминать	23	Мысль	29	Столовая	11
Где	14	Наш	32	Страны	15
Глаза	22	Небо	40	Строй	20
Голова	15	Нет	14	Сфера	17
Город	13	Ничто	29	Так	36
Гости	17	Нос	17	Такой	16
Грохоты	14	Ночь	22	Там	83
Два	10	Няня	43	Тени	15
Действительность	15	Облако	11	Теперь	13
День	25	Обои	13	Тетя Дотя	40
Детская	15	Образ	46	Титан	10
Дом	19	Огни	15	То	12
Дорионов	10	Огромный	65	Труба	16
Древний	19	Окно	59	Трубочист	13
Древо	12	Он	114	Туда	13
Думать	40	Она	68	Тут	19
Дуняша	10	Они	24	Тысячелетия	14
Дух	15	Открываться	10	Тьма	10

Душа	10	Оттуда	28	Уже	52
Дядя Вася	11	очень	28	Узнать	10
Жёлтый	12	Очки	13	Улица	19
Жизнь	49	Ощущение	26	Фигурка	10
Закат	10	Память	46	Ходить	10
Звёзды	14	Папа	150	Черный	19
Звук	24	Первый	17	Что-то	24
Зеркала	19	Переулки	10	Шуба	10
Знать	43	Печь	10	Это	70
Извозчик	10	Пламена	10	Ясный	15
Икс	10	Помнить	10	Я	1119
Иной	17	Помпул	32		
Казаться	31	После	11		
Какой-то	40	Постель	10		
Карета	13	Потом	10		
Квартира	12	Предметы	18		
Клёся	13	Пространство	17		
Клоун	24	Профессор	11		

**Семантическая классификация единиц индивидуального лексикона
языковой личности «Котик Летаев»**

I. Слова указующие (местоимения)

Семантическое подмножество	Число слов: частотность
1	95: 2522
I. Слова, указывающие на предмет.	21: 1768
<i>1. Слова, указывающие на предмет: все живое:</i>	13:1624
все (38), кто (4), кто-то (14), кто-нибудь (4), мы (190), никто (4), он (114)/ она (68), они (24), сам (3), себя (27), ты (14), я (1120).	
<i>2. Слова, указывающие на предмет: вещь, явление:</i>	8: 144
всё (70), нечто (9), ничто (29), оно (9), что (1), фраз. сочетания что бы ни было (1), что-то (24), что-нибудь (1).	
II. Слова, указывающие на непроцессуальный признак.	20: 348
<i>На признак качественный или относительный:</i>	17: 343
Другой (3), его (3), её (3), иной (17), их (5), каждый (4), какой-то (40), любой (2), мой (106), наш (32), никакой (3), ничей (1), самый (2), свой (15), та(5), такой (16), те (3), то(12), тот (1), это(70).	
• <i>На признак качественный:</i>	3: 5
Мало (1), многие(3), несколько (1).	
III. Слова, указывающие на признак другого признака или ситуативное состояние.	54: 406
• <i>На признак по времени, пределу во времени:</i>	30: 189
Вновь (1), впоследствии (31), всегда (2), вскоре (1), давно (2), издавна (1), иногда (5), когда (1), когда-то (8), навсегда(1), некогда (1), никогда (9), ныне (1), однажды (5), опять (5), позже (1), после (11), потом (10), прежде (8), преждевременно (1), прежний (7), раз (1), сегодня (1), сначала (1), снова (3), сперва (2), теперь (13), тогда-то	

(2), тотчас же (2), уже (52).	
• <i>На признак по месту, исхождению, направлению, пределу в пространстве:</i>	19: 173
Везде (2), где (14), где-то (5), здесь (4), издали (3), куда (3), куда-то (2), назад (1), наконец (1), недавно (5), никуда (6), обратно (1), откуда (5), откуда-то (3), повсюду (2), сзади (1), там (83), туда (13), тут (19).	
• <i>На признак причины, цели, условия, следствия, связи:</i>	4: 8
Зачем –то (1), оттого –то (3), почему (3), почему-то (1).	
• <i>На признак по способу и характеру, образу действия:</i>	1: 36
Так (36).	

II. «Слова, именующие признак процессуальный» (глаголы)

I. Действие и деятельность	122: 486
<i>1. Глаголы движения</i>	10: 32
Бежать (6), бродить (3), встретить (3), гулять (3), идти (1), колесить (1), летать (1), появиться (1), хлынуть (3), ходить (10).	
<i>2. Глаголы перемещения объекта</i>	4: 6
Закружить (1), повертываться (1), свеситься (1), смещаться (3).	
<i>3. Глаголы помещения</i>	2: 6
Находиться (5), скрыть (1).	
<i>4. Глаголы физического воздействия на объект</i>	9: 23
Возжаривать (1), обнимать (8), обстать (2), одолевать (3), откинуть (1), отталкивать (1), охватить (4), пронизать (2), целовать (1).	
<i>5. Глаголы созидательной деятельности</i>	5: 8
Множиться (2), полниться (1), сфантазировать (1), осветить (1), слагать (3).	
<i>6. Глаголы восприятия и интеллектуальной деятельности</i>	42: 347
Вглядываться (1), взирать (2), видеть (29), видывать (7), вникать (1), никать (10), воображать (1), вспоминать (23), выясняться (1), глядеть (2), думать (40), забыть (4), запомнить (2), знать (43), изучать (2), казаться	

(31), мечтать (2), мыслить (2), напоминать (6), не запомнить (1), не знать (4), не мыслить (1), не помнить (6), не понимать (4), образовываться (9), открываться (10), помнить (10), осознавать (1), подумать (1), показаться (1), помниться (5), понимать (7), пояснить (8), представляться (9), припоминать (1), проясниться (2), слушать (4), слышать (8), смотреть (16), созерцать (1), становиться (16), узнать (10), указывать (2), уставиться (1).	
<i>7. Глаголы речевой деятельности</i>	11: 26
Воскликнуть (1), вскричать (2), выразить (1), говорить (8), издать (1), кричать (7), называть (1), ответить (2), разговаривать (1), рассказывать (1), язвить (1).	
<i>8. Глаголы социальной деятельности</i>	
<i>9. Глаголы противодействия</i>	3: 4
Бороться (2), настаивать (1), преодолевать (1).	
<i>10. Глаголы поступка и поведения</i>	8: 10
Бросаться (2), грешить (1), капризничать (1), менять (1), молчать (1), перепутать (1), пытаться (1).	
<i>11. Глаголы осуществления</i>	4: 7
Вылагаться (1), искать (3), разроиться (1), роиться (2).	
<i>12. Глаголы использования</i>	4: 4
Излиться (1), иссиниться (1), обезвоздушиться (1), обелоглавить (1),	
<i>13. Глаголы физиологического действия</i>	10: 13
Вырастать (1), дрожать(3), забредить (1), затрястись (1), зашершавить (1), изморщиться (1), моргать (2), набухать (1), почивать (1), шириться (1).	
<i>14. Глаголы звучания</i>	9: 9
Бубукать (1), взреветь (1), греметь (1), гроыхать (1), зашипать (1), хлоптать (1), погрохатывать (1), подчирикнуть (1), ревнуть (1).	
II. Бытие, состояние, качество	58: 154
<i>1. Глаголы бытия</i>	6: 43
Быть (35), воссесть (1), начинаться (4), низринуть (1), полуприсесть (1), поусесться (1).	
<i>2. Глаголы качественного состояния</i>	52: 111
Алмазиться (1), багрянеть (1), бирюзеть (1), бояться (10), будоражиться (2), верить (1), ветриться (2), вилять (1), грустнеть (1), деревенеть (1),	

дивиться (1), желтеть (1), ждать (6), заогневеть (1), зареть (1), занепа- питься (1), зеленеть (1), заширяться (1), кровавиться (1), кружеветь (1), ласкаться (2), листиться (1), малиноветь (3), мерзленеть (1), мрачнеть (1), мучиться (4), не уметь (1), оломниться (1), ощущать (10), переживать (6), плакать (8), пламенеть (1), поражать (3), посребреть (1), предчувствовать (1), прослякотиться (1), пурпуриться (1), пугаться (1), серебриться (4), сереть (1), синиться (1), смерзнуться (1), старушиться (1), тяготить (2), удивлять (1), удивляться (1), ужасаться (3), уметь (1), хотеть (7), хруста- леть (1), чувствовать (5), яснеть (1).	
III. Отношение	1: 15
<i>1. Глаголы взаимоотношения</i>	
<i>2. Глаголы владения</i>	
<i>3. Глаголы межличностных отношений</i>	1: 15
Любить (15)	

Приложение 4

Список принятых в работе условных сокращений и аббревиатур

ЯЛ - языковая личность

ИЧ - индекс частотности